

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

№ 2 (149)

Социально-экономические и общественные науки

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве
информации Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 546 от 06.07.2009 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ, Научную электронную библиотеку
eLIBRARY.RU и банк данных Национального
центра правовой информации
Республики Беларусь

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С.А. ХАХОМОВ,
д-р физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора Д.Л. КОВАЛЕНКО,
канд. физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора А.Р. МИРОТИН,
д-р физ.-мат. наук, профессор
Зам. главн. редактора Г.Г. ГОНЧАРЕНКО,
д-р биол. наук, профессор, чл.-корр. НАН Беларуси

Члены редакционной коллегии:

Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.,
чл.-корр. НАН Беларуси
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по социально-экономическим и общественным наукам:

С.Н. Лебедева, д-р экон. наук, проф.
Г.И. Нарскин, д-р пед. наук, проф.
Р.М. Нижегородцев (Россия), д-р экон. наук, проф.
В.Г. Никитушкин (Россия), д-р пед. наук, проф.
В.Г. Ротань (Россия), д-р юрид. наук, проф.
М. Шеневуа (Франция), д-р. наук, проф. права

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246028, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: <http://vesti.gsu.by>

Francisk Skorina Gomel State University

PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of
Republic of Belarus
(registration certificate
number 546 dated 06.07.2009)

The Journal is included in the Republic of Belarus High-
er Attestation Commission list of scientific publications
of the Republic of Belarus, which publish the main re-
sults for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences
(Order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated
15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The journal is included in the bibliographic Databases of
the All-Russia Institute of Scientific and Technical Infor-
mation (VINITI), Scientific Electronic Library
eLIBRARY.RU and Database of the National Center of
Legal Information of the Republic of Belarus

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief S.A. KHAKHOMOV,
Sc. D., Docent of Physics
Deputy editor-in-chief D.L. KOVALENKO,
PhD, Associate Professor
Deputy editor-in-chief A.R. MIROTIN,
Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief G.G. GONCHARENKO,
Sc. D., Professor, Corresponding Member NASB

Members of editorial board:

F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor,
Corresponding Member NASB
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahтова, executive secretary

Members of editorial board for the socio-economic and social sciences

S.N. Lebedeva, Sc. D., Professor
G.I. Narskin, Sc. D., Professor
R.M. Nizhegorodtsev (Russia), Sc. D., Professor
V.G. Nikitushkin (Russia), Sc. D., Professor
V.G. Rotan (Russia), Sc. D., Professor
M. Shenevua (France) Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246028, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Site: <http://vesti.gsu.by>

© Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», 2025
© Educational Establishment «Francisk Skorina Gomel State University», 2025

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2025, № 2 (149) •

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ:
ПЕДАГОГИКА • ПРАВО • ЭКОНОМИКА

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИКА

Вэнь Хуэйи, Кошман Е.Е. Основные факторы, влияющие на развитие медиа-информационной грамотности учителей средних классов.....	5
Гладейчук Е.В. Исторические аспекты развития системы лингвистического педагогического образования в Китае в XX веке (1920-е гг. – период Культурной революции)....	10
Кадол Ф.В., Гробок И.И. Научно-педагогическое управление профессиональным самоопределением учащихся профессионально-технического образования.....	17
Леонюк Н.А., Ковалевич М.С. Допрофессиональная педагогическая подготовка школьников как важнейший этап в формировании мотивационной готовности к выбору педагогической профессии будущими абитуриентами.....	22
Макаров И.В. Специфические особенности проявления ловкости в дзюдо.....	28
Мяцеліца А.М. Уплыў рухальных і інтэлектуальных вучэбных заданняў на фарміраванне мэтавай патрэбнасна-матывацыйнай сферы фізічнай культуры вучняў....	33
Осипенко Е.В., Никитюк А.В., Никитюк Ю.В. Нейросетевое моделирование в физической подготовке юных легкоатлетов.....	39
Портнова-Шаховская А.В., Кастрица Е.А. Национально-культурные основы высшего образования иностранных студентов как национальный интерес Беларуси.....	45
Сандуляк С.А. Формирование научного мышления учеников и студентов в ключе принципов «Школы Будущего».....	49
Чжан На. Основные тенденции развития системы высшего профессионального образования в Китае.....	55

ПРАВО

Абрамчук А.А. Функции государственного управления как деятельность государственного аппарата по воздействию на общественные процессы с целью реализации целей и задач государственной управленческой деятельности.....	59
Брилёва В.А. О месте цифрового права в системе права.....	65
Копыткова Н.В. Правовая характеристика Соглашения об уплате алиментов на детей.....	69
Масловская Т.С. Модернизация системы сдержек и противовесов в государствах СНГ в первой четверти XXI века.....	73
Мельникова О.Е. Становление и развитие института служебных объектов патентного права в Республике Беларусь.....	79
Можаева Л.Е., Можаева А.А. Актуальные вопросы защиты персональных данных в сфере здравоохранения.....	86

Усава А.І. <i>Да пытання аб адміністрацыйнай адказнасці за правапарушэнні супраць бяспекі руху і эксплуатацыі транспарту</i>	91
Ярмоц Е.Н. <i>О соотношении понятий «судебная власть» и «судебная деятельность»</i> .	95

ЭКОНОМИКА

Балабанович О.А. <i>Формирование системы управления, обеспечивающей эффективность функционирования организаций в долгосрочной перспективе</i>	100
Западнюк Е.А., Коржова В.А. <i>Понятие технологических укладов и многоукладность экономики Республики Беларусь</i>	105
Земцов А.Г. <i>Методика оценки степени вмешательства государства в функционирование системы здравоохранения Республики Беларусь</i>	112
Зенькова Л.П., Хегази Б.Р. <i>Структурные сдвиги и экономические циклы: сравнительный анализ Беларуси и Ливана</i>	116
Кадол Н.Ф. <i>Внедрение ESG-принципов в экономику Китая</i>	122
Лин С.Д. <i>Алгоритм изучения человеческого капитала белорусского села</i>	127
Соркин С.В. <i>Направления исследований международной торговли сельскохозяйственной продукцией</i>	133

PROCEEDINGS

of Francisk Skorina Gomel State University

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

Published since 1999

Released bimonthly

• 2025, № 2 (149) •

SOCIO-ECONOMIC AND SOCIAL SCIENCES:
PEDAGOGICS • LAW • ECONOMICS

CONTENTS

PEDAGOGICS

Wen Huiyi, Koshman E.E. <i>Main factors affecting the development of media and information literacy of secondary school teachers</i>	5
Gladeichuk E.V. <i>Historical aspects of the development of the foreign language teacher training system in China in the 20th century (1920s – the Cultural Revolution)</i>	10
Kadol F.V., Grobok I.I. <i>Scientific and pedagogical management of professional self-determination of students of vocational and technical education</i>	17
Leonyuk N.A., Kovalevich M.S. <i>Pre-vocational pedagogical training of schoolchildren as the most important stage in the formation of motivational readiness for the choice of a teaching profession by future applicants</i>	22
Makarov I.V. <i>Specific features of dexterity in judo</i>	28
Miatselitsa A.M. <i>The influence of motor and intellectual educational tasks on the formation of the target need-motivational sphere of students' physical culture</i>	33
Osipenko E.V., Nikityuk A.V., Nikityuk Yu.V. <i>Neural network modeling in physical training of young track and field athletes</i>	39
Portnova-Shahovskaya A.V., Kastritsa E.A. <i>National and cultural foundations of higher education of foreign students as a national interest of Belarus</i>	45
Sanduleac S.A. <i>Scientific thinking development in schoolchildren and university students in line with the principles of «Future School»</i>	49
Zhang Na. <i>Main trends in the development of the system of higher professional education in China</i>	55

LAW

Abramchuk A.A. <i>Functions of public administration as the activity of the state apparatus to influence social processes in order to achieve the goals and objectives of public administration activities</i>	59
Brileva V.A. <i>On the place of digital law in the legal system</i>	65
Kopytkova N.V. <i>Legal characteristics of the child support payment agreement</i>	69
Maslovskaya T.S. <i>Modernization of the system of checks and balances in the CIS countries in the first quarter of the 21st century</i>	73
Melnikova O.E. <i>Formation and development of the institute of official objects of patent law in the Republic of Belarus</i>	79
Mozhaeva L.E., Mozhaeva A.A. <i>Current issues of personal data protection in the healthcare sector</i>	86
Usava A.I. <i>On the issue of administrative liability for offenses against traffic safety and transport operation</i>	91

Yarmots E.N. <i>On the relationship between the concepts of «judicial power» and «judicial activity»</i>	95
ECONOMICS	
Balabanovich O.A. <i>Formation of a management system ensuring the efficiency of enterprises in conditions of great prospects</i>	100
Zapadniuk E.A., Korzhova V.A. <i>The concept of technological modes and the multi-style economy of the Republic of Belarus</i>	105
Zemtsov A.G. <i>Methodology for assessing the degree of state intervention in the functioning of the healthcare system of the Republic of Belarus</i>	112
Ziankova L.P., Hegazi B.R. <i>Structural shifts and economic cycles: a comparative analysis of Belarus and Lebanon</i>	116
Kadol N.F. <i>Implementing ESG principles in Chinese economy</i>	122
Lin S.D. <i>Algorithm for studying human capital of the Belarusian village</i>	127
Sorkin S.V. <i>Research directions in international agricultural trade</i>	133

Педагогика

УДК 37.091.3:004.9

EDN: CRWBGZ

Main factors affecting the development of media and information literacy of secondary school teachers

WEN HUIYI¹, E.E. KOSHMAN²

The article discusses the main factors influencing the development of media information literacy among secondary school teachers, reveals the basic concepts of information literacy among secondary school teachers, its meaning and significance. The importance of developing information literacy among secondary school teachers is noted in terms of adapting to the needs of information technology, promoting professional development and lifelong learning. Recommendations have been developed for updating the concept and methods of training aimed at developing the ability to self-study and actively participate in seminar events. The ways to implement reflection aimed at effective ways to improve the information literacy of secondary school teachers are proposed.

Keywords: factors, media and information literacy, awareness, teacher, information technology, information law, professional development.

В статье рассматриваются основные факторы, влияющие на развитие медиа-информационной грамотности учителей средних классов, раскрыты основные понятия информационной грамотности среди учителей средней школы, ее смысл и значение. Отмечается важность развития информационной грамотности среди учителей средних школ с точки зрения адаптации к потребностям информационных технологий, содействия профессиональному развитию и поощрения обучения на протяжении всей жизни. Разработаны рекомендации по обновлению концепции и методов обучения, направленных на развитие способности к самообучению, активному участию в семинарских мероприятиях. Предложены пути осуществления рефлексии, направленной на эффективные способы повышения информационной грамотности учителей средних школ.

Ключевые слова: факторы, медиа-информационная грамотность, осведомленность, учитель, информационные технологии, информационное право, профессиональное развитие.

With the constant development and popularization of information technology, the need for information literacy of secondary school teachers in the field of education is becoming increasingly high. A modern teacher is, first of all, a specialist who can freely navigate the information space, who has the necessary knowledge and skills to search, store and use information, transform and modify it, works with a variety of information media, and uses modern technologies, computer communication systems. Information literacy is not only a technical skill, but more importantly – the ability to acquire, evaluate, process, use and communicate information, ultimately integrating information technology and teaching.

In the mediatization of education, the formation of teachers' professional literacy is organically linked to ensuring their full preparation for the use of media in the educational process. At the present stage, a specific direction is represented in pedagogical science by media education, which is understood as the process of education and development of personality with the help and on the material of media (media means press, television, cinema, radio, multimedia computer systems, the Internet, etc.). The aim of media pedagogics is the formation of a culture of communication, creative, communicative abilities, critical thinking, skills of interpretation, analysis and evaluation of various information, training in various forms of self-expression using modern computer and digital technology.

At the same time, researchers note that nowadays teachers are increasingly using media in the educational process in order to implement the principle of visibility in teaching, but at the same time, their significant capabilities that contribute to a comprehensive solution to the problem of in-

tellecual, moral and aesthetic development of students remain out of sight. Despite a significant amount of research concerning various problems of media education and revealing the capabilities of media in increasing the effectiveness of teaching, the issues of developing teachers' media competence have not received sufficient coverage in the scientific literature.

Information awareness is the basis of information literacy for secondary school teachers, who must realize that information has become one of the main driving forces of social development and importance in education and teaching. This includes an understanding of information technology, as well as an understanding of the acquisition, evaluation, use and dissemination of information. Good knowledge of information can enable secondary school teachers to better adapt to the demands of information education and proactively respond to the challenges of the information age.

The structure of a teacher's information literacy, as noted by Hu Xiayuya, includes information knowledge and information abilities.

Information knowledge is the main content of information literacy for secondary school teachers, including knowledge in the field of computer science, information technology and information law. A high school teacher needs to have basic knowledge of computer science, understand the essence, characteristics and laws of information, and at the same time need to master knowledge in the field of information technology, including computer applications, network technology, multimedia technology, etc.

Information ability is the key to information literacy for secondary school teachers, which means their ability of implementing technologies in teaching. This includes aspects such as information gathering ability, information processing ability, information analysis ability, information evaluation ability, and information use ability. Secondary school teachers must be able to quickly obtain, accurately review, and use information effectively. They must be able to flexibly use various information technologies and tools in accordance with learning needs, develop and implement a variety of teaching activities, and thereby increase the level of information literacy of students. Improving information ability is a long-term process for secondary school teachers and requires constant practice and reflection, as well as continuous improvement in their ability to process and use information.

Information literacy is crucial for secondary school teachers to be adapted to new conitions. This can enable teachers to use modern media and information technology for teaching. With the rapid development of information technology, teaching methods have undergone revolutionary changes. Good information literacy can enable teachers to skillfully use a variety of digital tools, enhance the variety and enjoyment of teaching, meet students' individual learning needs, and improve teaching effectiveness.

Developing information literacy can help secondary school teachers better conduct educational and pedagogical assessment work. In the information era, the assessment of education and teaching not only relies on traditional examination results, but also requires the use of a variety of digital assessment tools to comprehensively understand the learning situation and growth trajectory of students. Teachers with high information literacy can flexibly use various assessment tools to comprehensively and objectively assess students' learning levels, provide personalized recommendations for students' learning, and promote their holistic development [2].

Increasing information literacy will allow secondary school teachers to more effectively conduct and implement various research and innovations in education, since in the era of information technology, these phenomena have become an important responsibility of teachers when teaching in secondary schools. Teachers with high information literacy can skillfully use online resources and data analysis tools to conduct various research, explore innovative teaching methods and strategies, improve the quality of teaching, and promote continuous progress in teaching.

Information literacy is an important manifestation of the adaptation of secondary school teachers to the needs of informatization of basic education, which is of great importance for improving the level of their teaching and promoting the reform and development of education. Therefore, it is necessary to attach great importance to the development of information literacy of middle school teachers, strengthen relevant training and guidance, improve the level of information literacy of teachers, and promote the deep integration of educational informatization and modern education.

Information literacy is an important part of secondary teacher professional development. Improving teachers' information literacy is directly related to their more effective use of media and information technology in teaching, as well as to increased teaching effectiveness. In the information age, teachers must be able to use various media and information resources, so their level of information literacy directly affects students' assimilation and understanding of the acquired knowledge. A teacher with high information literacy can use multimedia technologies more flexibly to create vibrant and rich learning scenarios, thereby stimulating students' interest and initiative in learning.

In the context of the continuous development of society and the rapid development of technology, information literacy is no longer an additional skill, but is an important component of a teacher's professional competence. A teacher with high information literacy can not only better adapt to the needs of modern education, but also establish interaction with students and better cope with a complex and changing learning environment. Therefore, education of information literacy is an urgent task for the professional development of secondary school teachers.

Improving educational systems and teaching mechanisms is also critical to influence the development of media and information literacy among secondary school teachers. Standardization of the education system and a reliable teaching mechanism can provide more training opportunities and resource support to secondary school teachers, and encourage them to actively participate in information literacy development. Education departments must strengthen the training of secondary school teachers, focusing not only on the use of media and information technology, but also on developing their abilities to understand and analyze information so that they can better fulfill their educational mission. Developing information literacy can help secondary school teachers better adapt to the educational needs of the information age. With the constant development of technology, the application of information technology in teaching has become an inevitable trend. Good information literacy can enable teachers to respond more flexibly to various changes and updates in information technology and make better use of various information resources for teaching [3].

Developing information literacy is also a prerequisite for teachers' continuous learning, as their knowledge and attitude towards teaching directly influence student learning outcomes. With the continuous progress of time, knowledge and skills in the field of education are also constantly updated and improved, and in order to keep up with the times, teachers need to constantly improve their information literacy, study and master new knowledge and skills, and better adapt to the needs of educational development. Developing information literacy among secondary school teachers has important implications for their educational practice in the information age. By improving information literacy, secondary school teachers can not only better adapt to the use of information technology, improve teaching effectiveness, but also increase their awareness and ability to become life-long learners, and contribute to the development of education. Therefore, education managers and individual teachers must recognize the importance of information literacy, strengthen the development of information literacy among secondary school teachers, and provide a solid foundation for building a modern education system.

To develop their information literacy, teachers must change their traditional concepts of teaching and realize that media and information literacy have become important components of today's education. They are not only an auxiliary tool, but also the main content that complements the subject content. Teachers should update their teaching methods, actively use multimedia technology and information tools, and integrate information literacy into classroom teaching, such as through multimedia demonstrations, acquiring online resources, etc., to stimulate students' interest in learning and improve learning capabilities.

In addition, in order to develop information literacy among secondary school teachers, it is also necessary to pay attention to the development of curricula and updating of textbooks. Schools and departments of education must adjust their curriculum requirements, incorporate information literacy content into the curriculum, and clarify learning goals and expectations. At the same time, it is necessary to update the content of textbooks, focusing on those examples and the latest achievements of technological developments that are related to information literacy, so that the content meets the needs of the time and the needs of training and practical activities [4].

There is also a need to strengthen professional development and training for secondary school teachers. Schools can increase the level of information literacy of teachers by organizing thematic seminars, inviting specialists to give lectures, conducting trainings, round tables, etc. At the same time, teachers themselves should also pay attention to independent learning, the latest developments in the field of educational technologies, and constantly improve their professional competence and teaching level in order to better adapt to the educational needs of the information age.

In the process of developing information literacy for secondary school teachers, the combination of the ability to independently learn online and offline is considered one of the key factors. By using online resources, teachers can obtain rich and in-depth information such as online courses, educational websites, etc. These resources not only enrich teachers' knowledge stores but also broaden their teaching perspectives, allowing them to better understand development trends of modern information society. Offline practice and communication are also important ways to develop teachers' self-learning ability. Teachers can exchange ideas and teaching experiences with peers through academic seminars, observational teaching, professional training, and other means, continually improving their professional level. Thus, a combination of online and offline teaching modes helps to develop teachers' active learning awareness and abilities and improve their information literacy levels.

On the other hand, developing information literacy among secondary school teachers also requires attention to individual independent learning abilities. This includes teachers' ability to obtain information, ability to evaluate information, ability to apply information and other aspects. In the process of online learning, teachers need to be able to filter and differentiate information, select valuable content from a huge amount of information, and accurately assess the reliability and authority of information. At the same time, teachers also need to apply the acquired knowledge in practical teaching, improve teaching efficiency through innovative teaching methods and tools. To develop these abilities, teachers must have the motivation and habit of independent learning, be able to use a variety of resources for learning and reflection, and constantly improve their concepts and teaching methods.

By participating in seminar events, teachers can constantly master the latest educational technologies and knowledge on media literacy, thereby improving their professional level. The workshop provides a platform for teachers to network and share information, learn from the experiences of others and use their successful teaching practices to further improve their teaching methods and strategies. By participating in workshops, teachers can strengthen their communication and collaboration with colleagues, form a learning community, explore best practices in information education together, and contribute to the continuous improvement of their information literacy [5].

In practice, teachers should actively participate not only in various forms of discussion activities, but also in internal seminars, teaching and research activities, or professional training courses, where they can gain specific knowledge in the field of educational technology and media literacy. At the same time, teachers can participate in different seminars and other activities organized by professional disciplinary education organizations or academic groups to broaden their horizons and understand the latest concepts and teaching methods. In addition, by participating in online seminars or community sharing events on online educational platforms, modern information technology can be used for distance learning and communication, as well as improving information literacy.

One effective way for secondary school teachers to continually improve their media and information literacy is through reflection training. Reflecting on the problems, achievements and shortcomings that teachers face in teaching practice, it is necessary to think deeply about whether the learning objectives have been achieved, about the effectiveness of teaching strategies, thereby promptly adjusting teaching methods, improving its effectiveness and further promoting the development of one's own media and information literacy. For example, when teachers face challenges such as lack of technology skills or limited ability to search for information while using multimedia learning, they can effectively help improve their own media and information literacy through deep reflection and active search for solutions.

Thus, the development of information literacy of secondary school teachers has become one of the focuses of attention in the field of education. Information literacy is not only the ability of individual teachers, but also an important guarantee for adapting to the needs of informatization of

basic education and promoting the professional development of teachers. Updating traditional teaching methods is an important part of the information literacy development journey for secondary school teachers. Secondary school teachers' media and information literacy levels can be effectively improved only by changing and updating methods, curricula, and textbooks, as well as strengthening professional development and teacher training.

References

1. Xiayu, Hu. Strategies for improving information literacy of subject teachers in information technology in secondary schools / Hu Xiayuya. – Tianjin Education. – 2023. – № 22. – P. 147–149.
2. Li, Cao. Research on the application of gamified teaching in teaching information technology in high school / Cao Li. – Academic Weekly. – 2023. – № 1. – P. 55–57.
3. Ting, Hu. Self-improvement of information literacy of rural teachers in the era of «Internet Plus» / Hu Ting // Consultations on the secondary school curriculum. – 2022. – № 31. – P. 108–110.
4. Chongde, Sang. Research on creating suspense in teaching information technology in high school / Sang Chongde // Academic Weekly. – 2022. – № 23. – P. 42–44.
5. Yongqing, Guo. Research on the effectiveness of information technology class management in junior high school / Guo Yongqing // Academic Weekly. – 2022. – № 18. – P. 53–55.

¹Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина

²Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 26.01.2024

Исторические аспекты развития системы лингвистического педагогического образования в Китае в XX веке (1920-е гг. – период Культурной революции)

Е.В. ГЛАДЕЙЧУК

В статье рассматриваются особенности становления и развития системы подготовки учителя иностранных языков в Китайской Народной Республике с 1920-х гг. до конца периода Культурной Революции (1976 г.), меры, предпринятые китайским правительством в области реформирования лингвистического педагогического образования на различных исторических этапах.

Ключевые слова: подготовка учителя иностранного языка, система подготовки, модель подготовки, образовательная программа, языковое образование.

The article examines the features of the formation and development of the foreign language teacher training system in the People's Republic of China from the 1920s to the end of the Cultural Revolution (1976) and the measures taken by the Chinese government in the field of reforming foreign language teacher training at various historical stages.

Keywords: foreign language teacher training, teacher education system, teacher training model, educational program, language education.

Политика партнёрства и добрососедства, проводимая Республикой Беларусь (РБ) и Китайской Народной Республикой (КНР), расширяет и укрепляет сотрудничество между нашими государствами во всех сферах: политической, экономической, военной, образовательной и т. д. Глубокое изучение исторических процессов, происходивших на пути развития государства-партнёра, особенностей становления различных областей общественной жизни представляется очень важным для понимания менталитета китайского народа, его традиций, системы ценностей. В свете всесторонне развивающихся образовательных отношений между РБ и КНР, в том числе в области лингвистического педагогического образования, пристальное изучение становления и развития системы подготовки учителей иностранных языков в Китае на различных исторических этапах имеет важное значение для качественной организации включённого обучения китайских и белорусских студентов.

На протяжении XX в. система подготовки учителей иностранных языков в Китае претерпевала существенные изменения под влиянием политических и экономических факторов. Проведенный ретроспективный анализ позволяет описать особенности подготовки учителей по русскому и английскому языку в контексте мер, предпринятых правительством КНР в направлении создания и развития системы качественного лингвистического педагогического образования.

Как отмечают исследователи, ещё до основания Китайской Народной Республики, а именно в период Китайской Республики (1922–1949), господствовала американская открытая модель подготовки учителей [1]. По сравнению с японской моделью, существовавшей до 1922 г., американская не предусматривала бесплатное обучение в педагогических учебных заведениях, выплату субсидий учителям, специальные привилегии для них, что значительно снизило статус учителей и оказало негативное влияние на систему их подготовки. Учреждения, занимавшиеся подготовкой учителей иностранного языка, сами определяли свои цели и задачи подготовки. Английский язык занимал лидирующие позиции в языковой образовательной политике, поэтому внимание уделялось подготовке учителей именно этого языка. По мнению Дж. Лю и В. Си, при обучении студентов основной задачей являлось формирование у них языковых навыков, а психолого-педагогическая подготовка учителей была на втором плане [2].

К концу 1920-х гг. отношение к иностранным языкам стремительно ухудшилось. По мнению Х.А. Росса, «преподавание английского и японского языков как в школах, управляемых иностранцами, так и в государственных школах, было осуждено за подавление национальных особенностей» [3, р. 242].

В 1938 г. на Четвертом Народном Съезде был поднят вопрос о важности подготовки учителей. Было решено восстановить деятельность педагогических школ, колледжей и университетов. Таким образом, получить учительскую специальность можно было, поступив в одно из педагогических или классических учебных заведений. Студентам педагогических специальностей снова стали платить стипендию. Восстановление деятельности педагогических школ и возобновление выплаты стипендий привело к подъему интереса к профессии учителя среди талантливых выпускников школ. С окончанием Второй мировой войны возрождается изучение иностранных языков как в миссионерских, так и в государственных школах. Более того, как указывает Х.А. Росс, некоторые педагогические школы и университеты стали предлагать подготовку учителей по второму иностранному языку [4].

Языковая образовательная политика с 1945 до 1948 гг. оставалась неизменной, с уклоном в изучение английского языка. Упор в изучении языка делался на аудировании и говорении.

1 октября 1949 г. Мао Цзэдуном была провозглашена Китайская Народная Республика. Первой страной, признавшей новое государство, стал Советский Союз. Обе страны развивались как социалистические в русле коммунистических идей, что обусловило всестороннее сотрудничество между ними в сфере образования в целом и в сфере подготовки учителей в частности. На основе анализа научных исследований ряда авторов (Б. Адамсон, П. Моррис, С. Хуанг, Кс. Яо, И. Чен, И. Жу, Ж. Ху, К. Гуо, Ж. Сан, С. Пеппер) справедливо сделать вывод о том, что советская модель подготовки учителей оказывала существенное влияние на становление системы подготовки педагогических кадров в Китае вплоть до 1978 г.

Для ликвидации неграмотности правительство восстановило всеобщее образование для всех детей школьного возраста, активно развивало подготовку учителей и сделала ее одним из национальных приоритетов. Основной целью стала подготовка квалифицированных учителей, способных обучать будущих строителей социализма [5]. Была введена политика *shifan*, что означает «модель учителя». В результате, все педагогические учебные заведения были переименованы в *shifan* – педагогические школы *shifan*, колледжи или университеты *shifan*. Чтобы стать учителем, требовалось сдать национальный вступительный экзамен. Высокую долю поступавших составляли представители небогатых слоёв населения.

Ма Сю Лун, первый министр образования, выразил точку зрения нового правительства на старую систему образования на Первой национальной конференции по образованию, состоявшейся в декабре 1949 г.: «Старое образование в Китае было результатом господства империализма, феодализма и бюрократического капитализма... Образование, которое может быть использовано для замены старого, должно быть образованием, которое отражает новую политическую экономию и служит инструментом борьбы для консолидации и укрепления народно-демократической диктатуры. Это новое образование будет неodemократическим, национальным, научным и народным» [6, р. 104].

Министерство образования взяло все частные и иностранные школы под свой контроль. Основными целями новой образовательной политики стали реформирование учебной программы, учебных материалов и методов обучения, укрепление изучения революционной политики и воспитание патриотизма, а также обеспечение содержания обучения, соответствующего потребностям национального восстановления.

В 1950-е гг. русский язык получил широкое распространение в школах и университетах. В 1949 г. были открыты Пекинское и Шанхайское специальные учебные заведения по изучению русского языка, позже преобразованные в Пекинский университет иностранных языков и Шанхайский университет иностранных языков соответственно. Кроме данных университетов, подготовка учителей русского языка осуществлялась в других университетах, педагогических школах, педагогических колледжах, а также провинциальных или региональных педагогических колледжах, которые обеспечивали обучение учителей без отрыва от производства [7].

Педагогические школы были четырехлетними учебными заведениями, в которых обучались выпускники неполных средних школ. Они готовили учителей начальных классов. Педагогические колледжи предлагали двух- или трехлетнюю программу обучения. Педагогические университеты были высшим рангом системы педагогического образования. Они гото-

вили учителей для средних школ и некоторых колледжей. Для стимулирования студентов к поступлению в высшие педагогические заведения государство предпринимало различные меры, например, предлагало бесплатное образование, стипендию для студентов педагогических вузов и осуществляло распределение в школы. В период с 1949 по 1956 гг. преподавание русского языка расширилось до такого уровня, что количество выпускников – учителей русского языка превысило спрос на них.

Количество кафедр и факультетов, где происходило профессиональное обучение русскому языку, резко возросло к 1950 г. до 19, а к 1951 г. уже существовало 34 специализированных вуза. В 1950 г. был представлен национальный план, который предусматривал введение иностранных языков в программу младших и старших классов средней школы. В связи с масштабным сотрудничеством с СССР русский язык стал преобладающим иностранным языком в школах и университетах КНР. Следует отметить, что подготовка будущих учителей русского языка в Китайской Народной Республике имеет глубокие культурно-философские и геополитические основания. Изучение русского языка в Китае началось еще в VIII в., когда была создана специальная школа для китайских дипломатов при Дворцовой канцелярии императора Канси, а в IX в. Пекинская школа иностранных языков Тунвэньгуань стала ее преемницей [8].

С 1950 г. правительство КНР начинает активно приглашать советских учителей, в том числе учителей русского языка для сотрудничества. По мнению исследователей, в 50-е гг. прошлого века наблюдалась первая и самая масштабная до сих пор волна изучения русского языка в Китае, она оказала огромное и длительное влияние на социально-политическую жизнь и строительство экономики в Китае. Отмечалось и широкомасштабное сотрудничество по программам обмена студентами: с 1951 по 1966 гг. количество граждан КНР, прошедших обучение в советских учебных заведениях, составило 11 221 человек. В 1950 г. были проведены I Всекитайское совещание по вопросам преподавания русского языка и I Конференция по методике его преподавания; была создана Всекитайская руководящая комиссия по русскому языку, которая занималась проведением широкомасштабной учебной и научно-исследовательской деятельности в области преподавания русского языка; были созданы научно-теоретические и научно-методические журналы, в том числе на базе ведущих университетов КНР (Хэйлунцзянский университет, Пекинский и Шанхайский институты иностранных языков и другие).

Благодаря такому масштабному образовательному сотрудничеству был создан ряд программ по обучению русскому языку, а также методические материалы для будущих преподавателей русского языка. В частности, стоит отметить «Методику преподавания русского языка», разработанную и изданную в 1958 г. совместным коллективом авторов из китайских (Пекинский институт иностранных языков) и советских (Северо-Восточный педагогический институт) высших школ. Важно отметить, что при создании учебников китайские специалисты использовали опыт не только советских коллег, но и западноевропейских русистов [9], [10].

В период с 1949 до конца 1950-х гг. преподавание русского языка как иностранного развивалось под влиянием методической концепции сознательно-сопоставительного метода. Данная концепция подвергалась критике, так как она не учитывала ни китайскую специфику в историческом разрезе, ни тенденции обучения языкам в Китае. Л. Сяоя утверждает, что не существовало единого учебного пособия, которое использовалось во всех высших учебных заведениях страны [11]. Не хватало преподавателей и методистов, которые могли бы подготовить учебные пособия. Каждый университет сам составлял свои учебники. Ситуацию изменило появление в 1962 г. учебного комплекса «Русский язык I». В 1964 г. были опубликованы все 8 томов этого пособия. Данный комплекс базировался на грамматико-переводном методе и вскоре стал единственным учебным пособием по преподаванию русского языка.

В 1951 г. состоялось Первое национальное собрание учителей, на котором было решено восстановить районную систему педагогических школ. Спустя два месяца Государственный Совет КНР опубликовал «Решение о реформе школы», которое постановляло создание независимой системы педагогической подготовки в рамках национальной системы образования.

В 1953 г. Административный совет правительства опубликовал «Решение об изменении руководства высшими учебными заведениями», в котором подчеркивалось важность тесного

сотрудничества между Министерством высшего образования и другими ведомствами для реализации централизованной политики в области финансов, кадровых вопросов и учебных программ. Решение требовало, чтобы все высшие учебные заведения следовали национальному единому учебному плану, программе и учебникам в большинстве специальностей.

Исследователи указывают, что изучение английского языка в 50-е гг. не приветствовалось, так как этот язык ассоциировался с империализмом. В 1953 г. решением Министерства образования КНР были закрыты факультеты английского языка в семи (из восьми) университетах и учреждениях по подготовке школьных учителей. Преподавание английского языка в основном ограничивалось специализированными учреждениями иностранных языков, которые готовили будущих преподавателей иностранного языка, письменных и устных переводчиков. Многие учителя английского языка были вынуждены изучать русский язык, чтобы в будущем преподавать его [12], [13].

В 1954 г. Министерством образования принято решение об отмене обучения иностранным языкам в неполной средней школе и организации преподавания русского языка с первой ступени полной средней школы за счет английского языка. Эта мера была предпринята отчасти из-за острой нехватки преподавателей английского языка с одной стороны и желанием снизить требования учебной программы с другой стороны. Исследователи отмечают, что это решение стало следствием ухудшения отношений с западными странами [14], [15]. Такая образовательная политика привела к тому, что у учащихся средних школ было мало возможностей выучить английский язык. Даже тем, кто выбирал этот иностранный язык как специальность, приходилось начинать изучать его с самого начала при поступлении в университеты. В преподавании английского языка Китайская Народная Республика переняла методику советского учёного и педагога И.А. Каирова. Учебные пособия по английскому языку завозились в Китай из СССР, либо адаптировались под советские учебники. В преподавании английского, так же как и русского языка, господствовал грамматико-переводной метод, который, как и традиционная китайская модель, делал акцент на изучение грамматики и вокабуляра, письменной речи. Объяснение материала шло на родном языке обучаемых. Под влиянием советской модели преподавания иностранных языков большая роль в обучении иностранному языку стала отводиться чтению, что органично вписалось в традиционный подход к преподаванию языков в Китае и стало отличительной чертой преподавания английского языка в КНР. Практически не уделялось время для развития говорения. Большое внимание в образовательном процессе уделялось роли учителя и учебных пособий. Отметим, что к 1957 г. в стране насчитывалось лишь 450 учителей английского языка, которые преподавали в средних и старших классах.

В 1956 г. было восстановлено начальное и среднее педагогическое образование. В этом же году было провозглашено начало кампании «Пусть расцветут 1000 цветов», целью которой было побуждение интеллектуалов, большинство из которых были учителями, проявить свои суждения, воображение и творческий потенциал. Первоначально рассматриваемые как возможность для интеллектуалов участвовать в литературных и научных дебатах, свободные высказывания перекинулись на политику, мысли Мао Цзэдуна и курс партии, что привело к сворачиванию кампании.

С 1956 г. наблюдается ухудшение политических отношений между КНР и СССР, что вызвало снижение значимости русского языка. Китай установил дипломатические отношения с другими государствами. Увеличение объемов международной торговли вызвало необходимость подготовки специалистов, владеющих английским языком. По мнению ряда исследователей, период с 1957 по 1966 гг. можно назвать периодом возрождения английского языка [16], [17]. В 1959 г. Министерство образования постановило, что в младших классах лучших средних школ будут преподавать иностранные языки, в трети из них должен быть русский язык, а в двух третях – английский и другие языки. Увеличилось количество уроков английского языка и в старших классах средней школы. В некоторых городах первого уровня, к примеру, в Шанхае, изучение этого языка было включено и в программу младшей школы. Знание английского языка стало важным для желающих получить высшее образование. В 1960 г. была проведена Национальная культурно-образовательная конференция для обсуждения проблем преподавания английского языка и повышения качества обучения ему. В

этом же году состоялся национальный симпозиум по реформе педагогического образования, на котором такие учебные дисциплины, как «Педагогика» и «Психология» подверглись серьёзной критике, что оказало большое влияние на разработку образовательных программ педагогических учебных заведений. Вышеуказанные дисциплины, наравне с педагогической практикой, были вычеркнуты из программ обучения педагогических учебных заведений, что привело к снижению интереса обучающихся к профильным педагогическим дисциплинам и значительной деформации профессионально-методической подготовки учителей.

В 1962 г. английский язык стал одним из обязательных предметов вступительного экзамена в университеты. Факультеты иностранных языков высших учебных заведений также увеличили количество академических часов преподавания английского и других языков. Таким образом, в школах, колледжах и университетах можно было по выбору изучать либо русский, либо английский язык. Как отмечают учёные, методика преподавания русского и английского языков обогатилась новыми методами, к примеру, аудиолингвальным [18], [19]. Данный метод впервые был опробован в высших учебных заведениях, а позже распространялся и на другие уровни образования. Предпринимались попытки адаптировать аудиолингвальный и грамматико-переводной метод, который всё ещё оставался главным в преподавании английского языка в Китае, под китайских обучаемых. Появились новые учебные пособия, в которых делался акцент на аудирование и говорение.

С повышением интереса к английскому языку всё сильнее ощущалась нехватка учителей, способных его преподавать, что вызвало потребность переподготовки большого количества учителей русского языка.

В документе «Семилетний план по обучению иностранным языкам» (1964 г.) английский язык определен как первый иностранный язык в школьной программе. В плане выдвигалась идея о том, что обучение иностранному языку студентов специальности «Иностранный язык» должно развиваться параллельно с обучением иностранному языку студентов других специальностей. С одной стороны, факультеты иностранных языков и кафедры иностранных языков в вузах должны продолжать готовить специалистов по иностранным языкам; с другой стороны, необходимо было принять эффективные меры по активизации развития языкового образования в средних школах и обучения иностранному языку по другим специальностям, кроме иностранных языков, чтобы подготовить большое количество специалистов, обладающих научными знаниями и определенным уровнем владения иностранным языком, отвечающим различным потребностям страны [20].

Следует отметить, что «Семилетний план по обучению иностранным языкам» имел негативное влияние на развитие преподавания русского языка в Китае. В нём отмечалось, что колледжи и университеты уделяют слишком много внимания обучению русскому языку, в то время как образование на других языках является недостаточным, и указывалось на необходимость обеспечения баланса между количеством студентов, изучающих разные иностранные языки.

В 1966 г. была начата политика «Культурной революции». В июне этого года университетские занятия были приостановлены, изначально на шесть месяцев, с целью пересмотра учебных программ, методов обучения и процедур приема. В октябре 1967 г. центральной директивой было предписано возобновить занятия в университетах, средних и начальных школах. В июле 1968 г. в новой директиве Мао Цзэдуна, опубликованной в газете «Жэньминь жибао», было разъяснено, какое высшее образование должно быть в Китае: «Университеты по-прежнему необходимы: я имею в виду главным образом научные и инженерные колледжи. Однако необходимо сократить продолжительность обучения, произвести революцию в образовании, поставить под контроль пролетарскую политику и пойти по пути Шанхайского станкостроительного завода в подготовке технических специалистов из рабочих. Студентов следует отбирать из числа рабочих и крестьян, имеющих практический опыт, и после нескольких лет учебы они должны вернуться на производство». С 1970 по 1972 гг. китайские университеты, кроме университетов иностранных языков, возобновили свою работу. Вступительные экзамены подверглись критике и были отменены. Новые правила приёма в университеты подразумевали зачисление на основе рекомендаций и характеристик, подтверждающих политическую надежность соискателей.

Согласно новой политике, учителя вынуждены были отправляться в сельскую местность для работы на фермах. Учителей заменили выходцы из рабочих и крестьянских семей. Большинство из них были профессионально неподготовленными, недостаточно квалифицированными и низкооплачиваемыми специалистами.

С наступлением Культурной революции всё иностранное подверглось осуждению, в том числе изучение иностранных языков. Иностранные книги, фильмы и программы были запрещены. Английский язык считался языком врага и был исключен из школьной программы. Учителя иностранных языков считались «жертвами буржуазного влияния». Любой, кто умел разговаривать на иностранном языке, мог быть обвинен в шпионаже в пользу зарубежных стран. Основу учебников иностранных языков составляли не методические теории преподавания и изучения иностранных языков, а политические лозунги Культурной революции и переведенные речи Мао Цзэдуна. Преподавателям английского языка было необходимо следовать требованиям властей из-за страха критики за распространение «чуждых идей» и опасения подвергнуться насилию со стороны Красной гвардии. В период Культурной революции в Китае английский язык использовался для пропаганды политических идей. Обучающиеся не имели возможности познакомиться с культурами англоязычных стран, что привело к росту их неуспеваемости.

Следует отметить, что вследствие идей Культурной революции система преподавания иностранных языков была фактически разрушена. Во многих средних общеобразовательных и профессиональных школах дисциплина «Русский язык» была исключена из учебных планов, в некоторых университетах она оставалась только на факультативном уровне. Не разрабатывались и не издавались новые пособия, отсутствовали системные научные исследования в этой области.

С 1970 по 1978 гг. курсы иностранных языков в университетах были доступны только для студентов сельскохозяйственных, промышленных и военных специальностей. В старших классах школы изучение иностранных языков было доступно только для детей из семей рабочих, крестьян и военнослужащих.

Исследователями отмечается, что политические события – восстановление Китая в ООН и визит президента Р. Никсона в 1971 г. – явились фактором возвращения английского языка в школьную программу, однако он все еще использовался как оружие пропаганды политических идей, а не как инструмент развития личности или средство взаимодействия с внешним миром.

Такая ситуация с преподаванием и изучением иностранных языков, а также подготовкой специалистов в области языкового образования продолжалась до конца периода Культурной революции. Активные преобразования в национальной системе подготовки учителей иностранных языков начали осуществляться, когда в 1976 г. новое китайское руководство во главе с Дэн Сяопином запустило национальную программу модернизации и в 1978 г. начало реализацию программы политики Открытых Дверей.

Литература

1. Hu, Aihua. An analysis of teacher education policies in China / Hu Aihua, R. R. Verdugo // Intern. J. of Educational Reform. – 2015. – Vol. 24, iss. 1. – P. 37–54.
2. Liu, J. Inside and outside the fence : Reflections on a hundred years history of Chinese higher teacher education / J. Liu, W. Xie. – Beijing : Beijing Normal Univ. Publ. Group, 2002. – 226 p.
3. Ross, H. A. Foreign language education as a barometer of modernization / H. A. Ross // Education and modernization : The Chinese experience / ed. by R. Hayhoe. – Oxford, 1992. – P. 239–254.
4. Ross, H. A. China learns English : Language teaching and social changes in People's Republic / H. A. Ross. – Yale : Yale Univ. Press, 1993. – 320 p.
5. Thirty years' education reform : Teacher education volume / ed.: X. Zhu, Y. Hu. – Beijing : Beijing Normal Univ., 2009. – 250 p.
6. Lewin, K. Educational innovation in China : tracing the impact of the 1985 reforms / K. Lewin, A. Little, Xu Hui. – Harlow : Longman, 1994. – 329 p.
7. Jun, Li. The Chinese model of teacher education. Retrospects and prospects over a century / Jun Li // Frontiers of Education in China. – 2012. – Vol. 7. – P. 417–422.

8. Лапин, П. А. Пекинская школа иностранных языков Тунвэньгуань и преподавание в ней русского языка / П. А. Лапин // Восток (ORIENT). – 2018. – № 5. – С. 6–20.
9. Антиповский, А. А. Политика КНР в области науки и образования : 1949–1979 / А. А. Антиповский, Н. Е. Боровская, Н. В. Франчук. – М. : Наука, 1980. – 288 с.
10. Тенчурина, Л. З. Изучение и преподавание русского языка в Китае и на Тайване : прошлое и настоящее / Л. З. Тенчурина, С. Ли // Образование и наука. – 2016. – № 3. – С. 177–197.
11. Лю, Сяоя. Методика обучения русскому языку в Китае (история и перспективы) / Лю Сяоя // Науч.-пед. обозрение. – 2015. – № 2. – С. 18–23.
12. Fei, Liu. English teaching in China EFL. Teacher motivation and demotivation at the university level : doctoral thesis / Fei Liu ; Karlstad Univ. Studies. – Karlstad, 2022. – 231 p.
13. Hu, W. Achievements and drawbacks of New China's sixties years of foreign language education / W. Hu // Foreign Lang. Teaching and Research. – 2009. – № 41 (3). – P. 163–169.
14. Liu, D. English language education in China : Past and present / D. Liu, Z. Wu. – Beijing : People's Education Press, 2015. – 460 p.
15. Tang, G. Thirty-two years of secondary school English teaching materials : In Curriculum, Materials and Methodology / G. Tang // Foreign language teaching materials and methodologies for secondary schools / ed. by Methodology Association. – Beijing, 1986. – P. 181–215.
16. Wang, Keqiang. Teaching English as a foreign language in China / Wang Keqiang // TESL Canada J. / Revue TESL du Canada. – 1986. – Spec. iss. 1, Nov. – P. 153–160.
17. Cheng, A. English language teaching in higher education in China : A historical and social overview / A. Cheng, Q. Wang // Perspectives on teaching and learning English literacy in China / ed.: J. Ruan, C. B. Leung. – Amsterdam, 2012. – P. 19–33.
18. English in China : a preliminary bibliography / B. Adamson, K. Bolton, A. Lam, Q. S. Tong // World Englishes. – 2002. – Vol. 21, № 2. – P. 349–355.
19. Yao, X. Q. Foreign languages in Chinese higher education / X. Q. Yao // Lang. Learning J. – 1993. – № 7. – P. 74–77.
20. Jun, Liu. The impact of the advent of English in primary schools on the development of college English in china / Jun Liu, Zhongxin Dai // Higher Education Studies. – 2011. – Vol. 1, № 1. – P. 105–108.

Научно-педагогическое управление профессиональным самоопределением учащихся профессионально-технического образования

Ф.В. КАДОЛ, И.И. ГРОБОК

В статье рассмотрены значение, сущность и основные проблемы профессионального самоопределения обучающихся в системе профессионально-технического образования; представлены результаты диагностики статусов и уровня профессиональной идентичности учащихся в условиях профессионально-технического образования. С учетом полученных результатов создана программа и разработана методика научно-педагогического сопровождения профессионального самоопределения учащихся в условиях профессионально-технического колледжа.

Ключевые слова: самоопределение, профессиональное самоопределение, социально-педагогическое сопровождение, старшеклассник, обучающийся, теория и методика, методы, направления, формы, средства, обучение, воспитание, развитие, формирование.

The article examines the meaning, essence and main problems of professional self-determination of students in the system of vocational education; structural components are identified and diagnostics of the status and level of professional identity of students in the conditions of vocational education are presented; a program of scientific and pedagogical support of professional self-determination of students in the conditions of a vocational college has been developed.

Keywords: self-determination, professional self-determination, social and pedagogical support, high school student, student, theory and methodology, methods, directions, forms, means, training, upbringing, development, formation.

Основной задачей современного профессионального образования является планомерное воспроизводство квалифицированных специалистов важнейших областей общественного производства, транспорта и сферы обслуживания. В частности, мобильность и краткосрочность обучения в профессионально-технических учреждениях образования, по сравнению с образовательными организациями высшего образования, определили ведущее место среднего профессионально-образовательного процесса в системе подготовки кадров для всех отраслей экономики. Известный ученый-профориентолог С.Н. Чистякова считает, что обновление содержания и технологий профориентационной работы должно учитывать присущие профессиональному образованию деформации, которые лишают значительную часть его организаций доверия со стороны как граждан, так и работодателей [1, с. 5]. В связи с этим для профессионального технического образования актуальным и перспективным направлением подготовки кадров является организация социального партнерства с представителями реального сектора экономики, трудоустройства выпускников, их социально-профессиональной адаптации.

Анализ научной литературы свидетельствует о том, что исследование профессионального самоопределения в рамках педагогической науки и образовательной практики сводится к профессиональному просвещению старшеклассников и их профориентации на получение наиболее востребованных профессий в области сельского хозяйства, образования и медицины. Существует ряд причин, по которым школьникам не удастся сделать адекватный профессиональный выбор. Поэтому, переходя в новую социальную группу студенческой молодежи, они перестают получать реальную помощь и поддержку на завершающем этапе профессионального становления.

Актуальность решения данной проблемы определяется тем, что в современном обществе усиливается роль образования как гаранта качества жизни человека и развития у него способности адаптироваться в непрерывно изменяющихся социальных условиях. По данным И.Н. Зайцевой, 70 % учащихся первого – второго курсов не владеют умениями адаптироваться к новым условиям профессионального образования. Они не готовы к усвоению требуемого объема профессиональных знаний, испытывают трудности в общении со сверстниками. Весьма часто они не воспринимают досуг как средство овладения профессиональными

знаниями и умениями [2, с. 16]. Отмечается низкая конкурентоспособность молодежи на рынке труда, отсутствие у них навыков эффективного поиска работы, недостаточный уровень информированности о состоянии рынка труда и технологиях трудоустройства, отсутствие социальных мотивов и готовности к практической работе по профилю обучения. Именно поэтому организация квалифицированного сопровождения профессионального самоопределения, адаптации учащихся на первом трудовом месте является актуальным направлением деятельности профессионального технического и высшего образования.

По мнению современных ученых (Е.А. Климов, Е.Ю. Пряжникова, М.С. Ковалевич, С.Н. Чистякова, А.Д. Сазонов и др.), профессиональное самоопределение представляет собой целенаправленный многоуровневый процесс, сущностью которого определяется осознанным профессиональным выбором, индивидуальными возможностями и способностями обучающегося, определяющий его целенаправленную работу по подготовке к самореализации в будущей профессиональной деятельности.

Научно-педагогическое сопровождение профессионального самоопределения учащихся профессионально-технического образования как особый вид социально педагогической деятельности основан на взаимодействии участников образовательного процесса с целью создания условий для формирования готовности и способности учащихся к обоснованному выбору профессии в соответствии со своими интересами, желаниями, склонностями, способностями, а так же с учетом имеющихся общественных потребностей в специалистах различного профиля. В процессе преобразующего эксперимента нами были выделены следующие структурные компоненты социально-педагогического сопровождения: диагностический компонент, который включает в себя диагностику статусов и уровня профессиональной идентичности профессионального самоопределения учащихся в условиях профессионально-технического образования; деятельностный компонент, направленный на реализацию индивидуальной программы учащегося, в ходе которой происходит формирование профессиональной идентичности, формируется готовность к осознанному профессиональному выбору; результативный компонент, включающий обретение сформированной профессиональной идентичности, готовность к осознанному профессиональному выбору, подведение итогов и результатов проведенной работы. Поэтому основными направлениями педагогического сопровождения профессионального становления учащихся являются образовательное, психодиагностическое, посредническое, сотрудничество социального педагога с представителями государственных, общественных организаций и учебных заведений.

Диагностический этап нашего исследования был направлен на выявление статусов профессиональной идентичности и уровня в профессиональном самоопределении учащихся профессионально-технического образования.

База исследования: УО «Гомельский государственный колледж транспорта и транспортных коммуникаций».

Выборочная совокупность: 23 учащихся группы № 11 составили контрольную группу (КГ) и 24 учащихся группы № 12 составили экспериментальную группу (ЭГ).

Психодиагностический инструментарий:

– методика изучения статусов профессиональной идентичности (А.А. Азбель, А.Г. Грецов).

Методика изучения статусов профессиональной идентичности (А.А. Азбель, А.Г. Грецов) направлена на изучение статуса профессиональной идентичности.

Авторы перечисленных методик выделяют четыре статуса профессиональной идентичности – «ступеньки», на которых старшеклассник находится в процессе профессионального самоопределения:

– неопределенная профессиональная идентичность: выбор жизненного пути не сделан, четкие представления о карьере отсутствуют, но человек даже и не ставит перед собой такую задачу;

– навязанная профессиональная идентичность: человек имеет сформированные представления о своем профессиональном будущем, но они навязаны извне (например, родителями) и не являются результатом самостоятельного выбора;

– мораторий (кризис выбора) профессиональной идентичности: человек осознает проблему выбора профессии и находится в процессе ее решения, но наиболее подходящий вариант еще не определен;

– сформированная профессиональная идентичность: профессиональные планы определены, что стало результатом осмысленного самостоятельного решения.

В процессе количественной обработки данных были получены следующие результаты по шкале «неопределенная профессиональная идентичность»: у 13 % (3) учащихся колледжа из КГ и 8 % (2) учащихся из ЭГ выявлен слабо выраженный статус неопределенной профессиональной идентичности. У 30 % (7) учащихся из КГ и у 29 % (7) учащихся из ЭГ статус неопределенной профессиональной идентичности выражен ниже среднего уровня. У 30 % (7) учащихся из КГ и у 33 % (8) учащихся из ЭГ неопределенная профессиональная идентичность выражена в средней степени. У 17 % (4) учащихся из КГ и у 22 % (5) учащихся из ЭГ неопределенная профессиональная идентичность имеет выраженность выше среднего уровня. У 10 % (2) учащихся из КГ и у 8 % (2) учащихся из ЭГ сильно выражен статус неопределенной профессиональной идентичности. Выраженная неопределенная профессиональная идентичность свидетельствует об отсутствии прочных профессиональных целей и планов и у учащихся, при этом они не пытаются их сформировать, выстроить варианты своего профессионального развития. Чаще всего этим статусом обладают учащиеся, родители которых не проявляют активный интерес к профессиональному будущему своих детей, или учащиеся, которые привыкли жить настоящими желаниями, недостаточно осознают важность выбора будущей профессии.

Диагностическое изучение статусов профессиональной идентичности в профессиональном самоопределении показало, что лишь у четвертой части учащихся колледжа (26 % и 25 %) из КГ и ЭГ является выраженным статус сформированной профессиональной идентичности. Учащиеся колледжа с выраженной сформированной профессиональной идентичностью совершили осознанный выбор своего профессионального развития. У них присутствует уверенность в правильности принятого решения о своем профессиональном будущем. Этим статусом обладают учащиеся, которые прошли через «кризис выбора» и самостоятельно сформировали систему знаний о себе и о своих профессиональных ценностях, целях и жизненных убеждениях. Они могут осознанно выстраивать свою жизнь, потому что определились, чего хотят достигнуть в своей будущей профессиональной деятельности.

В процессе работы по научно-педагогическому сопровождению профессионального самоопределения учащихся в условиях профессионально-технического образования эффективным является использование программно-обусловленной деятельности.

Цель программы – сопровождение профессионального самоопределения обучающихся на этапе их профессиональной подготовки и становления как профессионала в период обучения в колледже.

Задачи:

- уточнение правильности совершенного профессионального выбора;
- формирование устойчивой профессиональной направленности в соответствии с выбранной профессией / специальностью;
- укрепление, углубление и развитие профессиональной мотивации;
- самоопределение, связанное с подтверждением или изменением своего профессионального выбора;
- определение путей и средств профессионального самосовершенствования и саморазвития.

Главные субъекты программы по управлению профессиональным самоопределением – обучающиеся, родители (законные представители), педагог социальный, педагог-психолог, мастера, куратор, представители работодателя.

В процессе реализации программы использовались следующая система мероприятий: месячник «Добро пожаловать, первокурсник!», экскурсии в музей колледжа, проведение родительских собраний, конкурс стенгазет «Знакомьтесь, это – мы!», тренинги, студенческий вечер «Посвящение учащихся колледжа», смотр художественной самодетельности «Алло, мы ищем профессионалов!», конкурс «Самая лучшая группа», конференция студенческого самоуправления, профориентационный КВН «Клуб веселых профессионалов», беседы, кураторские

часы, собрания с единой для всех тематикой: «Из школы в колледж», «Твоя будущая специальность», «Будем знакомы», квесты, кураторские часы, дни открытых дверей, профессиональные пробы, мастер-классы, конкурсы профессионального мастерства, встречи с успешными представителями профессий и работодателями, тренинги, ярмарки профессий, деловые игры.

После внедрения программы и проведения указанной системы профессионально-воспитательных мероприятий социально-педагогического сопровождения профессионального самоопределения учащихся в условиях профессионально-технического образования отмечается тенденция к снижению числа учащихся с неопределенной профессиональной идентичностью. С 8 % (2) учащихся до 29 % (7) увеличился процент учащихся из ЭГ со слабо выраженным статусом неопределенной профессиональной идентичности. С 29 % (7) учащихся до 38 % (9) увеличился процент учащихся из ЭГ, у которых статус неопределенной профессиональной идентичности выражен ниже среднего уровня. С 33 % (8) учащихся до 29 % (7) сократился процент учащихся из ЭГ, у которых неопределенная профессиональная идентичность выражена в средней степени. С 22 % (5) учащихся до 4 % (1) сократился процент учащихся из ЭГ, у которых неопределенная профессиональная идентичность имеет выраженность выше среднего уровня. С 8 % (2) учащихся до 0 % (0) сократился процент учащихся из ЭГ, у которых сильно выражен статус неопределенной профессиональной идентичности.

Благодаря целенаправленной реализации основных компонентов созданной нами программы и разработанной системы методов профориентации сократилось число учащихся, у которых отсутствуют прочные профессиональные цели и планы, которые не стремятся выстроить варианты своего профессионального развития. В КГ значительных изменений не выявлено в выраженности статуса неопределенной профессиональной идентичности.

Сократилось число учащихся колледжа, которые находятся на стадии рассмотрения альтернативных вариантов профессионального развития, которые пытаются выйти из этого состояния, приняв осмысленное решение в отношении своего будущего, поскольку это осмысленное решение ими уже принято. В КГ значительных изменений не выявлено в выраженности статуса профессиональной идентичности «мораторий».

С 13 % (3) учащихся до 4 % (1) сократился процент учащихся из ЭГ с выраженным навязанным статусом профессиональной идентичности. С 25 % (6) с учащихся до 8 % (2) сократился процент учащихся из ЭГ, у которых навязанная профессиональная идентичность имеет выраженность выше среднего уровня. С 29 % (7) учащихся до 38 % (9) увеличился процент учащихся из ЭГ, у которых навязанный тип профессиональной идентичности имеет средний уровень. С 21 % (5) учащихся до 10% (2) сократилось количество учащихся из ЭГ, у которых навязанный статус профессиональной идентичности выражен ниже среднего уровня. С 12 % (3) учащихся до 42 % (10) увеличился процент учащихся из ЭГ, у которых навязанный статус профессиональной идентичности выражен слабо. При этом сократилось число учащихся колледжа, которые выбрали свой профессиональный путь не путем самостоятельных размышлений, а прислушиваясь к мнению авторитетов: родителей или друзей. Среди учащихся в КГ значительных изменений не выявлено с точки зрения выраженности навязанного статуса профессиональной идентичности.

У обучающихся из КГ повысился уровень готовности совершить осознанный выбор дальнейшего профессионального развития. Учащиеся колледжа с выраженной сформированной профессиональной идентичностью совершили осознанный выбор профессионального развития. У них присутствует уверенность в правильности принятого решения об их профессиональном будущем. Они успешно прошли через «кризис выбора» и самостоятельно сформировали систему знаний о себе и о своих профессиональных ценностях, целях и жизненных убеждениях. Они могут осознанно выстраивать свою жизнь, потому что определились, чего хотят достигнуть. После внедрения программы социально-педагогического сопровождения профессионального самоопределения учащихся в условиях профессионально-технического образования сократилось число учащихся с неопределенной профессиональной идентичностью, навязанной профессиональной идентичностью и учащихся, находящихся на стадии моратория, в то время как увеличилось число учащихся со сформированной профессиональной идентичностью. У учащихся повысился уровень готовности совершить осознанный вы-

бор дальнейшего профессионального развития, появилась уверенность в правильности принятого решения об их профессиональном будущем. Они успешно прошли через «кризис выбора» и самостоятельно сформировали систему знаний о себе и о своих профессиональных ценностях, целях и жизненных убеждениях. Они могут осознанно выстраивать свою жизнь, потому что определились, чего хотят достигнуть.

Таким образом, качественный и количественный анализ данных, полученных на констатирующем и контрольном этапе исследования, позволили доказать эффективность разработанной программы социально-педагогического сопровождения профессионального самоопределения учащихся в условиях профессионально-технического образования. В целом, проведенная работа была направлена на уточнение правильности совершенного профессионального выбора, формирование устойчивой профессиональной направленности в соответствии с выбранной профессией / специальностью, углубление и развитие профессиональной мотивации, подтверждение своего профессионального выбора, определение путей и средств профессионального самосовершенствования и саморазвития.

Литература

1. Чистякова, С. Н. Оценка становления и тенденции развития проблемы профессионального самоопределения обучающихся / С. Н. Чистякова // *Профессиональная ориентация и занятость молодежи*. – 2017. – № 1. – С. 5–8.
2. Зайцева, И. Н. Социально-профессиональная адаптация студентов в учреждениях среднего профессионального образования : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / И. Н. Зайцева. – Елец, 2011. – 206 с.
3. Батура, А. Ю. Сущность и структура понятия профессионального самоопределения / А. Ю. Батура // *Веснік Брэсцкага ўніверсітэта*. – 2016. – № 2. – С. 126–136.
4. Романчик, Д. Н. Социально-педагогическая поддержка старшеклассников в профессиональном самоопределении [Электронный ресурс] / Д. Н. Романчик, О. С. Куницкая. – Минск : БГПУ, 2017. – Режим доступа : <http://elib.bspu.by/handle/doc/39336>. – Дата доступа: 19.01.2024.
5. Ковалевич, М. С. Сущность и способы осуществления профессионального самоопределения молодежи в неопедагогике / М. С. Ковалевич // *Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава*. – 2010. – № 2 (56). – С. 123–128.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 25.01.2024

Допрофессиональная педагогическая подготовка школьников как важнейший этап в формировании мотивационной готовности к выбору педагогической профессии будущими абитуриентами

Н.А. ЛЕОНЮК, М.С. КОВАЛЕВИЧ

Найти свою дорогу, узнать своё место –
в этом всё для человека, это для него значит
сделаться самим собой.

В.Г. Белинский

В статье обоснована актуальность проблемы совершенствования профориентационной работы в школе, выявлены ключевые социокультурные детерминанты профильного обучения педагогической направленности в учреждениях общего среднего образования. Раскрывается перспективность для развития педагогических классов и повышения эффективности педагогической профилизации возможности объединения потенциала разных стран. Представлены результаты диагностики системы ценностей учащихся педклассов Молотковичской средней школы Брестской области. Представлен экспериментальный педагогический проект «Мои жизненные планы и профкарьера». Цель проекта – формирование мотивационной готовности к выбору педагогической профессии будущими абитуриентами.

Ключевые слова: допрофессиональная педагогическая подготовка, профильные классы педагогической направленности, профориентация, мотивация к выбору профессии, система ценностей, профессиональное самоопределение, профессиональная карьера.

The article substantiates the relevance of the problem of improving career guidance work at school, identifying key sociocultural determinants of specialized teaching with a pedagogical focus in institutions of general secondary education. The prospects for the development of teaching classes and increasing the efficiency of pedagogical profiling of the possibility of uniting the potential of different countries are revealed. The results of diagnosing the value system of students of pedagogical classes at the Molotkovichskaya secondary school in the Brest region are presented. An experimental creative project «My life plans and professional career» is presented. The goal of the innovative project is to develop motivational readiness for future applicants to choose a teaching profession.

Keywords: pre-vocational pedagogical training, specialized classes with a pedagogical focus, career guidance, motivation to choose a profession, value system, professional self-determination, professional career.

Введение. Качественная подготовка специалистов в области образования – необходимое условие достижения высоких результатов обучения и воспитания молодого поколения, способного успешно осуществить личностное и профессиональное самоопределение. «Педагог новой формации должен быть драйвером устойчивого развития общества». Об этом заявила проректор по научной работе Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка Анна Торхова во время спецпроекта в пресс-центре БЕЛТА на тему «Концепция развития системы образования в Республике Беларусь до 2030 год» [1].

В связи с этим проблема совершенствования профориентационной работы в школе в последние годы приобретает все большую значимость, становится одной из важнейших проблем педагогической и психологической науки. Вместе с тем в настоящее время работа по ориентации школьников на педагогическую профессию сталкивается с рядом трудностей и проблем, среди которых:

– проблемы, связанные с отбором выпускников общего среднего образования на педагогические специальности, нежеланием выпускников педагогических классов выстраивать профессиональную карьеру в области образования;

– снижение престижа профессии педагога;

– трудности студентов и молодых педагогов в освоении передовых и инновационных идей и образовательных технологий;

– уход молодых педагогов из профессии;

- невостребованность педагогических кадров по отдельным специальностям затрудняет трудоустройство выпускников по полученной профессии;
- в связи с падением рождаемости трудности прогнозирования перспективы востребованности педагогической профессии;
- экономические трудности семей, и в связи с этим привязанность при выборе профессии к учебным заведениям по месту жительства;
- проблема оттока молодых ученых из педагогической науки.

Основная часть. В основных направлениях преобразования высшего и среднего специального образования в стране особо подчеркнута актуальность профориентационной деятельности. В них отмечается, что в целях повышения качества подготовки педагогических кадров необходимо придать особое значение отбору на обучение в вузы, средние специальные педагогические учреждения наиболее подготовленных юношей и девушек, проявивших склонности к избранной профессии. Отмечается, что нужно перейти на целенаправленную работу по ориентации школьников на педагогическую профессию, необходимо выбрать таких обучающихся, которые не только проявляют интерес, но способны решать сложные педагогические задачи в будущем в практике педагогической деятельности.

Вместе с тем динамично меняющаяся социально-экономическая ситуация обуславливает необходимость подготовки педагога новой формации как драйвера устойчивого развития общества. «Ориентация на подготовку такого педагога позволит значительно ускорить переход к новой парадигме образования, главными отличительными чертами которого является учение вместо обучения, развитие способностей самим приобретать знания, творчески их перерабатывать, в том числе с использованием информационных ресурсов. Необходимо развить у них способность мыслить креативно, создавать новое, сформировать у них функциональную грамотность в современном понимании. Педагог, который будет готов к работе в новой парадигме, в полной мере сможет обеспечить формирование функциональной грамотности личности как важнейшего условия устойчивого развития и отдельного человека, и общества» [1].

В первые десятилетия XXI в. под влиянием ряда социокультурных факторов в белорусском обществе начинает возрождаться интерес молодежи к педагогической профессии. В числе ключевых социокультурных детерминант профильного обучения педагогической направленности в учреждениях общего среднего образования:

- потребность общества в повышении престижа педагогической профессии;
- организация профильного обучения на III ступени общего среднего образования;
- становление национальной системы непрерывного педагогического образования.

Таким образом, усиление интереса к получению профессии педагога, повышение ее престижа становится ведущим фактором, влияющим на профессиональное самоопределение учащихся в пользу педагогических специальностей. Все более привлекательным становится обучение в педагогических классах, которые являются стартовой площадкой для поступления на педагогические специальности.

В 2023/2024 учебном году в республике открыты 833 педагогические класса и группы, в которых обучается 7932 старшеклассника.

В Брестской области функционируют 86 педагогических классов, в которых обучаются 966 подростков. Тесное взаимодействие выстроено с *Брестским государственным университетом имени А.С. Пушкина*, который принимает в ряды своих студентов основное число выпускников педклассов региона, в том числе поступающих по целевому направлению. Процент поступления выпускников педклассов в университеты педагогической направленности увеличивается, поступает около 35 % детей.

Перспективными для развития педагогических классов являются возможности объединения потенциала разных стран для повышения эффективности педагогической профилизации. В связи с этим в настоящее время Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка совместно с российскими партнерами – Московским педагогическим государственным университетом и Тульским государственным педагогическим университетом имени Л.Н. Толстого – ведет работу по созданию белорусско-российского ресурсного центра по научно-методическому сопровождению педагогических классов.

С начала XXI в. в российской системе образования преобладают тенденции возрождения педагогических классов и их концептуальной перестройки с формата классической профориентации на формат довузовской подготовки. Проведен анализ многолетнего опыта использования различных моделей и форм организации ДПП в Ярославской области. На основе анализа проведенных исследований и опыта разработаны концептуальные идеи, подходы и принципы, модели и варианты, содержание и педагогические средства организации допрофессиональной педагогической подготовки школьников [2]. В организации допрофессиональной педагогической подготовки школьников, в успешном решении ее задач заинтересован прежде всего педагогический вуз. Это важнейший этап в подготовке педагогических кадров, который в значительной мере обеспечивается партнерским взаимодействием университета и образовательных организаций. С этой целью в Ярославском государственном педагогическом университете им. К.Д. Ушинского, с которым сотрудничает Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, открыли методическое объединение кураторов педагогических классов, которые непосредственно включены в допрофессиональную подготовку школьников. Целями деятельности педагогического сообщества является научно-методическое и организационное сопровождение допрофессиональной педагогической подготовки школьников, координация действий образовательных организаций региона по выявлению и сопровождению школьников, ориентированных на выбор педагогической профессии [3, с. 242]. Определены три основные взаимосвязанные цели допрофессиональной педагогической подготовки школьников:

- формирование ценностно-смысловых ориентиров, социальной компетентности у молодого поколения, способного проявлять лидерские качества в преобразовании окружающего мира;
- формирование готовности обучающихся к профессиональному самоопределению на социально-педагогические профессии;
- развитие у обучающихся потребности в саморазвитии, способности к самопознанию, самооцениванию, самообразованию и самовоспитанию.

Особое внимание обращается на согласованность содержания психолого-педагогической подготовки старшеклассников, развитие у обучающихся педагогических классов ценностно-смысловой сферы, что предусматривает следующее:

- формирование мотивации обучающихся на овладение профессиями психолого-педагогической направленности через программу воспитательной работы на уровне основного и среднего общего образования;
- раннее выявление педагогической одаренности, разработку мониторинга развития педагогической направленности школьников, программы сопровождения педагогически одаренных детей;
- определение содержания обучения в психолого-педагогических классах с учетом основных содержательных и аксиологических идей, исключающих дублирование содержания обучения в вузе;
- организацию профориентационных, лично-социально значимых образовательных практик [4, с. 13].

Среди условий, благодаря которым процесс профильной педагогической подготовки учащихся эффективен, А.И. Жук выделил:

- отбор и конструирование содержания профильной педагогической подготовки учащихся;
- использование потенциала кластерного взаимодействия всех заинтересованных;
- государственную поддержку деятельности педагогических классов [5, с. 41].

При этом цели и задачи ориентации на педагогическую профессию должны быть приведены в соответствие со спецификой педагогической профессии, с учетом системы ценностей учащихся педклассов. Именно система ценностей обеспечивает готовность выпускников педагогических классов к выбору педагогической профессии. Поэтому особую значимость приобретает ценностно-ориентационная деятельность, которая является системообразующей и направлена на освоение ценностей, получение опыта ценностного отношения к себе, к другим, к явлениям и объектам окружающего мира, осознание образования, развития, саморазвития. Ценностные ориентиры выполняют функцию управления во всех видах деятельности и в целом в жизни человека.

Целью данной работы является изучение системы ценностей учащихся педклассов Молотовичской средней школы Брестской области. Школа ставит задачу способствовать даль-

нейшему развитию системы профилизации на уровне общего среднего образования, допрофессиональной подготовки учащихся. В X–XI классах в рамках профильного обучения в данном учреждении образования созданы группы профессиональной направленности для ориентации учащихся на получение педагогических специальностей.

Для изучения ценностных ориентаций выпускников педклассов были опрошены 62 обучающихся.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование проведено по авторской методике по изучению ценностных ориентаций «К чему я стремлюсь в жизни?». Согласно методике, ценности были предоставлены респондентам для ранжирования.

На вопрос «Какие профессии тебе нравятся?», большинство учащихся педклассов называют педагогические или более широко – работа с людьми, более конкретно называют профессии – учитель, воспитатель, или даже специальности – логопед, лингвист, филолог. Есть среди обучающихся будущие программисты, врачи, биохимики, стоматологи, экономисты, криминалисты, адвокаты, архитекторы, работники органов МВД и пока неопределившиеся с профессиональным выбором.

Родители чаще всего поддерживают детей в их выборе. Советы родителей, учителей и друзей могут быть разными, не совпадающими, но какую профессию выбрать, решает сам будущий абитуриент.

В выбранной профессии педагогической направленности привлекает «творческая деятельность», «общение с детьми», «возможность дать знания другим», «делиться знаниями», «общение с молодым поколением», «учить языки».

Планы на будущее: «хорошо закончить школу», «получить качественное образование», «стать хорошим специалистом», «осуществить мечты», «достичь поставленной цели», «поступить в педагогический колледж», «поступить в университет на педагогическую специальность», «стать учителем», «приблизиться к карьерной цели», «найти прибыльную работу», «заработать много денег», «пробовать себя в интернете».

На вопрос «К чему я стремлюсь в жизни?» получены следующие результаты:

Первые три ранга заняли хорошее образование, хорошее здоровье, счастливая семья. Далее следуют хорошая работа и карьера, дружба, наличие хороших и верных друзей, любовь, счастье близких людей. Последние места занимают свобода как независимость в поступках и действиях, власть и положение в обществе, уважение и восхищение окружающих.

Жизненные планы – «создать счастливую семью», «выйти замуж, родить ребенка», «устроиться на хорошую работу», «пробовать себя во всем». «А для этого я буду учиться упорно», «сдать успешно экзамен, изучать другие языки», «трудиться, найти себя» – пишут старшеклассники. «А сейчас я старательно учусь и развиваюсь в разных направлениях, участвую в общественной жизни нашей школы».

А вот выдержки из эссе «Я и моя карьера учителя». *Это изложение в свободной форме мыслей о целях и смысле карьеры выпускника педкласса.* Именно свободная форма позволила продемонстрировать креативность, нестандартность и гибкость мышления, навыки письменной коммуникации и эффективной самопрезентации. В карьерном эссе выпускники раскрывают свой взгляд на карьеру, называют причины и особенности выбора профессии, характеризуют собственные стратегии достижения карьерного успеха.

Называя факторы, которые повлияли на выбор профессиональной карьеры педагога, выпускник отмечает: «В течение своей учебы я встречал действительно великих учителей, которые не только преподавали предмет, но и вдохновляли и мотивировали меня. Они были наставниками, которые верили в меня и помогли раскрыть мой потенциал».

Кто-то из школьников испытывает неосознанное стремление воспитывать или обучать других, приходя в педкласс за знаниями и умениями. «Карьера учителя для меня – это больше, чем просто работа. Это моя миссия. Я хочу помочь каждому ребенку достичь успеха и стать лучшей версией самого себя. Я готов учиться, развиваться и преодолевать трудности ради своей цели». И в заключение замечает: «Учительская профессия может быть сложной, требовательной, но также является одной из самых благородных и важных профессий в мире».

«Учитель – это не просто работа, это образ жизни. Это постоянная учеба, рост и развитие. Я готова преодолевать трудности, учиться на своих ошибках и идти вперед. Я понимаю, что моя карьера учителя будет полна вызовов, но именно это меня мотивирует. Я готова посвятить себя этому вызову. Я хочу вдохновлять и влиять на жизнь детей, помогать им обрести уверенность и прокладывать путь к их будущему успеху».

Для некоторых выпускников обретение профессии сопутствует процессу осознанного личностного самоопределения. «Учитель – это лидер и образец для подражания. Если сам учитель испытывает радость от учения, то это не может не передаваться ученикам. Учитель не только учит, но и воспитывает, выступает как старший друг».

С целью педагогической поддержки старшеклассников в построении стратегии профессионального и личностного развития совместно с педагогами, работающими в педклассах Молотковичской средней школы, нами разработан экспериментальный педагогический проект «Мои жизненные планы и профкарьера».

Цель педагогического проекта – формирование мотивационной готовности к выбору педагогической профессии будущими абитуриентами. Для выполнения этой цели необходимо решить следующие основные задачи:

1. Сформировать общественно значимые мотивы выбора профессии и осознанный интерес к педагогической профессии.
2. Выявить школьников, проявляющих интерес к педагогической профессии, организовать с ними целенаправленную работу по формированию у них мотивационной готовности к реализации профессиональных планов.
2. Ознакомить учащихся со способами получения педагогических специальностей.
3. Формировать адекватную самооценку у обучающихся на основе профессионального самоопределения.
4. Осуществить диагностику готовности обучающихся 9–11 классов к выбору педагогического профиля обучения на основе оптимально обоснованных критериев.

Проект должен соответствовать ряду требований: иметь практическую ценность; предполагать проведение учащимися самостоятельных исследований; быть гибким в направлении работы и скорости ее выполнения; предполагать возможность решения актуальных проблем; давать школьнику возможность учиться в соответствии с его способностями; содействовать проявлению способностей ученика при решении задач профессионального выбора.

Новизна педагогического проекта заключается:

- в создании системы профориентационной работы на этапе первичного профессионального выбора и проектирования успешной профессиональной карьеры в области педагогической деятельности;
- в разработке и внедрении активных, интерактивных, коллективных творческих, проектных и игровых методов, социально значимой деятельности, способствующих формированию профессиональных интересов и готовности к выбору профессии педагога;
- в разработке методических рекомендаций и материалов по организации профориентационной работы на этапе первичного профессионального выбора.

Правильный выбор профессии молодым человеком и последующее формирование его как профессионала включает не только определение будущей профессиональной траектории, но и соотнесение себя с требованиями профессии, в данном случае педагогической, влияющей на формирование личности как субъекта труда и профессионала. Задача педагогов на стадии профильной и предпрофильной подготовки обеспечить сопровождение процесса профессионального самоопределения учащихся, как важного звена психического развития, откорректировать отношения к профессиональным и жизненным ситуациям, помочь осуществить «практические пробы сил», чтобы выбор профессии педагога не был стихийным, зависящим от случайных факторов, а соотносился с личными потребностями, интересами и склонностями школьников, потребностями общества и конкретного региона.

Перспективными направлениями педагогической профилизации в учреждениях общего среднего образования являются:

- совершенствование процесса профильного обучения педагогической направленности усилиями всех субъектов непрерывного педагогического образования;
- активизация деятельности региональных кластеров по усилению профильной и допрофильной педагогической подготовки учащихся, привлечению мотивированных и подготовленных абитуриентов на педагогические специальности;
- поиск эффективных способов работы с выпускниками педагогических классов – студентами педагогических вузов [5, с. 44].

Заключение. Как показывает наш многолетний опыт, повышению эффективности допрофессиональной педагогической подготовки школьников как важнейшего этапа в подготовке будущих профессионалов в области образования способствуют современные технологии, формы и методы:

- кластерный подход, дуальное обучение, менторская поддержка;
- психолого-педагогическое сопровождение учащихся, имеющих интересы и склонности к профессии педагога;
- проведение тренингов, профориентационных игр и упражнений, ориентирующих обучающихся на выбор профессии педагога;
- разработка и реализация индивидуальных образовательных маршрутов обучающихся, имеющих интересы и склонности к педагогическим специальностям;
- конкурсы профессионального мастерства;
- обсуждение книг, фильмов, телепередач, посвященных педагогическим специальностям;
- встречи с интересными и любимыми педагогами, представителями педагогических династий;
- профессиональные пробы, которые предполагают выполнение конкретной деятельности в специально созданных жизненных, учебных, игровых, досуговых ситуациях;
- импровизированные и сюжетно-ролевые игры педагогической направленности;
- коллективно-творческие дела, выполнение проектов педагогической направленности, волонтерская деятельность, в процессе которой обучающиеся на собственном опыте осваивают современные образовательные технологии;
- ведение «Профессионального портфолио».

Литература

1. Торхова, А. Педагог новой формации должен быть драйвером устойчивого развития общества [Электронный ресурс] / А. Торхова // Концепция развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года. – Режим доступа : <https://www.belta.by/roundtable/view/kontseptsija-razvitija-sistemy-obrazovanija-respubliki-belarus-do-2030-goda-1404>. – Дата доступа : 24.05.2024.
2. Байбородова, Л. В. Концепция и модели допрофессиональной педагогической подготовки школьников : монография / Л. В. Байбородова, В. В. Белкина. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. – 282 с.
3. Допрофессиональная педагогическая подготовка школьников : Опыт и традиции : коллективная монография / под научн. ред. Л. В. Байбородовой, А. М. Ходырева, А. П. Чернявской. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. – 339 с.
4. Груздев, М. В. Допрофессиональная подготовка школьников в контексте непрерывного педагогического образования / М. В. Груздев, Л. В. Байбородова, А. Н. Козловский // Ярославский педагогический вестник. – 2023. – № 3 (132). – С. 8–19.
5. Жук, А. И. Педагогические классы – осознанный старт в профессию / А. И. Жук // Педагогические классы : опыт и перспективы : материалы II Республиканской научно-практической конференции, Минск, 3 ноября 2017 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка ; под ред. А. И. Жука, А. В. Позняк. – Минск : БГПУ, 2017. – С. 40–45.

Специфические особенности проявления ловкости в дзюдо

И.В. МАКАРОВ

Цель исследования – изучить специфические особенности проявления ловкости в дзюдо. Анализ соревновательной деятельности сильнейших дзюдоистов позволил выявить, что решающим фактором результативности является умение спортсменов перестраивать свою двигательную деятельность в соответствии с меняющейся обстановкой на татами. В статье представлена классификация специфических особенностей ловкости, необходимых для максимальной реализации функциональных способностей дзюдоистов в соревновательной деятельности.

Ключевые слова: ловкость, специфические особенности, количественные и качественные характеристики, дзюдо.

The purpose of the research is to study the specific features of dexterity in judo. The analysis of the competitive activities of the strongest judoists revealed that the decisive factor of performance is the ability of athletes to rebuild their motor activity in accordance with the changing situation on the tatami. The article presents a classification of the specific features of dexterity necessary for the maximum realization of the functional abilities of judoists in competitive activities.

Keywords: dexterity, specific features, quantitative and qualitative characteristics, judo.

Введение. Результативность соревновательной деятельности в дзюдо в значительной мере предопределяется умением спортсмена в наикратчайший промежуток времени решать возникшие перед ним двигательные задачи. Данный вид спорта является не только сложнокоординационным в техническом исполнении, но и ситуативным и контактным, когда окружающая обстановка находится в постоянной динамике по ходу схватки и зависит не только от поведения самого спортсмена, но и от действий противника. В таких условиях для повышения качества соревновательной деятельности возрастает ценность умения спортсменов перестраивать свою двигательную деятельность в соответствии с меняющейся обстановкой на татами.

Изучением динамики устойчивости позы борца как одного из факторов, влияющих на эффективность проведения сложных тактико-технических действий, занимался А.П. Купцов [1]. Его исследование продолжил М.М. Казилев [2], который выделил два типа позных реакций на постепенно нарастающие механические стандартные возмущения: а) целостное усилие противодействия; б) серия усилий противодействия до момента необратимой потери устойчивости. Проведенное исследование позволило автору выявить резервы устойчивости атакуемого борца при определённом положении стоп – умение своевременно создавать больший угол устойчивости в нужном направлении; изменять позу относительно неподвижной площади опоры; снижать ОЦМТ тела и проявлять необходимые позные реакции.

Выявлению возможности борцов различной квалификации к переключению с одного атакуемого действия на другое, когда защита противника препятствует выполнению приема, посвятил свое исследование И.В. Шинелев [3]. Он экспериментально доказал, что эффективность броска через спину, выполняемого в условиях противодействия противника, зависит от способности борца к решению промежуточных двигательных задач за счет повышения возможностей оценивать рассогласование между ожидаемым и фактическим результатом по ходу реализации приема.

Разработке методики специальной тренировки юных дзюдоистов на приспособление организма подростков к двигательной деятельности в вероятностных условиях посвящена работа М.П. Дебердеева [4]. По его мнению, педагогические условия эффективной деятельности юных дзюдоистов в вероятностных и неожиданных ситуациях заключаются: а) в систематическом внедрении в процесс обучения специальных двигательных заданий, требующих развития психической и психомоторной сферы; б) в постепенном повышении трудности выполнения технико-тактических навыков и умений в неизвестных, вероятностных и неожиданных условиях; в) в моделировании ситуаций, возникающих при реализации данных действий в процессе обучения и в условиях схваток и соревнований.

А.А. Бучнев [5] разработал модель формирования навыков маневрирования и пространственно-временной ориентировки, позволяющих выявить наиболее точный момент атаки, что дает возможность более эффективно контролировать движения противника.

Особенности целенаправленной двигательно-координационной тренировки юных самбистов изучал С.А. Филин [6]. По его мнению, основными компонентами содержания методики сопряженного развития двигательно-координационных способностей юных самбистов являются разработанные блоки сложнокоординационных упражнений общеразвивающего и скоростно-силового характера, упражнения для развития функции равновесия, подготовительные упражнения с использованием технических элементов борьбы самбо, подвижные игры общеразвивающего воздействия и содержащие элементы спортивных единоборств.

Поиску новых средств координационной подготовки юных дзюдоистов посвящено исследование М.В. Филиппова [7], который предложил развивать координационные способности средствами парных акробатических упражнений. Изучением формирования координационных способностей юных спортсменов в джиу-джитсу на этапе начальной подготовки занималась О.Е. Малахова [8].

Несмотря на обилие исследований, посвященных различным аспектам подготовки дзюдоистов различной квалификации, вопросы развития координационных способностей, а также проявления количественных и качественных характеристик ловкости, влияющих на исход поединка, остались вне поля зрения специалистов.

Цель исследования – изучить специфические особенности проявления ловкости в дзюдо.

Результаты исследования. Дзюдо – вид спорта, где действия спортсмена должны быть рассчитаны с математической точностью, но с обязательным присутствием импровизации. Дзюдоисту необходимо быть чувствительным и резким, обладать способностью к быстрой смене темпа и скорости проведения приемов, обладать неудержимым напором и хитростью, умением принятия оригинальных неожиданных решений, а также искусством опережать соперника во всех моментах схватки. Для успешной деятельности с такими требованиями дзюдоисты должны отличаться высоким уровнем развития специальных способностей, которые в теории связывают с понятием «ловкость».

Н.А. Бернштейн определяет ловкость как «способность двигательным образом выйти из любого положения, т. е. способность справиться с любой возникшей двигательной задачей: правильно (т. е. адекватно и точно), быстро (т. е. скоро и скоро), рационально (т. е. целесообразно и экономично) и находчиво (т. е. изворотливо и инициативно)» [9, с. 267].

Количественная сторона правильности движений выражается в их точности. Развитие которой по ее основным разновидностям и проявлениям обуславливает оптимальную конкретизацию в выборе средств, методов обучения и тренировки, значительно расширяет творческие возможности тренеров по организации спортивной подготовки, способствует повышению эффективности использования различных условий организации и проведения занятий [10].

Для реализации своего функционально-технического потенциала в условиях дефицита времени и пространства, а также непосредственном физическом контакте с соперником дзюдоистам необходимо обладать способностями к точному восприятию нахождения себя и противника на татами!!!, умению дифференцировать свои усилия и прилагать их в нужной точке в нужное время. Кроме этого, при осуществлении любого двигательного действия спортсмена во время поединка правильность его движений можно оценить с помощью количественных характеристик ловкости, таких как:

– точность силовых параметров движений: чувство прилагаемого усилия (направление, сила и величина прилагаемого усилия; последовательность включения мышц в работу); чередование напряжения одних мышечных групп с адекватным расслаблением других; соответствие развиваемого усилия характеру двигательного действия;

– точность временных параметров: чувство проходящего времени схватки; ритм движений своих и соперника; длительность всех фаз движения; чувство момента для выполнения броска;

– точность пространственных параметров: чувство ориентирования на татами; чувство дистанции с соперником; исходное положение, из которого движение начинается; конечное положение

ние, в котором движение заканчивается; ряд мгновенных (непрерывно сменяющихся) промежуточных положений, которые принимает тело при движении – траектория движения спортсмена;

– точность пространственно-временных параметров: динамика скорости движений тела и его отдельных звеньев спортсмена и соперника;

– точность движений тела и его отдельных звеньев в ответ на внешний раздражитель;

– точность дифференцирования мышечных усилий в конкретной ситуации: управление тонической напряженностью мышц, обеспечивающих поддержание позы; управление координационной напряженностью (оптимальная активность мышечных сокращений, полный выход мышц из фазы сокращения в фазу расслабления, включение в действие только нужных мышечных групп).

Следующей чертой ловкости, по утверждению Н.А. Бернштейна, является быстрота результата. Она характеризует то, что делает ловкость. Применительно к дзюдо быстрота результата заключается в выборе наиболее эффективного или оптимального решения в данный момент времени и его осуществление без малейших колебаний и сомнений.

На вопрос «Как осуществляются дзюдоистом двигательные действия во время поединка?» отвечают такие характеристики ловкости, как рациональность и находчивость.

Качественная сторона рациональности – целесообразность. Это, прежде всего, биомеханическая целесообразность двигательного действия, то есть использование законов классической механики для создания дополнительной встречной силы, увеличения силы и скорости движений, создания надежной опоры и управления равновесием.

Количественной характеристикой рациональности выступает экономичность движений. Разумеется, из двух движений более ловким будет то, которое достигнет цели с меньшей затратой сил. Для этого спортсмен должен обладать способностью целесообразно координировать действия (согласовывать, соподчинять, организовывать их в единое целое) при построении и воспроизведении новых двигательных действий; а также, перестраивать координацию движений, при необходимости изменять параметры освоенного действия или переключаться на иное действие в соответствии с требованиями меняющихся условий.

И главную ценность проявления ловкости в дзюдо представляет свойство находчивость – антиципация (предугадывание как намерений партнера, так и последствий своих собственных движений). Предугадывание двигательных действий соперника в дзюдо может быть результатом собственных тактических действий, это синтез прошлого опыта, накопленного дзюдоистом за время тренировочной и соревновательной деятельности.

Представленная нами классификация количественных и качественных сторон ловкости позволит специалистам расширить арсенал тренировочных средств для создания у дзюдоистов сенсорных коррекций («специфических чувств»), что даст возможность спортсменам максимально использовать свой функциональный потенциал и улучшить соревновательный результат. На рисунке представлены особенности проявления различных компонентов ловкости в дзюдо.

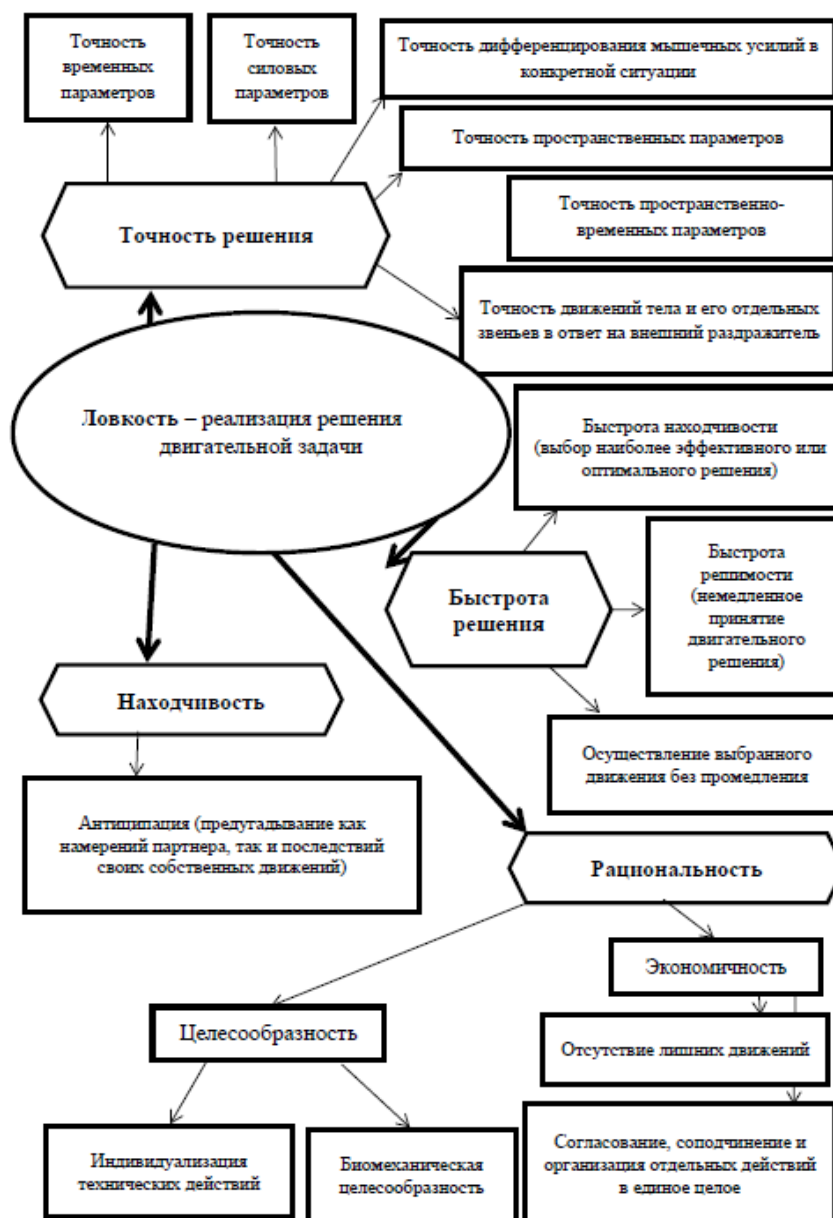


Рисунок – Особенности проявления ловкости в дзюдо

Заключение. Анализ соревновательной деятельности сильнейших дзюдоистов позволил выявить, что решающим фактором результативности является умение спортсменов перестраивать свою двигательную деятельность в соответствии с меняющейся обстановкой на татами, другими словами, от степени развития ловкости спортсмена. В статье представлена классификация специфических особенностей ловкости необходимых для максимальной реализации функциональных способностей дзюдоистов в соревновательной деятельности. Спортсмены, тонко чувствующие ситуацию и способные адекватно корректировать свои двигательные действия, имеют больше шансов добиться высоких спортивных результатов. Отсюда становится очевидной необходимость более детального изучения особенностей проявления ловкости в дзюдо, которая накапливается с двигательным опытом.

Литература

1. Купцов, А. П. Динамика устойчивости позы борца : (К вопросу об эффективности сложных тактико-техн. действий в спортивной борьбе) : автореф. дис. ... канд. пед. наук / А. П. Купцов. – М., 1969. – 35 с.

2. Казилов, М. М. Пути оптимизации тактико-технических действий борца в связи с меняющейся устойчивостью позы противника : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / М. М. Казилов. – М., 1979. – 16 с.
3. Шинелев, И. В. Экспериментальное обоснование средств и методов совершенствования атакующих действий в спортивной борьбе : автореф. дис. ... канд. пед. наук / И. В. Шинелев. – М., 1971. – 30 с.
4. Дебердеев, М. П. Методика тренировки юных дзюдоистов на основе моделирования двигательной деятельности в вероятностных условиях : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / М. П. Дебердеев. – Ярославль, 2006. – 21 с.
5. Бучнев, А. А. Повышение спортивного мастерства высококвалифицированных дзюдоистов на основе формирования навыков маневрирования и пространственно-временной ориентировки : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / А. А. Бучнев ; Поволж. гос. акад. физ. культуры, спорта и туризма. – Набережные Челны, 2013. – 23 с.
6. Филин, С. А. Двигательно-координационная тренировка самбистов на этапе начальной подготовки : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / С. А. Филин ; Моск. гор. пед. ун-т. – М., 2013. – 23 с.
7. Филиппов, М. В. Координационная подготовка юных дзюдоистов средствами парной акробатики : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / М. В. Филиппов ; Волгогр. гос. акад. физ. культуры. – Волгоград, 2017. – 24 с.
8. Малахова, О. Е. Формирование координационных способностей юных спортсменов 9–10 лет в джиу-джитсу : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / О. Е. Малахова ; Федеральный научный центр физической культуры и спорта. – М., 2019. – 22 с.
9. Бернштейн, Н. А. О ловкости и ее развитии / Н. А. Бернштейн. – М. : Физкультура и спорт, 1991. – 288 с.
10. Боровая, В. А. Формирование способности к точному выполнению соревновательного действия как основа технической подготовки копьеметателей / В. А. Боровая, Е. П. Врублевский // Вісник Чернігівського національного університету ім. Т.Г. Шевченка. – 2011. – № 91. – С. 142–146.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 25.04.2024

Уплыў рухальных і інтэлектуальных вучэбных заданняў на фарміраванне мэтавай патрэбнасна-матывацыйнай сферы фізічнай культуры вучняў

А.М. МЯЦЕЛІЦА

У артыкуле раскрыты змест і прадстаўлены прыклады інтэлектуальных і рухальных навучальных заданняў, накіраваных на фарміраванне мэтавай патрэбнасна-матывацыйнай сферы фізічнай культуры навучэнцаў. Прыведзены вынікі дыягностыкі стану мэтавай патрэбнасна-матывацыйнай сферы фізічнай культуры навучэнцаў кантрольнай і эксперыментальнай груп за перыяд правядзення фарміруючага педагагічнага эксперыменту. Прадстаўлены практычныя рэкамендацыі па фарміраванні мэтавай патрэбнасна-матывацыйнай сферы фізічнай культуры навучэнцаў.

Ключавыя словы: фізічная культура, патрэбнасна-матывацыйная сфера, рухальныя навучальныя заданні, інтэлектуальныя навучальныя заданні, фарміруючы эксперымент, навучэнцы ліцэя МНС.

The article defines the concept and presents the structure of the target need-motivational sphere of human physical culture. The examples of intellectual and motor learning tasks aimed at developing the target need-motivational sphere of students' physical culture are presented. The results of the diagnostics of the state of the target need-motivational sphere of physical culture of the students in the control and experimental groups during the period of the formative pedagogical experiment are given. The practical recommendations for the formation of the target need-motivational sphere of physical culture of students are presented.

Keywords: physical culture, need-motivational sphere, motor educational tasks, intellectual educational tasks, formative experiment, students of the lyceum of the Ministry of Emergency Situations.

У сучасных умовах развіцця грамадства, якія характарызуюцца недастатковай рухальнай актыўнасцю, што неспрыяльна адбіваецца на фарміраванні яго фізічнай культуры (ФК), прыярытэтнай задачай сучаснай сістэмы фізічнага выхавання з'яўляецца мэтакіраванае фарміраванне патрэбнасна-матывацыйнай сферы (ПМС) ФК навучэнцаў [1]–[3].

Аднак да нядаўняга часу ў сілу склаўшыхся поглядаў і дамінуючых у грамадстве ўстановак фізічнае выхаванне было, перш за ўсё, арыентавана на павышэнне ўзроўню фізічнай падрыхтаванасці і фарміраванне рухальных уменняў і навыкаў, што абмяжоўвала інтэлектуальнае развіццё навучэнцаў і не садзейнічала фарміраванню ў іх устойлівай патрэбнасці ў занятках фізічнай культурай.

З мэтай пераадолення гэтага становішча яшчэ адной задачай фізічнага выхавання з'яўляецца фарміраванне сістэмы фізкультурных ведаў як неабходнай умовы не толькі ўсвядомленага стаўлення навучэнцаў да фарміравання сваёй ФК, але і павышэння ўзроўню іх вучэбнай матывацыі [4]–[6].

Пытанне аб важнасці інтэлектуалізацыі фізічнага выхавання ставілася навукоўцамі ўжо даўно. Так, напрыклад, П.Ф. Лесгафт адзначаў, што фізічнае выхаванне павінна прыводзіць не толькі да фізічнага, але і садзейнічаць разумоваму развіццю навучэнцаў [7].

Такім чынам, нягледзячы на важнасць фарміравання ў працэсе фізічнага выхавання фізкультурных ведаў разам з павышэннем узроўню фізічнай падрыхтаванасці і фарміравання розных рухальных уменняў і навыкаў, аналіз навукова-метадычнай літаратуры сведчыць аб неабходнасці фарміравання яшчэ і такога важнейшага элемента ФК навучэнцаў, якім з'яўляецца ПМС. Гэта выклікана тым, што ПМС ФК з'яўляецца галоўным рухавіком, ад узроўню сфарміраванасці якога залежыць актыўнасць і зацікаўленасць навучэнцаў у ажыццяўленні фізкультурнай дзейнасці.

Структура мэтавай ПМС ФК чалавека прадстаўлена сямью фізкультурнымі патрэбнасцямі, а менавіта: патрэбнасцю ў фізкультурнай дзейнасці, патрэбнасцю ў фізічнай падрыхтаванасці, патрэбнасцю ў рухальных уменнях і навыках, патрэбнасцю ў фізкультурных ведах, патрэбнасцю ў фізкультурным мысленні, патрэбнасцю ў фізкультурным асяроддзі і патрэбнасцю ў цялеснасці [8, с. 63].

Наступнае пытанне, на якое неабходна адказаць у рамках дадзенага артыкула, звязанае з механізмам фармавання мэтавай ПМС ФК навучэнцаў.

Паколькі дзейнасць разглядаецца ў якасці найважнейшай умовы фарміравання ў чалавека не толькі самых разнастайных якасцей, але і задавальнення яго розных патрэбнасцей, то нам уяўляецца, што мэтавая ПМС ФК будзе фарміравацца шляхам уключэння навучэнцаў у спецыяльна арганізаваную фізкультурную дзейнасць і ўздзеяння на іх адпаведнага фізкультурнага асяроддзя.

Зыходзячы з дадзенага становішча, намі была распрацавана сістэма рухальных і інтэлектуальных навучальных заданняў, накіраваных на фармаванне як ПМС ФК навучэнцаў у цэлым, так і фізкультурных патрэбнасцей, якія складаюць яе структуру.

У адпаведнасці са структурай мэтавай ПМС ФК чалавека было распрацавана сем блокаў навучальных заданняў, кожны з якіх накіраваны на фарміраванне адной з сямі фізкультурных патрэбнасцей [8, с. 111].

У агульным выглядзе навучальныя заданні, накіраваныя на фарміраванне патрэбнасці ў фізкультурнай дзейнасці, звязаны з уключэннем навучэнцаў у розныя формы, віды і напрамкі фізкультурна-спартыўнай дзейнасці. Гэта патрэбнасць таксама можа актуалізавацца шляхам якаснай дэманстрацыі ўзораў фізкультурнай дзейнасці.

Заданні, накіраваныя на фарміраванне патрэбнасці ў рухальных уменнях і навыках, злучаны з неабходнасцю выканання фізічных практыкаванняў, якія патрабуюць ад навучэнцаў захавання правільнай тэхнікі.

Заданні, накіраваныя на фарміраванне патрэбнасці ў фізічнай падрыхтаванасці, таксама злучаны з неабходнасцю выканання фізічных практыкаванняў, але якія патрабуюць значнай праявы фізічных якасцяў.

Да заданняў, накіраваных на фарміраванне патрэбнасці ў фізкультурных ведах, адносяцца інтэлектуальныя практыкаванні, выкананне якіх звязана з неабходнасцю атрымання вучнямі і наступным выкарыстаннем розных фізкультурных ведаў.

Да заданняў, накіраваным на фарміраванне патрэбнасці ў фізкультурным мысленні, адносяцца інтэлектуальныя практыкаванні, выкананне якіх звязана з неабходнасцю выкарыстоўваць розныя разумовыя аперацыі (аналіз, сінтэз, параўнанне, абагульненне, класіфікацыя, канкрэтызацыя і абстрагаванне).

У агульным выглядзе да такіх заданняў можна аднесці падрыхтоўку і абарону даклада на фізкультурную тэматыку, вырашэнне праблемнай сітуацыі ў фізкультурнай дзейнасці. Уключэнне навучэнцаў у даследчую дзейнасць, у якой, напрыклад, неабходна правесці аналіз навукова-метадычнай літаратуры, выявіць супярэчнасці па вывучаемай тэме, знайсці ўзаемасувязь паміж вывучаемымі прадметамі ці з'явамі і т. п.

Фарміраванню патрэбнасці ў рухальным мысленні спрыяюць рухальныя заданні, выкананне якіх злучана з пошукам і распрацоўкай новых спосабаў рашэння пастаўленай рухальнай задачы. Напрыклад, навучэнцам можа быць пастаўлена рухальная задача, звязаная з неабходнасцю прыдумаць і ажыццявіць як мага больш спосабаў перамяшчэння па гімнастычным маце, распрацаваць арыгінальныя спосабы перадачы мяча партнёру і г. д.

Заданні, накіраваныя на фарміраванне патрэбнасці ў фізкультурным асяроддзі, прадугледжваюць пры выкананні як фізічных, так і інтэлектуальных практыкаванняў выкарыстоўваць спартыўны інвентар і абсталяванне, спартыўнае адзенне і атрыбутыку, спартыўныя збудаванні, камп'ютэрнае і праграмае забеспячэнне.

Таксама могуць выкарыстоўвацца заданні, звязаныя з аказаннем дапамогі ў падрыхтоўцы і ўборцы спартыўнай залы, у рамонце і вырабе спартыўнага інвентару і абсталявання, па распрацоўцы новых або мадыфікацыі тэхнічных устройстваў, па аказанні дапамогі педагогу ў правядзенні навучальных заняткаў, фізкультурна-аздараўленчых і спартыўна-масавых мерапрыемстваў.

Заданні, накіраваныя на фарміраванне патрэбнасці ў цялеснасці, мяркуюць:

- вымярэнне вучнямі сваёй вагі, росту і іншых антрапаметрычных паказчыкаў свайго цела;
- назіранне і карэкцыю навучэнцамі сваёй выправы, выкананых рухаў і палажэнняў цела, якія прымаюцца як на занятках, так і ў паўсядзённым жыцці;
- вывучэнне вучнямі будовы цела чалавека, назвы і размяшчэння мышцаў;
- дэманстрацыю вучням найлепшых узораў цялеснасці чалавека.

Прыклады вучэбных заданняў, накіраваных на фарміраванне мэтавых фізкультурных патрэбнасцей, прадстаўлены ў табліцы 1.

Табліца 1 – Прыклады вучэбных заданняў, накіраваныя на фарміраванне мэтавых фізкультурных патрэбнасцей

Вучэбнае заданне, накіраванае на фарміраванне патрэбнасці ў фізкультурнай дзейнасці	
Змест задання	У межах валебольнай пляцоўкі расстаўляюцца розныя перашкоды (гімнастычныя лаўкі, крэслы, сталы і інш.). На пляцоўцы хаатычна раскладваюцца тэнісныя мячыкі ў колькасці 10 штук. Навучэнцы дзеляцца на дзве каманды. Гульцы каманд па чарзе з закрытымі вачамі павінны за мінімальны час знайсці ўсе мячыкі, якія знаходзяцца на пляцоўцы. Падчас выканання задання першай камандай удзельнікі другой сочаць за тым, каб яны не падглядвалі. Заданне выконваецца 2–3 разы. Перамагае каманда, якая за меншы час знойдзе ўсе мячыкі
Вучэбнае заданне, накіраванае на фарміраванне патрэбнасці ў фізкультурнай дзейнасці	
Змест задання	Навучэнцам прапануецца прыняць удзел у гульні «Дворнікі». Навучэнцы дзеляцца на дзве каманды. Педагог раскідвае на гульнявой пляцоўцы папяровыя лісточкі памерамі прыкладна 5 × 5 сантыметраў у колькасці 50 штук. Па сігнале педагога гульцы першай каманды павінны за мінімальны час сабраць усе раскіданыя паперкі і пакласці іх у урну. Пасля таго як усе лісткі будуць сабраны да выканання задання прыступае другая каманда. Перамагае каманда, якая за меншы час сабрала ўсе лісточкі. Заданне паўтараецца 3–5 разоў
Вучэбнае заданне, накіраванае на фарміраванне патрэбнасці ў рухальных уменнях і навыках	
Змест задання	Навучэнцы дзеляцца на дзве каманды, якія спаборнічаюць паміж сабой у тэхніцы выканання акрабатычнага практыкавання «Стойка на галаве і руках». Удзельнікі па чарзе дэманструюць тэхніку выканання практыкавання «Стойка на галаве і руках». За правільнае выкананне практыкавання вучню налічваецца «2» балы. За выкананне практыкавання з нязначнымі памылкамі – «1» бал. У выпадку невыканання практыкавання або выканання яго з грубымі памылкамі – «0» балаў. Перамагае каманда, якая набрала ў суме большую колькасць балаў
Вучэбнае заданне, накіраванае на фарміраванне патрэбнасці ў рухальных уменнях і навыках	
Змест задання	Навучэнцы дзеляцца на дзве каманды, якія размяшчаюцца ў шэрагах за асабовымі лініямі валебольнай пляцоўкі. Гульцы каманд па чарзе выконваюць па тры падачы мяча, імкнучыся патрапіць у адну з шасці зон валебольнай пляцоўкі. Спосаб выканання падачы і нумар зоны, у якую неабходна патрапіць, усталёўвае педагог. За правільна выкананае заданне навучэнец атрымлівае 3 ачкі. Адно ачко – за тэхнічна правільна выкананую падачу, другое – за пападанне мяча на пляцоўку суперніка, трэцяе – за пападанне мяча ў паказаную педагогам зону валебольнай пляцоўкі. Перамагае каманда, якая набрала большую колькасць ачкоў
Вучэбнае заданне, накіраванае на фарміраванне патрэбнасці ў фізічнай падрыхтаванасці	
Змест задання	Навучэнцам прапануецца паспаборнічаць паміж сабой у кіданні. Навучэнцы дзеляцца на дзве каманды. Удзельнікі каманд па чарзе кідаюць тэнісны мяч у мішэнь, размешчаную на адлегласці 8 метраў. Кожнаму ўдзельніку даецца па тры спробы. За кожнае пападанне мяча ў мішэнь камандзе налічваецца адно ачко. Перамагае каманда, якая набрала большую колькасць ачкоў
Вучэбнае заданне, накіраванае на фарміраванне патрэбнасці ў фізічнай падрыхтаванасці	
Змест задання	Навучэнцам прапануецца за адну хвіліну выканаць максімальную колькасць скачкоў праз скакалку. Па выніках выкананых скачкоў навучэнцы ранжыруюцца. Пераможца вызначаецца па найбольшай колькасці скачкоў выкананых праз скакалку за адну хвіліну
Вучэбнае заданне, накіраванае на фарміраванне патрэбнасці ў фізкультурных ведах	
Змест задання	Навучэнцам прапануецца прайсці тэст, які складаецца з пяці пытанняў і чатырох варыянтаў адказаў на кожнае з іх. Неабходна з прапанаваных варыянтаў адказаў абраць адзін дакладны і падкрэсліць яго. За кожны правільны адказ навучэнец атрымлівае адзін бал. На выкананне задання адводзіцца 5 хвілін. 1. Да ўдзелу ў Алімпійскіх гульнях дапускаліся: а) усе жадаючыя; б) свабоднанароджаныя грэкі; в) замужнія жанчыны; г) рабы ўдзельнікаў спаборніцтваў. 2. Як звалі рымскага імператара, які ў 394 г. забараніў правядзенне Алімпійскіх гульняў як праяву паганства? а) Аляксандр Македонскі; б) Філіп; в) Феадосій; г) Сакрат. 3. Як абвяшчаўся пераможца Алімпійскіх гульняў? 1) чэмпіён; 2) грамадзянін; 3) атлет; 4) алімпіяднік. 4. У якім горадзе праходзілі першыя Алімпійскія гульні сучаснасці? а) Афіны; б) Лондан; в) Парыж г) Барселона. 5. У якім годзе прайшлі I Алімпійскія гульні старажытнасці? а) 776 г. да н.э.; б) 82 г. да н.э.; в) 176 г.; г) 138 г. Перамога прысуджаецца навучэнцам, якія правільна адказалі на ўсе пытанні

Канчатак табліцы 1

Вучэбнае заданне, накіраванае на фарміраванне патрэбнасці ў фізкультурных ведах	
Змест задання	Навучэнцам прапануецца за адну хвіліну напісаць як мага больш назваў тэрмінаў і паняццяў, якія прымяняюцца на занятках па гімнастыцы і акрабатыцы. Вучні ранжыруюцца. Пераможца вызначаецца па найбольшай колькасці напісаных слоў
Вучэбнае заданне, накіраванае на фарміраванне патрэбнасці ў фізкультурным мысленні	
Змест задання	Навучэнцам прапануецца на працягу адной хвіліны ў вызначэнні паняцця «Фізічнае выхаванне» знайсці адрозненні. Фізічнае выхаванне – гэта від выхавання, спецыфічным зместам якога з’яўляюцца навучанне рухам, выхаванне фізічных якасцей, авалоданне спецыяльнымі фізкультурнымі ведамі і фарміраванне ўсвядомленай патрэбнасці ў фізкультурных занятках. Фізічнае выхаванне – гэта разнавіднасць выхавання, спецыфічным нападзеннем якога з’яўляюцца навучанне рухальным дзеянням, выхаванне фізічных здольнасцяў, авалоданне спецыяльнымі фізкультурнымі ведамі і фарміраванне асэнсаванай патрэбнасці ў фізкультурных занятках. За кожнае знойдзенае адрозненне налічваецца адзін бал. Пераможцам становіцца той, хто паспее за ўстаноўлены час набраць большую колькасць балаў
Вучэбнае заданне, накіраванае на фарміраванне патрэбнасці ў фізкультурным асяроддзі	
Змест задання	Навучэнцам прапануецца вырабіць драўляныя палкі даўжынёй 60 см, а дыяметрам 2 см для выкарыстання іх на навучальных занятках
Вучэбнае заданне, накіраванае на фарміраванне патрэбнасці ў цялеснасці	
Змест задання	Навучэнцам прапануецца вымераць перыметр правага і левага пляча. Вынікі вымярэння сумуюцца з наступным ранжыраваннем вучняў па выніках праведзеных вымярэнняў

З мэтай вызначэння эфектыўнасці ўплыву навучальных заданняў на фарміраванне мэтавай ПМС ФК навучэнцаў намі быў праведзены на базе ДУА «Спецыялізаваны ліцэй пры ўніверсітэце грамадзянскай абароны МНС Рэспублікі Беларусь» гадавы фарміруючы педагагічны эксперымент у перыяд з верасня 2020 па чэрвень 2021 г.

Эксперыментам былі ахоплены навучэнцы 1–4 курсаў ліцэя ў колькасці 174 чалавекі. З іх 86 чалавек склалі эксперыментальную групу (ЭГ), а 88 – кантрольную групу (КГ).

У перыяд правядзення фармавальнага эксперыменту навучэнцы ЭГ у рамках спецыяльнай метадыкі ў форме аб’яднання па інтарэсах выконвалі навучальныя заданні, накіраваныя на фарміраванне мэтавай ПМС ФК. У гэты перыяд навучэнцы КГ наведвалі ў ліцэі розныя спартыўныя секцыі, на якіх заданні ім не прапанаваліся.

Вызначэнне ўзроўняў сфарміраванасці мэтавай ПМС ФК навучэнцаў КГ і ЭГ ажыццяўлялася з дапамогай спецыяльна распрацаванага метралагічна карэктнага дыягнастычнага інструментарыя, які прайшоў праверку на інфарматыўнасць, адэкватнасць і надзейнасць [9].

Вынікі дыягностыкі стану мэтавай ПМС ФК навучэнцаў КГ і ЭГ да пачатку і пасля правядзення фармавальнага эксперыменту прыведзены ў табліцы 2.

З табліцы 2 вынікае, што за перыяд правядзення фарміруючага эксперыменту ўзровень сфарміраванасці мэтавай ПМС ФК навучэнцаў ЭГ статыстычна значна перавысіў узровень сфарміраванасці мэтавай ПМС ФК навучэнцаў КГ.

У ЭГ статыстычна значна вышэй, чым у КГ сталі таксама ўзроўні сфарміраванасці патрэбнасцей у рухальных уменнях, фізічнай падрыхтаванасці, фізкультурных ведах, фізкультурным мысленні і фізкультурным асяроддзі.

Ва ўзроўнях сфарміраванасці патрэбнасцей у фізкультурнай дзейнасці і цялеснасці паміж ЭГ і КГ статыстычна значных змен не адбылося.

Аналіз вынікаў атрыманых да пачатку і пасля завяршэння фарміруючага эксперыменту паказаў, што ў ЭГ статыстычна значныя станоўчыя змены былі выяўленыя як ва ўзроўні сфарміраванасці мэтавай ПМС ФК, так і ва ўзроўнях сфарміраванасці ўсіх мэтавых фізкультурных патрэбнасцей.

Табліца 2 – Стан мэтавай ПМС ФК навучэнцаў КГ і ЭГ за перыяд правядзення фарміруючага эксперыменту

Фізікультурныя патрэбнасці і мэтавая ПМС ФК	Група	Узровень сфарміраванасці (Me)				Дакладнасць адрозненняў па крытэрыю Уілксона
		Да эксперыменту	Крытэрыі Мана-Уігні. P-level (адрозненні)	Пасля эксперыменту	Крытэрыі Мана-Уігні. P-level (адрозненні)	P-level
у фізікультурнай дзейнасці	КГ	5	0,82	5	0,17	0,55
	ЭГ	5		5		0,002
у рухальных уменнях і навыках	КГ	4	0,57	4	0,00004	0,87
	ЭГ	4		5		0,0003
у фізічнай падрыхтаванасці	КГ	4	0,87	4	0,001	0,12
	ЭГ	5		5		0,0007
у фізікультурных ведах	КГ	4	0,48	3	0,0000003	0,21
	ЭГ	4		5		0,0006
у фізікультурным мысленні	КГ	3	0,5	3	0,00002	0,62
	ЭГ	3		4		0,0003
у фізікультурным асяроддзі	КГ	4	0,69	4	0,023	0,67
	ЭГ	4		4,75		0,0003
у цялеснасці	КГ	5	0,76	5	0,1	0,9
	ЭГ	5		5		0,013
мэтавая ПМС ФК	КГ	4	0,54	4	0,000007	0,07
	ЭГ	4		5		0,0006

У КГ як ва ўзроўнях сфарміраванасці ўсіх мэтавых фізікультурных патрэбнасцей, так і ва ўзроўні сфарміраванасці мэтавай ПМС ФК статыстычна значных змен не адбылося.

Такім чынам, вынікі фарміруючага эксперыменту дазваляюць сцвярджаць аб эфектыўнасці распрацаванай намі сістэмы рухальных і інтэлектуальных навучальных заданняў, накіраваных на фарміраванне мэтавай ПМС ФК навучэнцаў. У сувязі з чым дадзеныя заданні могуць прымяняцца на практыцы.

У выніку праведзенага даследавання былі распрацаваны практычныя рэкамендацыі, накіраваныя на павышэнне эфектыўнасці кіравання педагагічным працэсам фарміравання мэтавай ПМС ФК навучэнцаў, а менавіта:

1. Найважнейшай умовай паспяховасці фарміравання мэтавай ПМС ФК з'яўляецца ўключэнне вучняў у актыўную фізікультурную дзейнасць, якая змяняе іх ПМС ФК у адпаведнасці з яе патрабаваннямі.

2. Для кантролю стану мэтавай ПМС ФК навучэнцаў неабходна выкарыстоўваць метралагічна карэктны дыягнастычны інструментарый, які распрацаваны ў адпаведнасці з тэарэтычнай мадэллю мэтавай ПМС ФК чалавека.

3. Практычная рэалізацыя метадыкі фарміравання мэтавай ПМС ФК навучэнцаў прадугледжвае прытрымліванне трох узаемзвязаных этапаў (дыягнастычнага, запланаванага і практычнага), якія ўтвараюць адзін поўны цыкл, колькасць якіх можа залежаць ад дынамікі стану мэтавай ПМС ФК навучэнцаў.

На першым этапе ажыццяўляецца дыягностыка стану мэтавай ПМС ФК навучэнцаў, па выніках якой устанаўліваецца ступень разыходжання рэальнага ўзроўню сфарміраванасці ПМС ФК навучэнцаў з мэтавым узроўнем.

На другім этапе, выходзячы з вынікаў дыягностыкі, ажыццяўляецца планаванне сістэмы педагагічных уздзеянняў (зместу рухальных і інтэлектуальных навучальных заняткаў) на маючы адбыцца практычны этап.

На трэцім завяршальным этапе цыкла ажыццяўляецца практычная рэалізацыя запланаваных навучальных заданняў.

4. Для павышэння эфектыўнасці метадыкі фарміравання мэтавай ПМС ФК навучэнцаў неабходна выкарыстоўваць розныя спосабы іх знешняй матывацыі, што, перш за ўсё,

прадугледжае выкарыстанне гульнявога і саборніцкага метадаў, ранжыраванне і ацэньванне вучняў па выніках іх вучэбнай дзейнасці, прымяненне новых і папулярных практыкаванняў, слоўных і іншых відаў заахвочванняў.

Літаратура

1. Метелица, А. Н. Модель формирования потребностно-мотивационной сферы физической культуры учащихся / А. Н. Метелица // Изв. Тул. гос. ун-та. Физ. к-ра. Спорт. – 2021. – № 12. – С. 18–26.
2. Матвеев, В. С. Педагогическая технология формирования мотивационно-ценностного компонента физической культуры личности студентов / В. С. Матвеев, А. А. Свирид, Л. А. Матвеева // Учен. зап. ун-та им. П.Ф. Лесгафта. – 2014. – № 11. – С. 90–94.
3. Щетинина, С. Ю. Потребностно-мотивационная сфера студентов как фактор повышения эффективности физического воспитания в вузе / С. Ю. Щетинина // Учен. зап. ун-та им. П.Ф. Лесгафта. – 2017. – № 2. – С. 287–292.
4. Коледа, В. А. Основы физической культуры : учеб. пособ. / В. А. Коледа, В. Н. Дворак. – Минск : Белорус.гос. ун-т, 2016. – 190 с.
5. Лубышева, Л. И. Современные подходы к формированию физкультурного знания у студентов вузов / Л. И. Лубышева // Теория и практика физ. культуры. – 1993. – № 3. – С. 19–21.
6. Лукьяненко, В. П. Физическая культура : основы знаний : учеб. пособ. / В. П. Лукьяненко. – Ставрополь : Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2001. – 224 с.
7. Лесгафт, П. Ф. Руководство по физическому образованию детей школьного возраста / П. Ф. Лесгафт // Избранные труды ; сост. И. Н. Решетень. – М., 1987. – С. 22–223.
8. Старченко, В. Н. Научно-технологические основы формирования потребностно-мотивационно-ценностной сферы физической культуры учащихся второй и третьей ступеней общего среднего образования : монография / В. Н. Старченко, А. Н. Метелица. – Гомель : Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, 2019. – 265 с.
9. Старченко, В. Н. Определение надежности теста для диагностики потребностно-мотивационно-ценностной сферы физической культуры обучающихся / В. Н. Старченко, А. Н. Метелица // Актуальные проблемы физического воспитания, спорта и туризма : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Мозырь, 4–6 октября 2018 г. / УО МГПУ им. И.П. Шамякина ; редкол.: С. М. Блоцкий (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь, 2018. – С. 151–153.

Нейросетевое моделирование в физической подготовке юных легкоатлетов

Е.В. ОСИПЕНКО¹, А.В. НИКИТЮК^{1,2}, Ю.В. НИКИТЮК¹

В статье представлены результаты разработки нейросетевой модели для прогнозирования динамики уровня физической подготовленности юных легкоатлетов 10–12 лет. Искусственные нейронные сети были обучены и протестированы на основе антропометрических данных и результатов выполнения педагогических тестов 200 спортсменов. Результаты исследования подтверждают эффективность нейросетевых технологий для прогнозирования результатов в спортивной подготовке.

Ключевые слова: нейросетевое моделирование, физическая подготовка, юные легкоатлеты, прогнозирование результатов.

The article presents the results of the development of a neural network model for predicting the dynamics of the level of physical fitness of young athletes aged 10–12 years. The artificial neural networks were trained and tested based on anthropometric data and the results of pedagogical tests performed by 200 athletes. The results of the study confirm the effectiveness of neural network technologies for predicting results in sports training.

Keywords: neural network modeling, physical training, young track and field athletes, performance prediction.

Введение. Индивидуальный подход в физической подготовке юных легкоатлетов является ключевым фактором для достижения высоких спортивных результатов и предотвращения травм. Традиционные методы тренировки часто не учитывают возрастные, половые и морфофункциональные особенности спортсменов, что может привести к снижению эффективности подготовки и повышенному риску травматизма [1, р. 70–79].

Современные технологии в области искусственного интеллекта, особенно нейросетевые модели, открывают новые возможности для анализа больших объемов данных и выявления скрытых зависимостей в подготовке спортсменов [2, р. 180–182]. Однако текущие подходы часто ограничены и не полностью учитывают специфику легкоатлетических дисциплин [3, р. 64–65].

Цель исследования – разработать и экспериментально оценить нейросетевые модели для прогнозирования динамики физической подготовленности юных легкоатлетов на основе антропометрических данных и результатов тестов.

Задачи исследования:

- 1) провести обучение и тестирование нейросетевых моделей на реальных данных юных спортсменов;
- 2) определить наиболее эффективные архитектуры искусственных нейронных сетей для задач прогнозирования результатов юных легкоатлетов.

Методы исследования: анализ научно-методической литературы, педагогическое наблюдение, педагогическое тестирование, нейросетевое моделирование.

Основная часть. В последние годы наблюдается рост интереса к использованию нейросетевых технологий в спортивной подготовке, что обусловлено их способностью анализировать большие объемы данных и выявлять скрытые зависимости и закономерности [4, р. 516–525], [5, р. 56045–56058]. При этом традиционные подходы к физической подготовке юных легкоатлетов, основанные на стандартных тренировочных программах, не позволяют в полной мере учитывать индивидуальные особенности спортсменов.

Исследование проходило в 2023–2025 гг. на базе специализированного учебно-спортивного учреждения «Детско-юношеская спортивная школа Петриковского района» (Гомельская область) с участием юных легкоатлетов 10–12 лет в количестве 200 человек (100 юношей и 100 девушек).

Для прогнозирования динамики уровня физической подготовленности юных спортсменов были использованы различные архитектуры глубоких нейронных сетей, созданные с помощью библиотеки TensorFlow. Для создания моделей использовались функция активации ReLU и

адаптивный оптимизатор Adam. В качестве функции потерь применялась среднеквадратичная ошибка (MSE). Обучение сетей выполнялось в течение 500 эпох. При этом экспериментально исследовались различные архитектуры сетей для поиска оптимальной конфигурации.

На рисунке 1 представлена блок-схема процедуры нейросетевого моделирования [6].

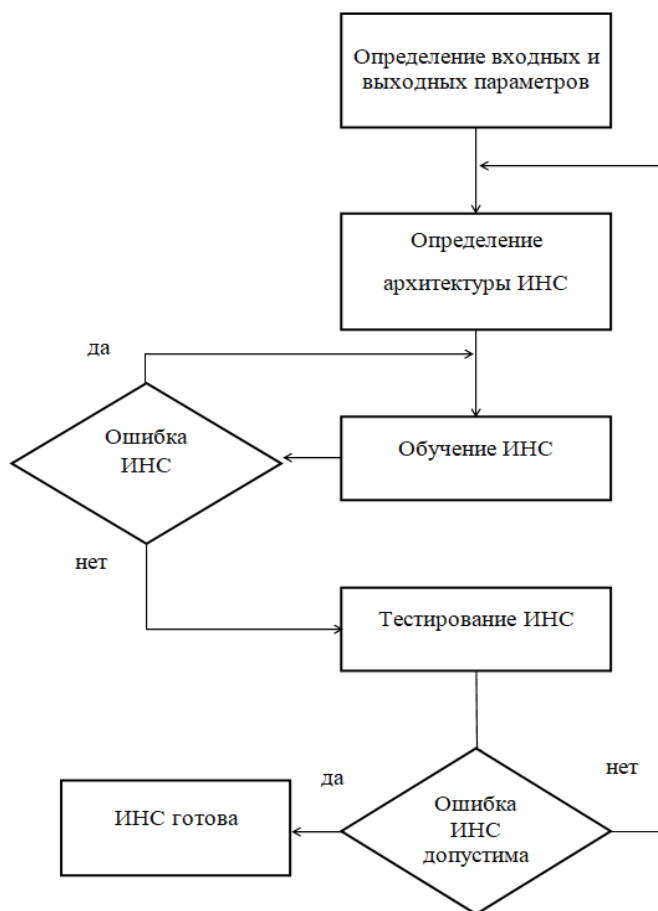


Рисунок 1 – Блок-схема процедуры моделирования с использованием нейронной сети

В результате было обучено 25 искусственных нейронных сетей с количеством нейронов в двух скрытых слоях от 10 до 50 с шагом 10. Для тестирования сети использовались 10 вариантов параметров, представленных в таблице 1.

Таблица 1 – Данные для тестирования нейросетевых моделей

№	Класс	Пол (м/ж)	Рост (см)	Вес (кг)	Бег 30 м (сек)	Прыжок в длину с места (см)	Челночный бег 4 × 9 м (сек)	Метание мяча (м)	Бег на 800 м/500 м (мин)	Рост (см)	Вес (кг)	Бег 30 м (сек)	Прыжок в длину с места (см)	Челночный бег 4 × 9 м (сек)	Метание мяча (м)	Бег на 800 м/500 м (мин)
1	2	1	130	28	6.7	118	12.6	6	6.31	132	31	6.2	139	11.6	9	3.46
2	3	2	128	30	6.1	138	11.5	17	4.55	138	31	6.1	150	10.4	20	4.32
3	3	1	140	38	6.1	145	11.7	20	4.33	143	36	6.1	150	11.3	25	5.01
4	2	2	125	21	6.7	87	12.3	12	2.16	126	23	6.6	92	12.8	13	3.12
5	3	1	126	33	6.5	130	13.2	18	5.52	134	31	6.2	148	12.1	16	4.31
6	3	2	138	32	6.3	130	12.1	10	2.13	138	36	6.1	133	12.1	11	2.38
7	3	1	138	31	5.9	130	11.1	18	3.26	145	29	5.7	161	10.1	27	5.32
8	2	2	130	23	5.9	150	11.5	12	4.16	135	26	5.6	160	11.1	10	2.06
9	2	1	135	24	7	154	11.4	10	4.41	137	26	6.2	158	11.2	13	4.32
10	2	1	135	22	6.5	150	11.5	10	4.42	139	24	6.3	157	12.1	12	4.14

Для оценки эффективности работы нейронных сетей были использованы следующие критерии:

– средняя абсолютная ошибка (англ. Mean Absolute Error, MAE)

$$\text{MAE} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n |d_i - y_i|,$$

– среднеквадратичная ошибка (англ. Root Mean Square Error, RMSE)

$$\text{RMSE} = \sqrt{\frac{1}{n} \sum_{i=1}^n (d_i - y_i)^2},$$

– средняя абсолютная процентная ошибка (англ. Mean Absolute Percentage Error, MAPE)

$$\text{MAPE} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n \left| \frac{d_i - y_i}{d_i} \right| \times 100,$$

где d_i – желаемый выход сети, y_i – реальный выход сети.

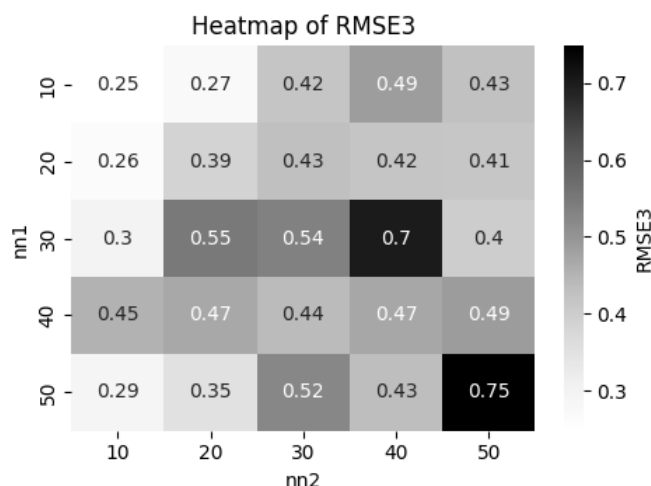
В качестве входных параметров для нейросетевого моделирования были использованы класс, пол, рост и вес спортсменов. Также в качестве входных параметров были использованы результаты бега на 30 м, прыжка в длину с места, челночного бега 4 по 9 м, метания мяча и бега на 500 м и 800 м (для девочек и мальчиков соответственно). При этом рост, вес и результаты по выполнению указанных выше упражнений через год использовались в качестве выходных параметров для нейросетевых моделей.

В результате было обучено 25 искусственных нейронных сетей с количеством нейронов в двух скрытых слоях от 10 до 50 с шагом 10. Для тестирования сети использовались 10 вариантов параметров.

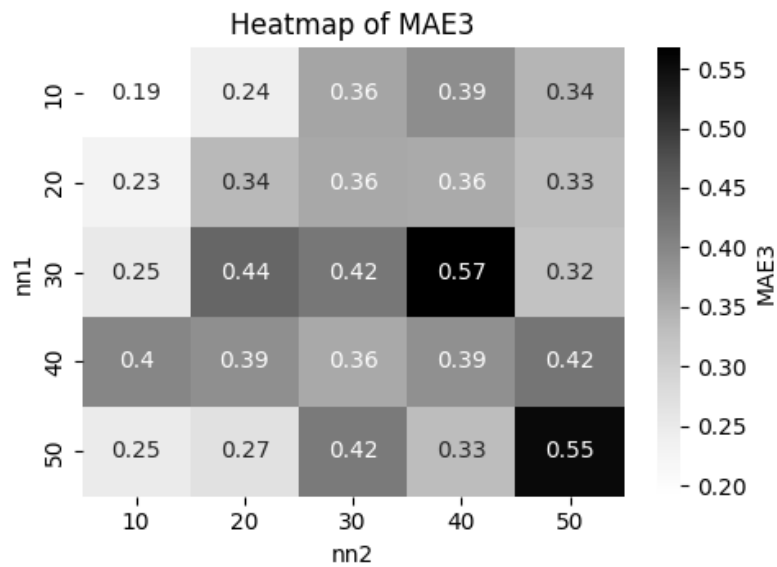
Анализ проверки точности прогнозирования с использованием метрик MAE, MSE и MAPE позволяет констатировать, что наилучшие результаты при определении выходных параметров (длина тела, масса тела, результаты бега на 30 м, прыжка в длину с места, челночного бега 4 × 9 м, метания мяча и бега на 500/800 м) соответственно показали нейронные сети с архитектурами [9-10-50-7], [9-50-10-7], [9-10-10-7], [9-10-40-7], [9-50-50-7], [9-30-20-7], [9-40-10-7] соответственно. При этом средняя абсолютная процентная ошибка для выходных параметров не превысила 5 %.

На рисунках 2–3 приведены примеры тепловых карт, демонстрирующие распределение валидационных ошибок при определении выходных параметров. При этом вертикальная и горизонтальная оси показывают количество нейронов в первом и втором скрытых слоях искусственных нейронных сетей.

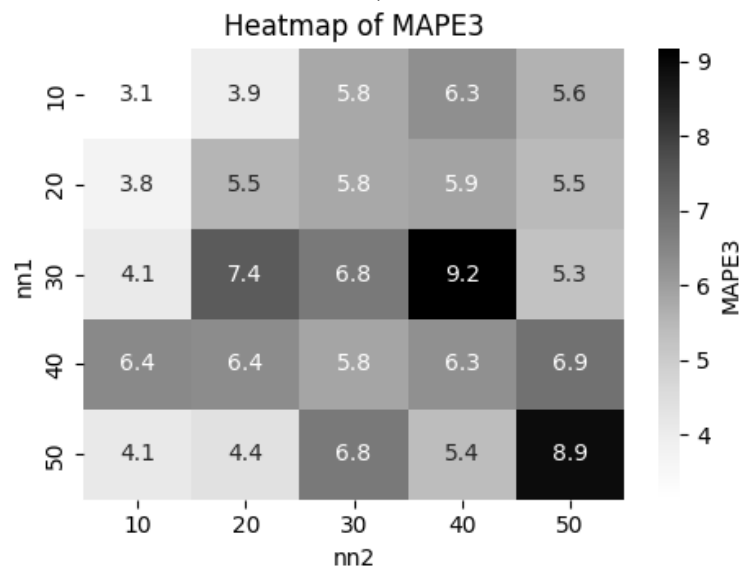
Созданные нейросетевые модели в дальнейшем будут использованы для индивидуального прогнозирования результатов юных легкоатлетов, что позволит тренерам и спортсменам более эффективно планировать тренировочный процесс и корректировать его в зависимости от прогнозируемых результатов.



a)

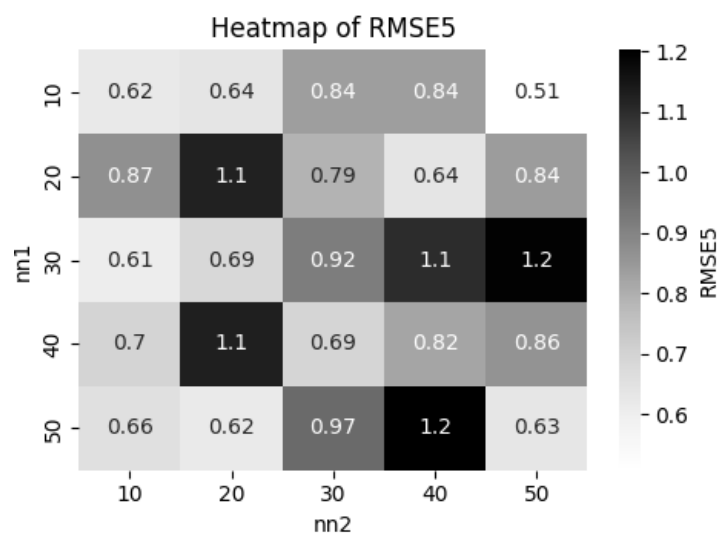


б)



в)

Рисунок 2 – Распределение ошибок (RMSE (а), MAE (б), MAPE (в)) для различных архитектур нейросетей при прогнозировании результатов бега на 30 м



а)

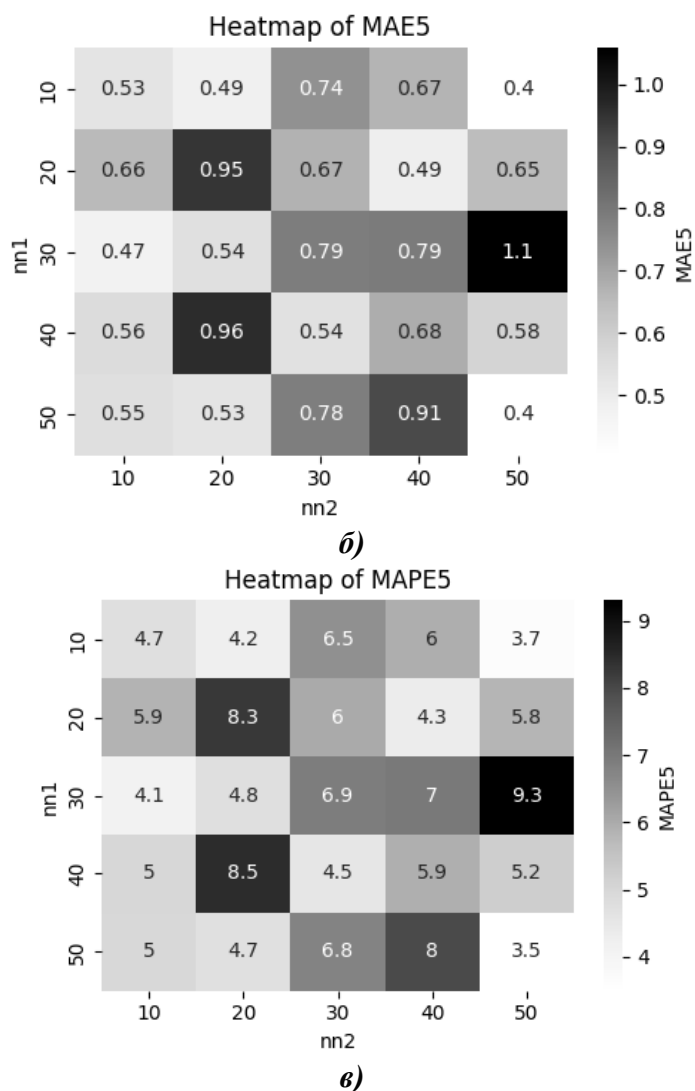


Рисунок 3 – Распределение ошибок (RMSE (а), MAE (б), MAPE (в)) для различных архитектур нейросетей при прогнозировании результатов челночного бега 4×9 м

Нейросетевое прогнозирование индивидуальных результатов юных легкоатлетов является перспективным инструментом для повышения эффективности тренировочного процесса и достижения высоких спортивных результатов.

Несмотря на хорошую точность, полученные модели имеют ограничения, связанные с количеством данных. Поэтому в дальнейшем планируется увеличить количество участников и включить спортсменов из разных регионов разного возраста и уровня спортивной квалификации для повышения эффективности нейросетевой модели. Также для дальнейшего улучшения нейросетевой модели необходимо учитывать дополнительные факторы. Для удобства использования нейросетевой модели планируется разработать мобильный интерфейс для тренеров и спортсменов, позволяющий оперативно собирать данные, расширить набор входных параметров и получать рекомендации в режиме реального времени.

Заключение. Разработанная нейросетевая модель продемонстрировала высокую точность прогнозирования динамики физической подготовленности юных легкоатлетов. Полученные результаты показывают целесообразность применения нейросетевых технологий для анализа данных в юношеском спорте. **Разработка мобильного интерфейса** для автоматизации сбора данных и визуализации прогнозов в режиме реального времени и дальнейшее развитие модели, включая расширение выборки, учет дополнительных параметров, данные о тренировочных нагрузках, восстановлении и психологическом состоянии юных легкоатлетов, позволит повысить ее точность и практическую значимость для тренеров и спортсменов.

Литература

1. Baca, A. Rapid feedback systems for elite sports training / A. Baca, P. Kornfeind // *IEEE Pervasive Computing*. – 2012. – Vol. 11, № 3. – P. 70–79.
2. Fister, I. Jr. Computational intelligence in sports : challenges and opportunities within a new research domain / I. Fister Jr., X. S. Yang, I. Fister, Y. Jiang // *Applied Mathematics and Computation*. – 2015. – Vol. 262. – P. 178–186.
3. James, N. The development of position-specific performance indicators in professional rugby union / N. James, S. Mellalieu, N. Jones // *Journal of Sports Sciences*. – 2005. – Vol. 23, № 1. – P. 63–72.
4. Liu, H. Modelling relationships between match events and match outcome in elite football / H. Liu, W. G. Hopkins, M. A. Gómez // *European Journal of Sport Science*. – 2016. – Vol. 16, № 5. – P. 516–525.
5. Li, X. Big data and deep learning in elite sports : A review and practical applications / X. Li, H. Wang, X. Luo // *IEEE Access*. – 2021. – № 9. – P. 56045–56058.
6. Nikitjuk, Yu. V. Determination of the parameters of two-beam laser splitting of silicate glasses using regression and neural network models / Yu. V. Nikitjuk, A. N. Serdyukov, I. Y. Aushev // *Journal of the Belarusian State University. Physics*. – 2022. – № 1. – P. 35–43.

¹Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

²ГУО «Мышанская средняя школа»

Поступила в редакцию 27.01.2025

Национально-культурные основы высшего образования иностранных студентов как национальный интерес Беларуси

А.В. ПОРТНОВА-ШАХОВСКАЯ¹, Е.А. КАСТРИЦА²

В статье рассматриваются лингвокультурологическая специфика преподавания русского языка как иностранного и национальные особенности организации воспитательной работы с иностранными студентами на материале нормативных документов и тематических публикаций, а также на основе обобщения педагогического опыта авторов.

Ключевые слова: национальные интересы, лингвокультурологический подход, воспитательная работа, русский как иностранный, национально-культурные основы образования.

The article examines the linguistic and cultural specifics of teaching Russian as a foreign language and the national peculiarities of the organization of educational work with foreign students based on the material of normative documents and thematic publications, as well as on the basis of generalization of the pedagogical experience of the authors.

Keywords: national interests, linguistic and cultural approach, educational work, Russian as a foreign language, national and cultural foundations of education.

Понятие «национальные интересы» – интересы государства, общности или группы, которую объединяют специфические связи и взаимоотношения генетической и культурной однородности – обозначено в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь 2010 г. [1]. Среди основных национальных интересов отметим соблюдение конституционных прав человека и развитие общества с учётом национальных традиций и особенностей. Согласно ст. 49 Конституции Республики Беларусь, каждый имеет право на образование, а высшее образование доступно для всех в соответствии со способностями каждого [2]. Тенденция к глобализации мира, ставшая наиболее очевидной с начала XX в., способствует расширению международного образовательного и экономического пространства, в котором процессы экспорта и импорта образовательных услуг и специалистов естественны и взаимосвязаны. Такие национальные интересы Беларуси в сфере образования, как гуманистический, экологический, демократический и светский характер образования, отвечают личным интересам большинства иностранных граждан и национальным интересам их родных стран. Об этом свидетельствует постоянное увеличение количества иностранных студентов, желающих получить в белорусских вузах качественное высшее образование за оптимальную стоимость. Однако следует помнить, что образование в каждом государстве имеет свою национальную специфику. И Республика Беларусь, в сферу национальных интересов которой включены национально-культурные основы образования, не является исключением.

Целью данной статьи является рассмотрение лингвокультурологической специфики преподавания русского языка как иностранного и национальных особенностей организации воспитательной работы с иностранными студентами на материале нормативных документов и тематических публикаций, а также на основе обобщения педагогического опыта авторов.

Образование в Республике Беларусь включает в себя процессы обучения и воспитания, приоритетной целью которых является создание условий для формирования гармоничной и разносторонне развитой личности человека, любящего и уважающего свою родную страну, народ, язык, культуру, традиции и обычаи [3]. Значит, в образовательном процессе реализуется лингвокультурологический подход, связанный с изучением иностранного языка с учётом особенностей национального менталитета носителей целевого языка, а также языка изучаемого.

Учебная дисциплина «Русский язык как иностранный» (РКИ), являющаяся обязательной для изучения иностранными студентами всех специальностей, предусматривает знакомство как с профессиональной лексикой посредством работы с текстами по специальности, так и с лексико-грамматическим строем русского языка на основе лингвокультурологического анализа аутентичных текстов. Последние – эффективное средство обучения, поскольку содержат информацию

о быте, обычаях и традициях носителей изучаемого языка. Знакомство с историей и культурой принимающей страны способствует пополнению словарного запаса и развитию коммуникативных навыков, являясь основой профессионального общения иностранных обучающихся.

Для успешного изучения русского языка на основе лингвокультурологических текстов необходимо использовать различные методы, приёмы и формы учебной работы. Так, при работе с национально-маркированной лексикой эффективным является культурологическое чтение аутентичных текстов: русских народных песен и сказок, пословиц и поговорок, легенд и преданий, произведений русских писателей и поэтов. Они отражают особенности русской культуры. Чтение и аудирование таких текстов позволяют объяснять безэквивалентную лексику и дают возможность знакомить с особенностями культурного наследия страны, тем самым способствовать процессу аккультурации, воспитанию положительного отношения к чужой культуре, формированию культурологической и коммуникативной компетенций.

Преподавателю РКИ следует не пренебрегать наглядностью: карточками, тематическим иллюстративным материалом, аудио- и видеоматериалами. Студенты слушают интервью, диалоги, подкасты о славянской культуре и традициях, смотрят тематические мультфильмы, документальные фильмы и адаптированные короткие отрывки из художественных фильмов (например, на каналах «Культура», «История и искусство / Artifex», «Лекторий Достоевского», проект студии «Беларусьфильм» «Легенды и сказания Беларуси», цикл «Достопримечательности Беларуси», проект «Энциклопедия»), анализируя культурные особенности и контекст. Схемы, таблицы, кластеры, ментальные карты позволяют визуально запоминать и структурировать информацию. Хорошим способом фиксации большого объёма грамматического и лексического материала в границах одной информационной панели являются интеллект-карты, создавая которые, студенты активизируют своё ассоциативное мышление.

Приведём примеры наиболее эффективных заданий, которые предусматривают конструирование предложений или словосочетаний с изучаемой лексикой, замену описательных конструкций одним словом, выбор подходящего слова из предложенных вариантов или распознавание ошибочного использования слов и конструкций в тексте: задать вопросы к тексту; «свернуть» текст во фразу и сформулировать его основную идею; найти в тексте синонимы к предложенным словам; восстановить в тексте пропущенные национально-маркированные слова; найти национально-маркированные слова и составить с ними предложения; составить из данных предложений свой текст. Задания повышенного уровня сложности предлагают работу с деформированным текстом, в котором изменены детали. Для иностранных студентов, обучающихся на английском языке, полезны лексические диктанты, а для студентов, обучающихся на русском языке, – орфографические диктанты, составленные из национально-маркированных слов. Для обеих категорий обучающихся целесообразна такая форма проверки знаний, как тестирование.

Интерес (особенно у высокомотивированных обучающихся) вызывает такое креативное задание, как создание тематических презентаций о мифологических и сказочных персонажах, праздниках и обычаях, еде и предметах быта (например, «Положительные герои русских сказок», «Традиционные блюда в праздниках восточных славян», «Женские персонажи в русской мифологии», «Русская народная изба», «Традиционная женская и мужская одежда на Руси», «Сакральные предметы в православной культуре», «Русские народные музыкальные инструменты», «Предметы традиционного быта на Руси»). Заметим, что данную учебную деятельность можно организовывать в сравнительно-сопоставительном аспекте, предлагая студентам проводить параллели между реалиями родной и изучаемой культуры: например, «Свадебные традиции восточных славян, а также жителей Индии и Шри-Ланки», «Празднование Нового года на Руси и Шри-Ланке», «Культурные традиции жителей России, Беларуси и Шри-Ланки, связанные с рождением и наречением детей», «Восточнославянские и азиатские культурные традиции, связанные с беременностью женщины и рождением ребёнка».

Презентация обычно является частью результата проектной деятельности. Метод проектов относят к одному из основных для формирования коммуникативных и профессиональных компетенций студентов. Этому способствуют и форма организации деятельности, и фокусирование всех видов речевой деятельности (слушания, говорения, чтения, письма) на изучаемом языке, и последовательность в выполнении заданий в соответствии с целью проекта, и личная заинтересованность в результатах, и межличностная коммуникация. Эффективны и культурологические (например, «Творческая инструкция для читателей, которые хотят познакомиться с

лучшими достижениями русской культуры», «Традиционные постройки белорусов», «Мини-справочник традиционных праздников белорусов», «Буклет “Замки Беларуси”», «Рекламный проект «Национальная белорусская кухня»», и лингвистические (например, «Существительное *кофе*: происхождение и функционирование в русском языке», «Особенности употребления слова *здоровье* в произведениях А.П. Чехова»), и профессионально-ориентированные (например, «Глоссарий “Лексика моей профессии в произведениях русской литературы”», «Фразеологизмы, пословицы и поговорки в языке врача / педагога / психолога», «Covid-неологизмы в речи иностранных студентов медицинского вуза», «Символика цвета в медицине и культуре Республики Беларусь, Мальдивской Республики и Республики Шри-Ланка») проекты. Метод проектов, позволяющий организовывать деятельность по творческой самореализации личности обучающихся, результативен как в учебной (аудиторной и внеаудиторной), так и в воспитательной работе с иностранными студентами, специфика организации которой обусловлена особенностями менталитета обучающихся.

В программе учебной дисциплины РКИ предусмотрено изучение тем устного общения, одна из которых – это «Рассказ о себе». Полученную от обучающихся информацию куратор может использовать для осознания целей, которые ставит перед собой абитуриент, студент или слушатель, их профессиональных интересов и жизненных приоритетов. Так, в пятёрке наиболее часто встречающихся ответов на вопрос «Почему Вы приехали учиться именно в Беларусь?» (в 2023/2024 учебном году были опрошены около 100 иностранных обучающихся) можно отметить следующий аргумент – «Социальный комфорт (доброжелательное отношение общества к иностранцам)». Следовательно, цель работы педагога – создание условий для активизации познавательной деятельности иностранных студентов и повышения уровня ответственности за своё индивидуальное и общественное поведение – прежде всего адаптационная. Организовывать деятельность иностранных студентов по изучению традиций и жизненных принципов белорусского народа, содействуя формированию положительного образа граждан Республики Беларусь в сознании иностранцев, и способствовать совершенствованию у обучающихся навыков толерантного поведения в поликультурном обществе – вот приоритетные задачи воспитательной работы.

Формы организации национально ориентированной воспитательной работы достаточно разнообразны: беседы («Традиции празднования Дня учителя в Беларуси и России», «Национальная система образования Беларуси»), экскурсии в музеи («Красная книга Республики Беларусь», «Страницы военной истории Гомельщины»), посещение выставок в культурно-просветительских учреждениях («Новогодние и рождественские традиции европейских стран», «Геноцид белорусского народа») и общественных мероприятий (историческая реконструкция ко Дню освобождения Гомеля от немецко-фашистских захватчиков, «Широкая Масленица»), содействие иностранным студентам в проведении национальных праздников («Традиции праздника Навруз», «Традиции праздника Ураза-Байрам») и Дней национальных культур, организация участия студентов в республиканских акциях («Наши дети», «Волонтерское движение в странах СНГ», «Молодёжь Беларуси выбирает здоровье») и тематических конкурсах («День родного языка», «Как прекрасен этот мир»), создание презентаций («Принципы семейного воспитания в Беларуси, Индии и на Шри-Ланке», «Зимние праздники славян», «10 способов познакомиться с Гомелем: актуальный гайд по городу», «Обзор туристических мест Беларуси»).

Внеучебные мероприятия должны быть прежде всего познавательными, реализующими принцип единства обучения и воспитания. Участие в тематических проектах (например, «Выдающиеся уроженцы Гомельщины», «Личность в истории Гомеля») и круглых столах (например, «Мы разные, но мы вместе», «Общение без границ», «Межкультурная коммуникация: проблемы и перспективы», «Этот многонациональный мир») представляются нам наиболее оптимальными формами организации образовательной деятельности, которые удовлетворяют академические потребности такой целевой аудитории, как иностранные студенты. Отбор фактологического материала не может быть случайным: информация, полученная на указанных мероприятиях, должна быть актуальной. Так, обучающиеся узнают о том, что памятник древнерусскому писателю К. Туровскому находится в центре Гомеля, а памятник известнейшему русскому писателю А.С. Пушкину – около корпуса Гомельского государственного медицинского университета и его именем названа соседняя улица, Гомельский государственный университет носит имя гуманиста и первопечатника Ф. Скорины.

Для организации эффективной коммуникации в современном многоязычном и поликультурном обществе важно владеть навыками толерантного поведения, содействие совершенствованию которых – одна из задач воспитательной деятельности куратора. Формирование положительного образа граждан Республики Беларусь в сознании иностранцев невозможно без организации непосредственного общения между представителями различных культур и наций.

Следовательно, результативной формой организации воспитательной работы является взаимопосещение учреждений образования, предполагающее знакомство иностранных студентов с учащимися старших классов средних общеобразовательных школ и студентами белорусских вузов: совместные экскурсии, обмен сувенирами, сделанными своими руками, беседы в неформальной обстановке о специфике национальных языков и культур, просмотр совместных фотографий, демонстрация национальных костюмов, исполнение национальных песен и танцев, участие в лингвистических играх и викторинах (например, «Скажи по-русски, скажи на родном языке»). Диалог представителей разных наций и культур, предполагающий живое общение, которое приносит массу положительных эмоций его участникам, содействует эффективному изучению иностранных языков, способствует поддержанию баланса и гармонии в современном обществе. Указанные приёмы и формы учебной и воспитательной работы могут быть использованы в проектной образовательной деятельности.

Стратегическое партнёрство и особые отношения с дружественными государствами – это один из национальных интересов Республики Беларусь [3], реализации которого способствуют образовательные мероприятия, направленные на создание условий для формирования личности идеологически грамотного студента и личности студента-гражданина. Эти мероприятия должны пропагандировать значимость общечеловеческих ценностей (например, круглый стол «Мужество и милосердие как основа морального облика военнослужащего») и знакомить иностранных граждан с государственным устройством Республики Беларусь (например, беседа «Конституция Республики Беларусь – правовая основа идеологии государства»). Кроме этого, для соблюдения принципа равноправия в социальном и профессиональном партнёрстве необходимо обязательно организовывать (вовлекая в процесс самих обучающихся) мероприятия, посвящённые памятным датам из истории родной для студентов страны (например, презентация «4 февраля – День Независимости Республики Шри-Ланка»).

Образовательная система Республики Беларусь готова воспринимать опыт других стран (так, минские филиалы Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова и Российского государственного социального университета обучают студентам по российским образовательным программам), однако развитие общества с учётом национальных традиций и особенностей находится среди основных национальных интересов нашей страны [1]. Чтобы в эпоху глобализации, когда иностранные граждане становятся частью социума большинства стран мира, сохранить свою национальную идентичность, государству необходимо развивать систему образования на национально-культурной основе. На данный момент Республика Беларусь придерживается указанного принципа, который содействует поддержанию необходимого баланса в различных сферах жизни.

Литература

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://prokuratura.gov.by/ru/acts/kontseptsiya-natsionalnoy-bezopasnosti-respubliki-belarus/>. – Дата доступа : 28.08.2024.
2. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution>. – Дата доступа : 28.08.2024.
3. Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : president.gov.by. – Дата доступа : 28.08.2024.

¹Гомельский государственный медицинский университет

²Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

Формирование научного мышления учеников и студентов в ключе принципов «Школы Будущего»

С.А. САНДУЛЯК

В статье рассматривается важность развития научного мышления у школьников и студентов в контексте преобразований, вызванных новыми технологиями. Подчеркиваются ограничения традиционного образования и пропагандируется трансдисциплинарный подход, основанный на принципах STEAM. Тонко представлены различия между научным и критическим мышлением, подчеркивается фундаментальная роль научного мышления в исследованиях и решении социальных проблем с точки зрения образования. Автор обсуждает роль социального конструктивизма в содействии развитию научного мышления, а также подчеркивает важность воспитания у учащихся таких качеств, как настойчивость, адаптивность, любознательность, воображение и эффективная коммуникация в данном контексте. Представлены перспективы и недостатки STEAM-образования. Автор предлагает перспективные решения с точки зрения развития научного мышления у школьников и студентов, чтобы ответить на вызовы будущего и способствовать непрерывности образовательного процесса, а также привносит личный взгляд на предмет.

Ключевые слова: научное мышление, школа будущего, метакогниция, STEAM-образование.

The article discusses the importance of developing scientific thinking in pupils and students in the context of the transformations caused by new technologies. The limitations of traditional education are emphasized and a transdisciplinary approach based on STEAM principles is advocated. The differences between scientific and critical thinking are subtly presented, emphasizing the fundamental role of scientific thinking in research and solving social problems from an educational perspective. The author discusses the role of social constructivism in promoting scientific thinking, and emphasizes the importance of nurturing such qualities in students as perseverance, adaptability, curiosity, imagination and effective communication in this context. The prospects and drawbacks of STEAM education are presented. The author offers promising solutions in terms of developing scientific thinking in pupils and students in order to meet the challenges of the future and contribute to the continuity of the educational process, and brings a personal perspective to the subject.

Keywords: scientific thinking, future school, metacognition, STEAM-education.

Безусловно, самым значительным событием, которое мы видели в последние годы, были достижения в области технологий, поэтому мы можем быть уверены, что они будут продолжать играть значительную роль в будущем. В то время как традиционная модель образования осталась в значительной степени неизменной на протяжении последних 100 лет – ученики делятся по возрастам, а учебный план разбит на предметы – она была адаптирована для внедрения новых технологий, а также в ответ на экономические и социальные изменения. В силу того, что изменился также способ доступа к информации, от онлайн-платформ для обучения до более персонализированных образовательных опытов в сочетании с использованием виртуальной и дополненной / аугментированной реальности мы можем ожидать перехода к более интерактивному методу обучения с акцентом на сотрудничестве и решении научно-бытовых проблем, вместо традиционных методов преподавания [1].

Возможно, в контексте «Школы Будущего» будут существовать системы адаптивного обучения, управляемые искусственным интеллектом (ИИ), которые будут полностью интегрированы в школьную среду. Персонализированные учебные опыты будут учитывать стили обучения и создавать адаптивные оценки, которые регулируются в реальном времени в зависимости от успехов. Также, возможно, это система STEAM, как трансдисциплинарный подход к науке, технологии, инженерии, искусству и математике, считает автор Стивен Кац, будет доминировать в образовательном процессе. Подход STEAM больше ориентирован на будущее и на всестороннюю трудоспособность.

По мере того, как мы вступаем в новую промышленную революцию, преподаватели должны готовить студентов ко многим профессиям. Автоматизация постепенно возьмет на себя выполнение повторяющихся задач (по данным McKinsey & Company, до 30 % задач на

60 % рабочих мест) [2], но человеческую изобретательность и творческий потенциал она не заменит. Суть проблемы, отраженной в данной статье, заключается именно в *акмеологии профессионального формирования студентов* в контексте выполнения работы, требующей творческого подхода, *научного мышления* и способности решать новые проблемы – основные базовые навыки, которые пытаются развивать в рамках воспитательной технологии STEAM в контексте «Школы Будущего». Технологии, естественно, приведут к появлению новых вакансий для людей, обладающих навыками использования больших данных, искусственного интеллекта, машинного обучения и т. д.

Согласно Б.Г. Ананьеву, человек является субъектом общения, познания, труда, человек проявляется в системе отношений к обществу, другим людям, к себе, к труду, в таком случае компетентность человека имеет акмеологический вектор [3]. Поэтому наряду с этими новшествами возникает ряд вопросов, связанных с воспитательным процессом, направленным на развитие интеллектуальных способностей учащихся в высших учебных заведениях.

Многочисленные исследования в области педагогической психологии показывают, что наличие знаний само по себе не определяет успешность профессиональной деятельности, важно чтобы субъект учебной деятельности научился их самостоятельно добывать и применять на практике (А.А. Бодалев) [4]. В данном контексте возникает вопрос об организации научного мышления студентов, которая способствовала бы структурированию процесса усвоения знаний, основываясь на принципах развития научного мышления, метакогнитивных процессах, декларативных и процедурных знаниях [5].

Многие учащиеся проявляют больше способностей и склонностей либо к гуманитарным наукам, либо к математике и естественным наукам. Образование STEAM с его интегрированным и целостным подходом может помочь учащимся воспринимать эти дисциплины как части единого целого, сотрудничать с другими для решения проблем и по-другому взглянуть на более комплексные предметы [6, р. 80].

Считается, что технология STEAM также может задействовать природное любопытство и *творческие способности* учеников, а также студентов, направленные на глубокие вопросы и *поиск новых решений*.

Ученые, занимающиеся вопросами STEM и STEAM-образования, сходятся во мнении, что инициативы STEAM позволяют учащимся переносить свои знания между дисциплинами и, таким образом, творчески решать проблемы как в классе, так и за его пределами [7]. Технология STEAM прививает учащимся такие навыки, как *«критическое мышление и решение проблем; сотрудничество и коммуникация; творчество и инновации»* [8, р. 29], которые учтены и использованы в разных контекстах. Трансдисциплинарные подходы к обучению STEAM высоко ценятся, поскольку они позволяют студенту взглянуть на проблему или процесс проектирования с разных точек зрения и могут быть применены в реальном мире [9]. Однако призма, через которую субъект мышления (ученик или студент) рассматривает окружающий мир, может быть обусловлена только *научным мышлением*, поскольку научное мышление как синтетическое мышление определяет объективную сторону восприятия реальности.

Предлагаем рассмотреть, что же такое *научное мышление*, чем оно отличается от *критического мышления* и каковы основные критерии, которые определяют научное мышление.

Научное мышление – сложное понятие, которое подвергается изучению различными авторами в литературе, каждый из которых вносит свой вклад в понимание этого ключевого элемента для научного прогресса и осознания окружающего мира. Анализируя предложенные определения, можно выделить значительные различия и общие элементы, придающие ясность различным аспектам научного мышления. Д. Дьюи [10] выделяет тесную взаимосвязь между научным методом и практической деятельностью, рассматривая научное мышление как инструмент, способный адаптироваться к различным видам исследований. К. Поппер [11] подчеркивает организацию реальных форм когнитивной деятельности в научном мышлении с постоянной проверкой гипотез и возможностью смены парадигм. Т. Кун [12] определяет научное мышление как целенаправленный, последовательный способ получения нового знания, уделяя особое внимание рефлексии процесса получения и изменения знаний. К. Циммерман [13] описывает научное мышление как сложный набор когнитивных и

метакогнитивных навыков с акцентом на операциональном характере и их развитии через упражнения и практику. Б. Кословски [14] вводит социальное измерение, определяя научное мышление как прикладной процесс решения проблем в исследовательском и социальном контексте. Р. Пол и Л. Элдер [15] рассматривают научное мышление как уникальный тип мышления, присущий конкретной научной проблеме или области, включая умозаключения и оценку научных исследований. К. Данбар [16] характеризует научное мышление как высший психический процесс, активно вовлеченный в формулирование аргументов и оценку научного содержания, подчеркивая важность участия в научной деятельности. Р. Лерер и Л. Шаубле [17] определяют научное мышление как способность к научной аргументации, акцентируя значение аргументативных навыков в научном процессе. Предложенные определения приводят нас к выводу и собственному определению *научного мышления*.

Таким образом, мы видим, что научное мышление представляет собой высший, намеренный и последовательный психологический процесс, который проявляется в разнообразных сложных ситуациях (будь то социальные, личностные, образовательные, профессиональные и так далее). Этот процесс требует использования научных знаний, когнитивных и метакогнитивных навыков, а также оптимальной обработки всех операций и форм мышления. В ходе этого процесса человек проверяет гипотезы, использует эвристические стратегии, формулирует умозаключения, синтезирует информацию, делает выводы, предсказывает и обосновывает свои действия.

Эти определения подчеркивают сложность природы научного мышления, включая когнитивные, метакогнитивные и практические аспекты.

В доклад «Преподавание естественных наук в школах Европы: Policies and Research» (European Commission / Eurydice, 2006) [18] было включено понятие «*научное мышление*» в стандартизированные национальные тесты по естественным наукам в европейских странах. Это измерение включает в себя три основные способности: (1) *решать проблемы, сформулированные в теоретических терминах*, (2) *формулировать проблему в научных терминах* и (3) *формулировать научные гипотезы*. В отличие от этого, критическое мышление в таком отчете даже не упоминается. Однако в последующих аналогичных докладах Европейской комиссии / Eurydice (2022) [19] есть некоторые ссылки на то, что развитие критического мышления должно быть одной из основных целей преподавания естественных наук, и это имеет свою рациональную сторону. Поскольку, с одной стороны, *научное мышление* направлено на получение доказательств, которые могут подтвердить идею или объяснение явления, и, соответственно, отбрасывание других, менее убедительных или точных. Поэтому, когда при имеющихся доказательствах наука имеет более одной одинаково обоснованной позиции по отношению к проблеме, исследование считается неубедительным [20]. В некоторых случаях это приводит к возникновению научных противоречий. С образовательной точки зрения это предполагает, что для того, чтобы ученики или студенты могли более аутентично погрузиться в способ научной работы посредством научного мышления, им также следует научиться справляться со своим разочарованием, когда они не достигают ожидаемых результатов. С другой стороны, *критическое мышление* опирается на многие навыки или практики научного мышления, о чем говорилось выше. Однако, в отличие от научного мышления, сосуществование двух или более обоснованных идей в принципе не является проблемой для критического мышления, поскольку его цель – не столько признать несостоятельными одни идеи или объяснения по отношению к другим, сколько предоставить человеку основы, на которых он может позиционировать себя с той идеей / аргументом, которую он считает наиболее обоснованной среди нескольких возможных [21].

Критическое мышление подчиняется правилам повседневного мышления и чаще всего активизируется, когда перед нами возникает проблема иного характера, привлекающая внимание. Внимание людей обычно переключается на то, что интересно, или на то, что эмоционально захватывает, по привычке, возникшей в результате опыта или практики, или в случае случайного переключения с одного объекта на другой. *Научное мышление*, в отличие от критического мышления, беспристрастно. Наблюдение за вещами ведется фотографически, в целом, чтобы обеспечить объективность изучаемых явлений. Исследователь не просто обращает внимание на то, что его впечатлило, он анализирует все вокруг.

Таким образом, основополагающие принципы обучения по технологии STEAM не должны ограничиваться только развитием критического мышления; они должны строиться на фундаменте научного мышления. Приведём один из примеров принципов обучения по технологии STEAM из работ И. Кафая и др. [22], которые основываются на поддержании принятия рамок, которые пересекают границы и фокусируются на когнитивных навыках, социальном участии, подходах критической социальной справедливости и на обучении с использованием компьютерных технологий.

По мнению молдавского научного исследователя Л. Кузнецовы [23], педагогам следует поощрять создание сложных решений и разрабатывать *мощные междисциплинарные проекты*, которые сокращают разрыв между дисциплинами, контекстуализируют обучение в технологии STEAM. Это делает абстрактные понятия более осмысленными и увлекательными, а также создает среду, в которой ценятся различные способы работы, а также активизирует научное мышление.

Благодаря сложности процесса научного познания, осмысление абстрактных понятий способствует созданию обобщенных и абстрактных представлений на основе определенной модели при исследовании явлений. Последующее изучение явлений происходит путем реконтекстуализации, на основе созданной модели, путем исследования и расшифровки ее косвенно, при содействии научного мышления, что впоследствии способствует формированию убеждений об окружающей действительности.

Основная цель обучения научному мышлению – сделать субъекта (ученика / студента) более эффективным в научных исследованиях и решении научных, а также социальных проблем. Сложность процесса воспитания научного мышления обусловлена тем, что оно ни в коем случае не может соответствовать только педагогическим условиям, поскольку *научное мышление* включает в себя такие характеристики, как объективность, логичность, непрерывность, глубина, меж-, плюри- и трансдисциплинарность и т. д. [23].

Одна из перспектив переориентации образования связана с *теорией социального конструктивизма*. Согласно теории социального конструктивизма, знания создаются в процессе обсуждения и взаимодействия между несколькими социальными субъектами, которые становятся партнерами в образовании: учениками, учителями, родителями и т. д. Основные идеи социального конструктивизма были развиты в работах Льва Выготского, который подчеркивал роль социального окружения в развитии познавательных процессов. В этой парадигме считается, что обучение и развитие лучше происходят в контексте взаимодействия и совместного творчества, где каждый участник вносит свой вклад в процесс создания знаний [24]. Очевидно, что ученики будут опираться на предыдущие знания и навыки согласно полученной модели при исследовании явлений. Учитель направляет процесс обучения, предоставляя возможности для обсуждения и анализа идей учеников на высоком уровне развития мышления, языка и т. д. Оптимизация возможностей для обсуждения в классе и малых группах очень важна, поскольку именно здесь проявляются индивидуальные концептуальные позиции, которые могут стать предметом переговоров. Обмен идеями, критика этих идей могут быть сложными для учеников, поэтому учитель должен создать учебное сообщество, в котором ученики будут чувствовать себя комфортно в процессе дебатов и переговоров. Данное сообщество материализуется в системе обучения STEAM, где ученикам необходимо работать в интерактивном режиме с друзьями, анализировать, договариваться о значениях, обращаться за поддержкой, когда это необходимо, и делиться опытом с учителем и сверстниками. Учеников также поощряют развивать *метакогнитивные стратегии*; размышлять, объяснять, обосновывать, спорить; разрабатывать и развивать стратегии решения проблем. Таким образом, социальный конструктивизм обеспечивает развитие рассуждений, а также научного мышления [25].

Основной вывод, сделанный нами в ходе анализа в данной статье, касается развития у студентов настойчивости и адаптивности, а также навыков воспитания характера, таких как любознательность и воображение, устная и письменная коммуникация, сотрудничество, научное мышление посредством которого будут решаться различные проблемы. В итоге, одним из основных навыков профессионального формирования будущего профессионала является мыслительный процесс, ориентированный на создание нового, в котором творческий потенциал направлен на научную деятельность, опосредован в итоге научным мышлением.

Следовательно, *научная направленность* [10], [12], [24] влияет на формирование культуры принятия риска и настойчивости учеников, которые являются элементами личности научного направленного мыслителя, обладающего, по мнению Р.С. Мэнсфилд и Т.В. Буссе, автономией, личностной гибкостью и открытостью к новому опыту, а также эстетической чувствительностью, которая помогает менять *парадигму мышления* [26, р. 232], что означает изменение основных убеждений, представлений, методов и подходов, которые лежат в основе способа мышления человека, включая ценности, предположения и способы решения проблем, которые стали стандартными для данного человека или сообщества. Этот процесс может включать в себя принятие новых идей, переосмысление ценностей, адаптацию к новым технологиям или изменение общего взгляда на мир. Менять парадигму мышления может быть сложным и вызывающим процессом, поскольку это требует готовности к отказу от старых установок и принятию новых путей мышления. Однако это также может привести к развитию, инновациям и лучшему пониманию окружающего мира, суть которого заключается в опосредованности научного мышления.

В заключении важность развития технологий в последние годы и их влияние на образование, а также необходимость подготовки учеников к учебному процессу, студентов к будущим профессиям в свете промышленной революции подчеркивает актуальность проблемы формирования научного мышления в рамках образовательных программ, возможно и в концепции STEAM.

Процесс изменения парадигмы мышления требует готовности отказаться от устаревших установок и принятия новых подходов. Это связано с развитием инноваций, лучшим пониманием окружающего мира и сформированностью культуры принятия риска и настойчивости учеников и студентов.

Литература

1. What could the school of 2050 look like? [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.sciencefocus.com/future-technology/the-school-of-2050-technology-education>. – Access date : 04.03.2024.
2. What Is STEAM Education and Why Is It Important? [Electronic resource]. – Access mode : <https://cie.spacefoundation.org/what-is-steam-education-and-why-is-it-important/>. – Access date : 04.03.2024.
3. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – 3-е изд. – СПб., 2001. – 288 с.
4. Асмолов, А. Г. Системно-деятельностный подход к разработке стандартов нового поколения / А. Г. Асмолов // Педагогика. – 2009. – № 4. – С. 18–22.
5. Anderson, J. R. Cognitive psychology and its implications / J. R. Anderson. – 7th ed. – New York : Worth Publishers. 2009. – 560 p.
6. Allina, B. The development of STEAM educational policy to promote student creativity and social empowerment / B. Allina // Arts Education Policy Review. – 2018. – № 119 (2) – P. 77–87.
7. Gess, A. H. STEAM education : separating fact from fiction / A. H. Gess // Technology and Engineering Teacher. – 2017. – № 77 (3) – P. 39–41.
8. Liao, C. Tech-savvy girls : learning 21st-century skills through STEAM digital artmaking / C. Liao, J. L. Motter, R. M. Patton // Art Education. – 2016. – № 69 (4). – P. 29–35.
9. Costantino, T. Steam by another name : transdisciplinary practice in art and design education / T. Costantino // Arts Education Policy Review. – 2018. – № 119 (2). – P. 100–106.
10. Dewey, J. How we think / J. Dewey. – New York : Mineola. Dover Publ., 1997. – 240 p.
11. Popper, K. The logic of scientific discovery / K. Popper. – London–New York, 2002. – 545 p.
12. Kuhn, D. What is scientific thinking and how does it develop? / D. Kuhn // Blackwell handbook of childhood cognitive development. – New York : Blackwell Publishing, 2002. – P. 371–393.
13. Zimmerman, C. The development of scientific thinking skills in elementary and middle school / C. Zimmerman // Developmental Review. – 2007. – № 27 (2). – P. 172–223.
14. Koslowski, B. Theory and evidence : The development of scientific reasoning [Electronic resource] / B. Koslowski. – Access mode : <https://mitpress.mit.edu/books/theory-and-evidence>. – Access date : 13.08.2021.
15. Popper, K. The logic of scientific discovery / K. Popper. – London–New York : Routledge Classics, 2002. – 545 p.
16. Dunbar, K. Scientific thinking and reasoning / K. Dunbar, D. Klahr // Oxford Handbook of Thinking and Reasoning. – Oxford, 2012. – P. 611–628.
17. Lehrer, R. Inventing data structures for representational purposes : elementary grade students' classification models / R. Lehrer, L. Schauble // Mathematical Thinking and Learning. – 2000. – № 2 (1-2). – P. 51–74.

18. European Commission / Eurydice. Science teaching in schools in Europe [Electronic resource]. – Access mode : <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/1dc3df34-acdf-479e-bbbfc404fa3bee8b>. – Access date : 13.03.2024.
19. European Commission / Eurydice. Increasing achievement and motivation in mathematics and science learning in schools [Electronic resource]. – Access mode : <https://eurydice.eacea.ec.europa.eu/publications/mathematics-and-science-learning-schools-2022>. – Access date : 13.03.2024.
20. Clouse, S. Scientific thinking is not critical thinking [Electronic resource] / S. Clouse. – Access mode : <https://medium.com/extra-extra/scientific-thinking-is-not-critical-thinking-b1ea9ebd8b31>. – Access date : 13.03.2024.
21. Ennis, R. H. Critical thinking across the curriculum : A vision / R. H. Ennis // *Topoi*. – 2018. – № 37 (1). – P. 165–184.
22. Kafai, Y. From theory bias to theory dialogue : embracing cognitive, situated, and critical framings of computational thinking in K-12 CS education / Y. Kafai, C. Proctor, D. Lui // *International Computing Education Research Conference (ICER '19)*, Toronto, ON, Canada, August 12–14, 2019. – Toronto, 2019. – P. 101–109.
23. Sanduleac, S. Dezvoltarea gândirii științifice la cadrele didactice : Fundamente teoretice și applicative. Ghid metodologic / S. Sanduleac, L. Cuznețov. – Chișinău : Pulsul Pieței, 2021. – 151 p.
24. Выготский, Л. С. Мышление и речь. Собр. соч. / Л. С. Выготский. – М. : Педагогика, 1982. – Т. 2. – С. 5–361.
25. Joița, E. Educația cognitivă. Fundamente. Metodologie / E. Joița. – Iași : Polirom, 2002. – 243 p.
26. Stumpf, H. Scientific creativity : A short overview / H. Stumpf // *Educational Psychology Review*. – 1995. – № 7 (3). – P. 225–241.

Государственный педагогический
университет имени Иона Крянгэ, г. Кишинев

Поступила в редакцию 25.03.2024

Main trends in the development of the system of higher professional education in China

ZHANG NA

The article examines the key directions in the evolution of the system of higher professional education in China in the context of globalization and modernization. The authors analyze statistical data, educational initiatives and reforms of recent decades, emphasizing the increasing focus on the quality of education, integration with the global educational space and the development of innovative programs. Particular attention is paid to cooperation between universities and enterprises, as well as teacher training and infrastructure development. The study emphasizes the importance of international exchange and partnership in the process of forming a competitive vocational education system capable of meeting the challenges of modern economic and technological development.

Keywords: higher professional education, China, globalization, internationalization, trends.

В статье рассматриваются ключевые направления эволюции системы высшего профессионального образования в Китае в контексте глобализации и модернизации. Авторы анализируют статистические данные, образовательные инициативы и реформы последних десятилетий, подчеркивая усиление фокуса на качестве образования, интеграции с мировым образовательным пространством и развитии инновационных программ. Особое внимание уделяется сотрудничеству между университетами и предприятиями, а также повышению квалификации преподавателей и развитию инфраструктуры. Исследование подчеркивает значимость международного обмена и партнерства в процессе формирования конкурентоспособной системы профессионального образования, способной отвечать на вызовы современного экономического и технологического развития.

Ключевые слова: высшее профессиональное образование, Китай, глобализация, интернационализация, тенденции.

Chinese traditional education underwent a significant transformation in the early twentieth century after extensive interaction with Western culture and science. The catalyst for this transformation was China's efforts to overcome the multifaceted crisis caused by military and economic conflicts with Western powers in the second half of the nineteenth century. This period of change witnessed key events including the Xinhai Revolution, democratic reforms, the rise of the Marxist movement, and the creation of the People's Republic of China (PRC).

Modern Chinese education predominantly reflects Western educational principles, primarily aimed at preparing people to contribute to the construction of a post-industrial, information society based on a market-oriented economy. This approach has proven to be remarkably effective, as evidenced by China's remarkable economic progress over the past three decades.

The article uses comprehensive approach to analyzing and discussing the evolution of China's education system. This approach integrates historical analysis, comparative studies, and empirical observations to provide a nuanced understanding of the changes and challenges faced by China's education system.

The article employs historical analysis to trace the origins and development of China's education system from its traditional roots to its modern incarnation influenced by Western educational principles. This method involves examining key historical events, such as the Xinhai Revolution and the establishment of the People's Republic of China (PRC), and their impact on the education sector.

By comparing China's education system with those of Western countries, the article sheds light on the adoption and adaptation of Western educational principles in China. This comparative approach helps in understanding the unique challenges and successes of integrating foreign educational models into a distinctly Chinese context.

The article relies on empirical observations to discuss the current state of China's education system, including its structure, admission processes, and the outcomes of its higher education institutions. This involves analyzing the data on enrollment rates, graduation rates, and the global rankings of Chinese universities.

The article delves into the analysis of specific policy initiatives, such as Project 211 and Project 985, which aimed at improving the quality and international standing of Chinese universities. This analysis examines the goals, implementation strategies, and impacts of these projects on China's higher education sector.

The modern Chinese education system, regulated by the laws of the People's Republic of China, includes several levels: preschool education, basic school education, covering primary, secondary and higher schools, secondary specialized or vocational education and higher education. Notably, Chinese universities tend to specialize in specific disciplines, comparing to the broader, interdisciplinary approach of many well-known European and American universities. To attract foreign students, education at all Chinese universities is bilingual, both Chinese and English.

Admission to higher education in China is highly competitive and is celebrated as a significant achievement for young people. In addition, there is a system of incentives for academically gifted students and orphans, facilitating their entry into higher education institutions. The admission process is based on certificate grade point average and results from a nationally standardized test administered within one day. Applicants are subsequently categorized based on their test scores, with those with the highest scores gaining admission to tertiary institutions, while those with lower but still qualifying scores are given places at provincial institutes. This system not only creates a powerful incentive for focused work in secondary school, but also improves the quality of selection of applicants.

Chinese higher education institutions offer education at three levels:

- Bachelor's degree programs (lasting 4–5 years);
- Master's level programs (lasting 2–3 years);
- Doctoral programs (usually lasting 3–5 years).

Technical, educational, linguistic and medical specialties are highly valued by young scientists, while social sciences (such as economics, law, political science and journalism) and medical faculties face shortages. Master of Business Administration (MBA) programs have been gaining popularity in recent years. While the primary language of instruction is Chinese, some higher education institutions, in collaboration with the Ministry of Education, offer programs in English, providing students with options for language preferences.

Despite the significant number of universities within the country, a significant proportion of Chinese applicants prefer to enroll in foreign universities. This preference stems from the belief among many students that foreign education provides a distinct advantage in a competitive job market. Some students are looking for an alternative to the strict Chinese language exam system. In 2019, according to the Ministry of Education of the People's Republic of China, 459,8 thousand Chinese students received education abroad [1, p. 4]. Notably, 92 % of these Chinese students self-funded their education, approximately 7 % received government support, and 1 % were sponsored by enterprises and organizations [2].

China's higher education institutions do not follow a single curriculum. This discrepancy arises from the need to take into account regional nuances, availability of teaching staff and educational resources. Various forms of education are offered, including full-time, part-time, evening and external programs [1].

Successful students are eligible for increased scholarships and fellowships funded by various corporate foundations that actively seek highly qualified graduates. It is noteworthy that about 85 % of higher education graduates in China start careers in their respective fields, which is a commendable global statistic. In addition, China boasts an extensive network of vocational education institutions, including vocational schools, which provide training for mid-level specialists. There is also a network of institutions engaged in retraining and advanced training of personnel, in which more than 12 million people are educated and trained. In addition, a significant number of Chinese citizens choose to study abroad. For example, about 30 thousand foreign students from more than 100 countries study at Belarusian universities, with the largest contingent coming from China (more than 7 thousand) [3].

China has now implemented an accelerated capacity building strategy that includes support for higher education. This strategy aims to rapidly increase the nation's human and productive capacity even as China continues to provide educational services. Cooperation with foreign universi-

ties and scholarship programs targeting government officials, teachers, university faculty and students play a key role in achieving this goal. Such initiatives also facilitate cross-border transfer of expertise. At the same time, the National Strategy provides for measures aimed at creating favorable conditions for the repatriation of qualified specialists to China.

China is increasingly emphasizing the need to strengthen ties between higher education institutions, research centers and real productive structures such as corporations and enterprises. This trend reflects the growing specialization in education, where individual programs are designed to meet the specific requirements of employers, often represented by professional associations or large corporations. In addition to traditional work experience, there is the concept of «vocational internship», which involves more extensive work and specialized training in managerial or technological skills [2]. In addition, enterprises, as potential employers, have the opportunity to participate in the modernization of the educational process, which may include the provision of industrial laboratories for practical training.

China is implementing programs aimed at early identification and support of talented individuals among students, scientists, inventors and others. These initiatives are aimed at stimulating their development and promoting career growth. It is noteworthy that in China, a talented university graduate or candidate of science sent for further study abroad is guaranteed a certain level of salary upon return, as well as living and working conditions comparable to foreign colleagues in leading educational or business centers of developed countries.

Chinese universities serve as centers of national science, and each institution strives to maintain a high level of scientific and innovative activity to maintain its status. These universities host about 100 laboratories and 40 engineering centers, equipped in accordance with international standards. Moreover, Chinese universities have played a key role in the creation of about 200 technology parks and technopolises, which carry out large-scale development and innovation projects, receiving significant funding either from the state budget or from private investors.

Another notable aspect of China's higher education system is its admission of international students. Approximately 450 higher education institutions in China have the right to admit foreign citizens to study. Currently, students from more than 100 countries, including the US, Canada, the UK, Australia, Russia and the EU countries, are studying in China. Eligible candidates must have completed secondary education, be at least 18 years of age, be fluent in Chinese and English, and undergo an interview, usually including a test and subsequent discussion of the results. Those with different levels of language proficiency can enroll in specialized courses to master the Chinese language, with standard programs designed for 2 years, and accelerated ones for 1 year [4].

The revival of the Chinese higher education system can be traced back to the mid-1990s, when initiatives were put forward to improve the quality of Chinese education and increase its international recognition. In the 1990s, two long-term programs to support the development of domestic universities were introduced: Project 211 and Project 985. Under these programs, universities were taken with identifying their own shortcomings, drawing inspiration from the best practices of foreign universities and implementing measures to bridge the gap between the higher education system China and global international standards. To achieve these goals, significant funding was provided to universities participating in these projects.

The higher education landscape in China is evolving rapidly, influenced by a combination of domestic needs and global trends. Chinese universities are increasingly seeking to internationalize their programs. This includes attracting foreign students, establishing partnerships with overseas institutions, and contributing to global research efforts. The government continues to promote initiatives like the Belt and Road Initiative to enhance academic exchange.

There is a growing focus on fostering innovation and research capabilities within higher education institutions. The government is likely to continue investing in research funding and infrastructure to support the transformation of universities into research-led institutions that contribute to technological advancement. The complexity of modern challenges is leading to a movement towards interdisciplinary education. Higher education institutions in China are expected to promote programs that combine different fields, breaking down silos to better prepare students for real-world problems.

As global concerns about climate change and sustainability grow, higher education institutions in China may increasingly incorporate these themes into their curricula and research agendas. This includes promoting awareness and education around sustainable development goals (SDGs). Ongoing reforms in higher education policy are expected, particularly regarding admission standards, funding, and governance structures. The focus may shift toward improving quality and ensuring that institutions are held accountable for educational outcomes.

The concept of lifelong learning is gaining traction in China, with more flexible educational pathways being developed for adult learners. This includes online courses and certification programs designed for working professionals looking to upskill or transition careers. To enhance the global recognition of Chinese degrees, there will likely be a stronger focus on quality assurance measures and accreditation processes. Institutions will be encouraged to meet international standards to improve the competitiveness of their graduates.

The future of higher professional education in China will likely be driven by innovation, collaboration, and a commitment to quality and practical skills development. Institutions will have to adapt to both domestic demands and global educational trends to remain competitive and relevant.

References

1. China to further promote the Double First-Class Initiative [Electronic resource] // Ministry of Education of the People's Republic of China. 2022. – Access mode : http://en.moe.gov.cn/news/press_releases/202203/t20220301_603547.html. – Date of access : 17.07.2024.

2. 年全国教育事业发展统计公报 : National statistical bulletin on education development, 2019 [Electronic resource] // Ministry of Education of the People's Republic of China. 2020. – Access mode : http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_fztjgb/201907/t20190724_392041.html. – Date of access : 17.07.2024.

3. Xiaohua, Z. Establishing world-class universities in China : deploying a quasi-experimental design to evaluate the net effects of Project 985 / Z. Xiaohua // Studies in Higher Education. – 2019. – V. 44, is. 3. – P. 417–431.

4. Higher education making steady progress [Electronic resource] // China Daily. – Access mode : <https://global.chinadaily.com.cn/a/202203/01/WS621dd516a310cdd39bc89969.html>. – Date of access : 20.07.2024.

Функции государственного управления
как деятельность государственного аппарата
по воздействию на общественные процессы с целью реализации целей
и задач государственной управленческой деятельности

А.А. АБРАМЧУК

В статье автор проанализировал существующие подходы ученых к определению функций государственного управления и их видов. Раскрывая содержание каждой из функций, автор делает вывод о том, что функции государственного управления делятся на общие и специальные, причем специальные функции, строящиеся на основе общих функций, отображаются в отдельном правовом акте, устанавливающем правовой статус указанного государственного органа. В итоге автор делает вывод о том, что общие и специальные функции направлены на выполнение одних и тех же задач, стоящих перед государственным управлением в целом.

Ключевые слова: государственное управление, исполнительная власть, функции государственного управления.

In the article, the author analyzes the existing approaches of scientists to determining the functions of public administration and their types. The author concludes that the functions of public administration are divided into general and special, while special functions, built on the basis of general functions, are reflected in a separate legal status of the specified government body. As a result, the author concludes that general and special functions are aimed at performing the same tasks facing public administration as a whole.

Keyword: public administration, executive power, functions of public administration.

Государственное управление представляет собой подзаконную государственно-властную деятельность органов государственного управления, направленную на реализацию законов и иных правовых актов. Данная деятельность, являясь по своему характеру сложным процессом, обладает определенным механизмом, позволяющим ему эффективно выполнять указанные задачи.

Традиционно механизм государственного управления включает в себя функции, систему органов с их полномочиями, методы их работы и формы управления [1, с. 200].

Именно через систему функций государственное управление достигает поставленных целей и задач. Если цели и задачи представляют собой конечный продукт, ради чего осуществляется государственное управление, то функции ориентированы на процесс достижения указанных целей и задач.

В научной литературе под функциями государственного управления понимают основные направления деятельности органов исполнительной власти, обеспечивающие выполнение стоящих перед данными органами целей и задач [2, с. 12]; устойчивые, относительно самостоятельные, наиболее общие виды деятельности органов государственной власти, направленные на достижение целей государственного управления [3, с. 44]; конкретное направление управляющего (организующего, регулирующего, контролирующего и т. д.) воздействия субъекта управления (государства) на объект управления (общество и его институты, отдельные граждане, социальные группы и т. д.) [4, с. 31]. Существуют также и другие определения.

Обобщив все указанные определения, можно сделать вывод о том, что функции государственного управления – отдельное направление деятельности органов государственного управления по воздействию на общественные процессы с целью достижения поставленных перед ними целей, исходя из задач, стоящих перед государством.

На сегодняшний день функции государственного управления лежат в плоскости решения следующих проблем: обеспечение независимости государства в связи с внешней опасностью и угрозами; защита прав и свобод граждан; обеспечение общественного порядка и согласия внутри страны; содействие всеобщему благосостоянию [5, с. 87].

Н.Б. Антонова разграничивает функции государства от функций государственного управления. По ее мнению, государство обладает всем объемом функций, делегированных ему обществом, в отличие от государственной управленческой деятельности. В свою очередь функции государственного управления Н.Б. Антонова делит на политические и административные.

Выполнение политических функций означает, что государственные органы имеют право издания нормативно-правовых актов в узаконенной сфере. Государственное учреждение может издавать нормативные акты, но они обязательны лишь для тех граждан (физических и юридических лиц) и в том случае, если они являются пользователями услуг данного учреждения, его клиентами. Административные функции, в отличие от политических, непрерывны в исполнении и их сущность состоит в обеспечении исполнения законов, правил, норм порядка и предоставлении государственных услуг юридическим и физическим лицам. Здесь можно говорить об определенном автоматизме при принятии административных мер [5, с. 85].

Для науки административного права интерес представляют административные функции государственного управления, осуществляемые системой органов государственного управления.

Традиционно функции государственного управления делятся на общие и специальные. Общие функции государственного управления не отображены ни в одном нормативном документе, в связи с чем различными учеными высказываются свои предположения относительно перечня указанных функций.

Так, среди общих функций авторы выделяют прогнозирование, планирование, организацию, распорядительство, регулирование, контроль и учет [6, с. 40]; прогнозирование, планирование (определяет цели, задачи на предстоящий период, средства их достижения и выполнения), организация, координирование, надзор, контроль [7, с. 13–14]; информационное обеспечение деятельности государственных органов, прогнозирование и моделирование, планирование, организация, распорядительство, руководство, координация, контроль, регулирование, учет, государственное гарантирование [8, с. 29–35]; прогнозирование, планирование, распорядительство, организация, регулирование, координация, контроль и учет [3, с. 44]; организация, планирование, регулирование, кадровое обеспечение и контроль [9, с. 26].

Интересна позиция А.Н. Миронова, который все функции государственного управления подразделяет на:

1. Общие (сбор, обработка (анализ), хранение информации; прогнозирование; планирование; организация; распорядительство; координация, взаимодействия; контроль и учет).
2. Обеспечивающие (кадровая, материально-техническая, финансирование и др.).
3. Специальные (санитарно-эпидемиологический надзор, фитосанитарный надзор, ветеринарный надзор и др.) [2, с. 12–13].

Вместе с тем, анализ выделяемых функций государственного управления данными различными учеными административистами позволяет выделить наличие общих функций, с которыми в своих исследованиях соглашаются практически все авторы и которые в большей или меньшей степени выполняют все органы государственного управления.

К ним относятся прогнозирование, планирование, организация, регулирование, руководство, координация, контроль, учет [10, с. 68].

Прогнозирование и моделирование – научное предвидение, систематическое исследование состояния, структуры, динамики и перспектив управленческих явлений и процессов. В теории административного права прогнозирование определяется как способ разработки научно обоснованных оценок будущих процессов и ситуаций, которые подлежат управленческому влиянию. Прогнозирование играет в государственном управлении важную роль, поскольку без него невозможно предвидеть последствия принятия того или иного управленческого решения. Моделирование – создание системы управления, предназначенной для спланированного управления, решения задач и достижения поставленных целей [4, с. 31].

Планирование – определение цели, необходимых ресурсов, способов, сроков, форм и методов поэтапного контроля за действиями объекта. Планирование – это также процесс составления, согласования, утверждения планов и управления. Оно играет существенную роль в достижении поставленной цели, поскольку от качества планирования зависит ожидаемый результат. Оно часто применяется в государственном управлении в виде принятия государственных комплексов и программ [4, с. 31–32].

Организация – формирование системы государственного управления на основе установленных принципов и подходов, определение структуры управляющей и управляемой систем в государственном управлении. Организующая деятельность включает в себя действия и решения, конечной целью которых является обеспечение надлежащего функционирования органов государственного управления [4, с. 32]. Главная задача указанной функции состоит в том, чтобы сформировать управляющую и управляемую системы, установить конкретные параметры, режим работы подразделений объекта и субъекта управления, взаимосвязей между ними [5, с. 85].

Регулирование – установление общеобязательных требований и процедур для объектов управления и различных субъектов права в целях решения задач государственного управления, обеспечения прав и свобод граждан [4, с. 32]. Регулирование в широком смысле заключается в издании законов, подзаконных и судебных актов, устанавливающих общие правила для всех субъектов общественных отношений. В узком смысле регулирование является функцией государственного управления в определенной сфере общественной жизни [5, с. 86].

Руководство – установление правил и норматив деятельности и отдельных действий государственных органов (государственных служащих, должностных лиц), управляемых объектов; общее руководство – определение содержания государственной деятельности (например, управленческой) [4, с. 32].

Координация – обеспечение согласованности деятельности систем управления, в том числе государственных органов, для достижения общих целей и эффективного решения задач [4, с. 32]. Благодаря координации устанавливается единство отношений управляемой и управляющей систем, структуры объекта и субъекта управления [5, с. 86].

Контроль – наблюдение за качеством управленческой деятельности, в рамках которого осуществляется выявление ошибок в управлении, в степени соответствия управленческих действий и административных актов принципам законности и целесообразности [4, с. 32]. Контроль осуществляют различные государственные органы: парламент, правительство, министерства, суды, органы государственного контроля [5, с. 87].

Учет – фиксация информации, выраженной в количественной форме, о движении материальных ресурсов государственного управления, о результатах реализации управленческих отношений, полномочий государственных органов, государственных управленческих решений. Учет предназначен для определения наличного количества каких-либо предметов, документов, фактов [4, с. 32].

Н.Б. Антонова функции прогнозирования и планирования рассматривает как главное звено всей управляющей системы. Под прогнозированием она понимает предвидение перспектив развития объекта и последствий его преобразований для всего общества или конкретной организации, а под планированием – процесс принятия управленческого решения, включающий четкую постановку цели в отношении конкретного объекта управления, а также средств, способов и ресурсов для ее достижения. Прогнозирование и планирование, по ее утверждению, определяют перспективу развития и будущее состояние как объекта, так и субъекта управления [5, с. 85].

Не отрицая важной роли в системе государственного управления функций планирования и прогнозирования, А.В. Перфильев в свою очередь сконцентрировал свое внимание на функции регулирования, тем самым выделяя указанную функцию среди других функций государственного управления. Под регулированием последний понимал деятельность, содержание которой выражается в воздействии государства в лице отдельных органов государственной власти на общественные отношения и связи, характеризующиеся высокой активностью участников, массовым характером, высокой общественной значимостью и отсутствием действенных механизмов саморегулирования, путем установления, отмены и корректировки правил и рамок поведения участников указанных отношений [3, с. 77].

Помимо общих функций в государственном управлении выделяются также специальные функции, которые присущи конкретному виду государственного органа в соответствующей сфере деятельности. Специальные функции государственного управления, в отличие от общих, перечисляются в отдельном нормативно правовом акте, закрепляющим правовой статус органа государственного управления, и соответствуют стоящим перед данным государственным органом задачам.

К примеру, деятельность Министерства внутренних дел как республиканского органа государственного управления (далее – МВД) регламентируется Положением «О Министерстве внутренних дел Республики Беларусь» [11].

Положением «О Министерстве внутренних дел Республики Беларусь» перечислены основные задачи, которые возложены на МВД: разработка и принятие в пределах своей компетенции мер по защите интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств, охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности; организация и осуществление мероприятий по защите жизни, здоровья, чести, достоинства, прав, свобод и законных интересов граждан от преступных и иных противоправных посягательств, обеспечению их личной и имущественной безопасности, защите прав и законных интересов организаций от преступных и иных противоправных посягательств в соответствии с компетенцией органов внутренних дел; руководство органами внутренних дел, организациями, входящими в их систему, внутренними войсками и обеспечение законности в их деятельности; проведение в пределах своей компетенции государственной политики в сфере гражданства, миграции и регистра населения, а также в сфере охранной деятельности; другие задачи.

Для достижения указанных задач МВД выполняет следующие специальные функции: осуществляет анализ общественного порядка и преступности, разрабатывает оперативные и долгосрочные прогнозы развития криминогенной обстановки и вносит в установленном порядке в государственные органы предложения по повышению эффективности борьбы с преступностью, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности; осуществляет проверку выполнения органами внутренних дел, внутренними войсками функций и задач, возложенных на них законодательством, оказывает органам внутренних дел, внутренним войскам консультационную и методологическую помощь, определяет приоритетные направления совершенствования их деятельности; осуществляет управление регистром населения, контроль за его ведением и использованием содержащихся в нем персональных данных физических лиц, а также другие функции распорядителя регистра населения; другие функции.

Деятельность Министерства по чрезвычайным ситуациям как республиканского органа государственного управления (далее – МЧС) регламентируется Положением «О Министерстве по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь» [12].

Положением «О Министерстве по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь» перечислены следующие задачи, которые возложены на МЧС: реализация государственной политики и координация деятельности государственных органов, иных организаций в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и гражданской обороны, обеспечения пожарной, промышленной, ядерной и радиационной безопасности, перевозки опасных грузов, создания и обеспечения сохранности государственного и мобилизационного материальных резервов, преодоления последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, обращения с радиоактивными отходами, безопасности судоходства маломерных судов; организация мероприятий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера; организация и участие в обеспечении функционирования Государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, гражданской обороны, системы мониторинга и прогнозирования чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера; другие задачи.

С целью достижения указанных задач МЧС выполняет следующие специальные функции: организация функционирования Государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, а также деятельности в сферах гражданской обороны, обеспечения пожарной, промышленной, ядерной и радиационной безопасности, перевозки опасных грузов, создания и обеспечения сохранности государственного и мобилизационного матери-

альных резервов, преодоления последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, безопасности судоходства маломерных судов; государственный надзор за организацией работ в отношении опасных производственных объектов и (или) потенциально опасных объектов при осуществлении деятельности в области промышленной безопасности; другие функции.

Деятельность Министерства по здравоохранению регламентируется Положением «О Министерстве здравоохранения Республики Беларусь» [13]. Будучи республиканским органом государственного управления, министерство выполняет следующие задачи: проведение единой государственной политики в области здравоохранения; организация оказания медицинской помощи населению Республики Беларусь; организация лекарственного обеспечения населения Республики Беларусь; другие задачи. Во исполнение указанных задач Министерство здравоохранения выполняет следующие функции: изучает состояние здоровья населения, разрабатывает и совместно с другими республиканскими органами государственного управления, облисполкомами и Минским горисполкомом проводит мероприятия по предотвращению заболеваний, снижению заболеваемости, инвалидности и смертности, увеличению продолжительности жизни населения; принимает меры по совершенствованию качества медицинской помощи и медицинских экспертиз, осуществляет контроль за качеством медицинской помощи в соответствии с законодательством о контрольной (надзорной) деятельности, а также проводит оценку качества медицинской помощи и медицинских экспертиз при осуществлении управления деятельностью организаций здравоохранения, подчиненных (входящих в систему) Минздраву, главным управлениям по здравоохранению облисполкомов, Комитету по здравоохранению Минского горисполкома, определяет порядок и случаи ее проведения; другие функции.

Следует отметить, что специальные функции того или иного органа государственного управления так или иначе реализуются через общие функции.

К примеру, общая функция планирования соответствует специальной функции МВД, предусмотренной п. 9.1 Положения «О Министерстве внутренних дел Республики Беларусь», а именно: осуществляет анализ общественного порядка и преступности, разрабатывает оперативные и долгосрочные прогнозы развития криминогенной обстановки и вносит в установленном порядке в государственные органы предложения по повышению эффективности борьбы с преступностью, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Функция планирования также находит свое отражение в п. 9.7 Положения «О Министерстве по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь», согласно которому МЧС участвует в разработке плана обороны Республики Беларусь в части, касающейся мероприятий гражданской обороны, планов накопления материальных ценностей в государственном материальной резерве, мобилизационном материальном резерве. Аналогично данная связь просматривается среди специальных функций Министерства здравоохранения.

Отсюда можно сделать вывод, что специальные функции реализуются в рамках реализации общих функций государственного управления и соотносятся с ними как частное с общим. Если общие функции направлены на функционирование государственного аппарата в целом, то специальные функции направлены на решение задач конкретного государственного органа. Так как специальные функции направлены на реализацию задач конкретного органа государственного управления, то их систематизация в какой-то отдельный правовой документ не только не возможна, но и не целесообразна.

Анализ функций государственного управления позволяет сделать следующие выводы:

1. Функции государственного управления представляют собой отдельное направление деятельности органов государственного управления по воздействию на общественные процессы с целью достижения поставленных перед ними целей, исходя из задач, стоящих перед государством.

2. Все функции государственного управления делятся на общие и специальные. К общим функциям относятся прогнозирование, планирование, организация, регулирование, руководство, координация, контроль, учет. Общие функции свойственны всем органам государственного управления и направлены на реализацию функционирования всего государственного аппарата. Специальные функции формируются на основе общих функций государственного управления и закрепляются в отдельном правовом документе, определяющем правовой статус конкретного государственного органа.

3. Сложность в обобщении специальных функций заключается в их чёткой привязке к деятельности конкретного органа. Отсюда нормативная систематизация специальных функций нецелесообразна, так как они должны быть закреплены в специальном нормативно правовом акте, регулирующем деятельность конкретного государственного органа.

Литература

1. Шабайлов, В. И. Министерства, государственные комитеты, комитеты при Совете Министров Республики Беларусь в системе исполнительной власти / В. И. Шабайлов // Вест. Молодеж. науч. об-ва. – 2002. – № 3-4. – С. 29–37.
2. Миронов, А. Н. Административное право : учебник / А. Н. Миронов. – М. : ИД «Форум» : ИНРА-М, 2007. – 304 с.
3. Перфильев, А. В. Регулирование как функция государственного управления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / А. В. Перфильев. – М., 2004. – 175 с.
4. Государственное управление : пособие / И. В. Козелецкий [и др.] ; под общ. ред. И. В. Козелецкого. – Минск : Академия МВД, 2022. – 366 с.
5. Государственное управление : учебник / Н. Б. Антонова [и др.] ; под общ. ред. Н. Б. Антоновой. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2012. – 440 с.
6. Акопов, Л. В. Административное право : Учебник / Л. В. Акопов, М. Б. Смоленский. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К» ; Ростов-на/Д : «Наука-Пресс», 2007. – 352 с.
7. Административное право Российской Федерации : учебник / коллектив авторов ; под ред. А. В. Мелехина. – М. : ЮСТИЦИЯ, 2016. – 624 с.
8. Россинский, Б. В. Административное право : учебник / Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. – 5-е изд., пересмотр. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. – 576 с.
9. Телятицкая, Т. В. Административное право : ответы на экзаменц. вопр. / Т. В. Телятицкая. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск : Тетра-Системс, 2009. – 208 с.
10. Административное право : учеб. пособ. / Л. М. Рябцев [и др.] ; под общ. ред. Л. М. Рябцева. – Минск : Амалфея, 2009. – 432 с.
11. Положение о Министерстве внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Республики Беларусь, 04 декабря 2007 г., № 611 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
12. Положение о Министерстве по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Республики Беларусь, 14 ноября 2022 г., № 175 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
13. Положение о Министерстве здравоохранения Республики Беларусь Беларусь [Электронный ресурс] : утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь, 28 октября 2011 г., № 1446 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

О месте цифрового права в системе права

В.А. БРИЛЁВА

Расставлены терминологические акценты посредством формулирования дефиниций «цифрового права», «киберправа», «компьютерного права», «интернет-права», «сетевого права», «информационного права». Проведён анализ места цифрового права в системе права, в том числе в результате оценки подходов ученых к цифровому праву как самостоятельной отрасли права, комплексной отрасли права, подотрасли информационного права, комплексному правовому институту. На основании общетеоретических конструкций автор аргументирует принадлежность цифрового права к комплексной отрасли законодательства, обосновывает компенсацию отсутствия кодифицированного нормативного правового акта, регулирующего общественные отношения в цифровой среде, констатацией консолидации цифровых отношений, которая обусловлена общностью цели, задач государственного управления.

Ключевые слова: цифровое право, киберправо, компьютерное право, интернет-право, сетевое право, информационное право, отрасль права, правовой институт, отрасль законодательства, комплексная отрасль законодательства, кодифицированный нормативный правовой акт, государственное управление.

Terminological accents are set by means of formulating definitions of «digital law», «cyber law», «computer law», «Internet law», «network law», and «information law». The place of digital law in the system of law is analysed. The approaches of scientists to digital law as an independent branch of law, a complex branch of law, a sub-branch of information law, a complex legal institute have been evaluated. On the basis of general theoretical constructions, the author argues the belonging of digital law to a complex branch of legislation, justifies the compensation of the absence of a codified normative legal act regulating social relations in the digital environment, the statement of consolidation of digital relations, which is due to the commonality of purpose, objectives of public administration.

Keywords: digital law, cyber law, computer law, Internet law, network law, information law, branch of law, legal institute, branch of legislation, complex branch of legislation, codified normative legal act, public administration.

Введение. В начале статьи необходимо расставить акценты применительно к терминам и дефинициям. В научных исследованиях используется широкий спектр понятий, касающихся цифровых правоотношений, например, «киберправо» и «компьютерное право», «интернет-право» и «сетевое право», «цифровое право», «информационное право». Аспекты понятийно-категориального аппарата цифрового права затрагивают публикации М.А. Рожковой [1], М.Г. Терехова [2, с. 23], А.Я. Минаева [3, с. 11–14], А.В. Минбалеева [4, с. 11, 29] и других.

Киберправо упорядочивает общественные отношения, возникающие в цифровом пространстве, в том числе в сети Интернет, в процессе использования цифровых технологий, информационных систем. Нормы права, регулирующие предмет киберправа, разнородны и рождаются в ряде отраслей белорусской национальной правовой системы. Это такие отрасли права, как право интеллектуальной собственности (например, защита авторских прав в киберпространстве); информационное право (например, защита персональных данных в цифровой среде); административное право (например, обеспечение функционирования электронного правительства, цифровизация государственных услуг); международное право (например, международная защита прав интеллектуальной собственности); уголовное право (например, уголовная ответственность за создание, использование или распространение вредоносных программ). Указанные общественные отношения объединяет общая сфера цифрового пространства.

Компьютерное право и киберправо являются близкими по содержанию, но не тождественными понятиями. Так, компьютерное право направлено на регулирование общественных отношений, складывающихся в процессе эксплуатации вычислительных устройств, компьютерных систем или их сетевой инфраструктуры, программного обеспечения.

Комплекс правовых норм, обладающих предметным единством и являющихся составной частью цифрового права, регулирующих общественные отношения, опосредованные функционированием и использованием глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет, образует интернет-право.

Общественные отношения, направленные на обеспечение баланса интересов личности, бизнеса, общества и государства в условиях глобальной цифровизации и возникающие в процессе функционирования, использования и обеспечения виртуального пространства, цифровых платформ, информационно-телекоммуникационных сетей и их инфраструктуры, урегулированы нормами сетевого права.

В фокусе правового регулирования информационного права находятся общественные отношения в сфере создания, получения, передачи, обработки, хранения, распространения, использования информации.

Следует отметить, что разграничение понятий «цифровое право», «киберправо», «компьютерное право», «интернет-право», «сетевое право» и «информационное право» достаточно условно в силу разнородности общественных отношений, составляющих предмет правового регулирования, взаимосвязи, взаимопереплетения элементов цифровых технологий. Дифференциация терминов обусловлена, как правило, целью и задачами, которые ставит перед собой исследователь. В целях данного исследования автором будет использоваться термин «цифровое право» как комплекс общеобязательных, формально определенных, гарантированных государством правовых норм, регламентирующих общественные отношения, которые возникают в процессе разработки, использования и обеспечения цифровых технологий, цифровых данных, IT-инфраструктуры [1] и их воздействия на экономику, государственное управление и социальную сферу.

Основная часть. В юридической науке существует дискуссия относительно места цифрового права в системе права. Так, некоторые ученые высказываются в пользу признания цифрового права самостоятельной отраслью права, обладающей предметом, методом правового регулирования и особым режимом. Среди них М.Г. Терехов, который отмечает, что цифровое право является «самостоятельной и одновременно комплексной отраслью права..., регулирующей однородную группу общественных отношений частного-публичного характера, возникающих в цифровой среде (сети Интернет)» [2, с. 22]. Автор не делает акцент на разработке предмета, метода и особого режима правового регулирования цифрового права, что являлось бы подтверждением самостоятельности отрасли права, не аргументирует ее комплексность посредством обоснования того, что общественные отношения, составляющие предмет цифрового права, разнородны и относятся к другим отраслям права. Самостоятельность отрасли цифрового права основана на перечислении её признаков: «нормативность, гарантированность государством, общеобязательность, системность, формальная определенность» [2, с. 22]. Предмет цифрового права сводится к общественным отношениям, опосредованным цифровой средой (сетью Интернет), что обуславливает достаточно узкий спектр общественных отношений, подлежащих урегулированию цифровым правом.

В фокусе цифрового права находится широкий спектр общественных отношений. Цифровое пространство не ограничивается сетью Интернет, цифровые технологии проникают во все сферы жизни человека. Следовательно, цифровые правоотношения распространяются не только на интернет-отношения, а включают более широкий технологический ландшафт. Общественные отношения, подпадающие под регулирование цифровым правом, могут возникать и без сети Интернет: в рамках локальных баз данных; автономных систем управления (например, беспилотные такси); цифровизации криминалистических процессов (например, криминалистическая экспертиза без доступа к сети Интернет); государственных цифровых платформ (например, электронное голосование). Таким образом, далеко не все цифровые технологии требуют подключения к сети Интернет, но возникающие при этом общественные отношения нуждаются в правовом регулировании.

А.В. Журавлева рассматривает цифровое право, как «подотрасль информационного права» [5], отмечая, что «рано говорить о формировании полноценной самостоятельной отрасли права» [5] и сводит предмет цифрового права к «отношениям по поводу создания, передачи, использования цифровой информации» [5]. Представляется, что предметом цифрового права выступают разнородные общественные отношения, касающиеся цифровых технологий. Соотношение понятий «цифровая информация» и «цифровая технология» можно обозначить следующим образом: цифровая информация – это информация, выраженная в

цифровой форме (данные, файлы, сообщения, изображения и т. д.); а цифровая технология – это инструменты, процессы, формы и системы, обеспечивающие создание, обработку, хранение, передачу и использование цифровой информации. Следовательно, цифровая информация является объектом, тогда как цифровая технология выступает средством её обработки.

В.Э. Волков в учебном пособии пишет, что можно рассматривать цифровое право «в широком смысле, не предполагая выделение особой отрасли права или правового института, как новое направление государственного регулирования цифровой реальности» [6, с. 7]. В узком смысле, «как комплексный межотраслевой правовой институт» [6, с. 9].

А.В. Минбалеев относит цифровое право к комплексному (межотраслевому) правовому институту, «предметом правового регулирования которого выступают общественные цифровые отношения, касающиеся использования, анализа, обработки данные в цифровом виде» [4, с. 30].

Рассуждая о месте цифрового права в системе права, основой исследования определяем общетеоретические доктрины С.С. Алексеева, С.В. Полениной, Н.В. Сильченко об отраслях права, комплексных отраслях права, отраслях законодательства, комплексных отраслях законодательства.

М.А. Рожкова в результате системного теоретического анализа цифрового права на предмет отнесения последнего к самостоятельной отрасли права или к комплексной отрасли законодательства, констатирует, что «надо признать цифровое право комплексной (специфической) отраслью законодательства» [1], которая, по мнению Н.В. Сильченко, подразумевает наличие не вида общественных отношений, урегулированных нормами права, а наличие сферы общественных отношений, объединяющей различные виды цифровых правоотношений. Находясь на данной позиции, М.А. Рожкова отмечает, что в российском законодательстве можно найти примеры комплексных (межотраслевых) кодифицированных актов, которые выступают необходимым элементом теоретической конструкции «комплексная отрасль законодательства».

Российские ученые активно дискутируют относительно разработки и принятия в Российской Федерации Цифрового кодекса, предлагая различные модификации общественных отношений, подлежащих правовому регулированию кодексом и относящихся к таким отраслям права, как административное, уголовное, гражданское, информационное, международное право, право интеллектуальной собственности. В свою очередь М.А. Рожкова не поддерживает идею разработки Цифрового кодекса, так как «не получится закрепить все нормы цифрового права в одном кодификационном акте, исключив использование иных источников права» [1].

Таким образом, следует подчеркнуть, что при признании М.А. Рожковой цифрового права комплексной отраслью законодательства автор отмечает отсутствие и невозможность разработки кодифицированного нормативного правового акта, регулирующего общественные отношения в сфере цифровых технологий [1], в тоже время такой акт выступает, исходя из доктринальных подходов С.В. Полениной, Н.В. Сильченко, «единственным объективным подтверждением существования комплексных отраслей законодательства» [7, с. 134–138].

Обозначенная научная проблема подлежит разрешению, опираясь на теоретические разработки Н.В. Сильченко. Несмотря на отсутствие действующего кодифицированного нормативного правового акта, регулирующего общественные отношения в цифровой среде, или возможности его разработки, цифровое право можно отнести к комплексной отрасли законодательства, если указанные «общественные отношения обладают определенным единством, которое является результатом общности целей и задач государственного управления» [8, с. 10].

В качестве целей и задач государственного управления, обеспечивающих единство общественных отношений, возникающий в сфере цифровых технологий, следует отметить развитие эффективного и безопасного функционирования цифровых технологий; обеспечение цифровых прав человека и цифрового суверенитета государства; построение современной цифровой экономики в Республике Беларусь; правотворчество в сфере цифровых технологий; обеспечение цифровой грамотности населения; международное сотрудничество в сфере цифровых технологий.

Заключение. В результате исследования места цифрового права в системе права сформулированы дефиниции «цифрового права», «киберправа», «компьютерного права», «интернет-права», «сетевого права», «информационного права».

На основании общетеоретических доктрин и анализа научных подходов относительно места цифрового права в системе права аргументирована принадлежность цифрового права к комплексной отрасли законодательства. Комплексная отрасль цифрового законодательства предполагает наличие, в отличие от профилирующих отраслей права, не обособленного вида общественных отношений, а сферы общественных отношений, объединяющей различные виды цифровых правоотношений.

Цифровое право можно отнести к комплексной отрасли законодательства, несмотря на отсутствие действующего Цифрового кодекса, а также возможности разработки такого кодифицированного нормативного правового акта, регулирующего общественные отношения в цифровой среде, так как указанные общественные отношения консолидированы общностью целей, задач государственного управления: развитие эффективного и безопасного функционирования цифровых технологий; обеспечение цифровых прав человека и цифрового суверенитета государства; построение современной цифровой экономики в Республике Беларусь; правотворчество в сфере цифровых технологий; обеспечение цифровой грамотности населения; международное сотрудничество в сфере цифровых технологий.

Литература

1. Рожкова, М. А. Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли появления цифрового кодекса? [Электронный ресурс] / М. А. Рожкова // Хозяйство и право. – Режим доступа : <https://rozhkova.com/pdf/2020-4.pdf>. – Дата доступа : 10.02.2024.
2. Терехов, М. Г. Цифровое право : учеб. пособ. / М. Г. Терехов. – М. : Блок-Принт, 2025. – 144 с.
3. Минин, А. Я. Актуальные проблемы цифрового права : учеб. пособ. для магистрантов и бакалавриата / А. Я. Минин. – М. : МПГУ, 2021. – 132 с.
4. Минбалеев, А. В. Проблемы цифрового права : учеб. пособ. / А. В. Минбалеев. – Саратов : Амирит, 2022. – 233 с.
5. Журавлева, А. В. Цифровое право – отрасль права нового поколения [Электронный ресурс] / А. В. Журавлева. – Режим доступа : https://na-journal.ru/1-2022-pravo-obshchestvo/3358-cifrovое-pravo-otrasl-prava-novogo-pokoleniya?utm_source=chatgpt.com. – Дата доступа : 10.02.2024.
6. Волков, В. Э. Цифровое право. Общая часть : учеб. пособ. / В. Э. Волков. – Самара : Издательство Самарского университета, 2022. – 111 с.
7. Поленина, С. В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР / С. В. Поленина, Н. В. Сильченко. – М. : Наука, 1987. – 152 с.
8. Сильченко, Н. В. Некоторые проблемы отраслевой структуры права / Н. В. Сильченко // Государство и право : теория и практика. – 2002. – № 1. – С. 3–13.

Правовая характеристика Соглашения об уплате алиментов на детей

Н.В. КОПЫТКОВА

В статье автор раскрывает специфику Соглашения об уплате алиментов на детей. Анализирует и дает оценку семейному и гражданскому законодательству, определяющему особенности имущественных отношений в семье. Рассматривает особенности заключения алиментного соглашения, в том числе в пользу внебрачного ребенка. На основе анализа доктринальных источников, законодательства и судебной практики автор приводит аргументы и делает вывод о семейно-правовой природе Соглашения об уплате алиментов. Предлагает внесение дополнений в Кодекс Республики Беларусь о браке и семье.

Ключевые слова: право, семья, семейные отношения, имущество, соглашение, правовая природа, алименты.

The article explains the specifics of the child support payment agreement. The author analyses and gives an assessment of family and civil law defining the characteristics of property relations in the family. The specifics of the conclusion of an alimony agreement, including that in favor of an illegitimate child are considered. Based on the analysis of doctrinal sources, legislation and jurisprudence, the author presents arguments and concludes that alimony payment agreement is family law. The author proposes amendments to the Code of the Republic of Belarus on marriage and family.

Keywords: law, family, family relations, property, agreement, legal nature, alimony.

В юридической науке долго велась дискуссия о месте семейного права в правовой системе. Уже к концу XX в. осталось мало сомневающих в самостоятельности семейного права как отрасли права, имеющей свой предмет, метод, принципы и особый состав законодательства. Семейное право регулирует весьма важную и обособленную группу отношений нашего общества, что делает его приоритетным в системе права. Однако XXI в. принес в правовую сферу отношений много новелл и обогатил брачно-семейное законодательство новыми положениями, усилившими роль диспозитивных норм и предоставившим участникам брачно-семейных отношений право заключать различные соглашения. Введение в законодательство брачного договора, соглашения об алиментах, соглашения о детях повлекло за собой новую дискуссию, в частности, о правовой природе этих соглашений.

Бесспорно, Соглашение об уплате алиментов направлено на удовлетворение имущественных интересов детей, и заключается оно по поводу имущества (денег), предоставляемых на их содержание. Для понимания правовой природы этого Соглашения следует уяснить правовую сущность имущественных отношений в семье, что представляется краеугольным камнем в решении данного вопроса. Правовая природа имущественных отношений в семье также является предметом научной дискуссии, что связано с решением проблемы соотношения гражданского и семейного права. По мнению одной группы авторов, имущественные отношения, возникающие между супругами, между родителями и детьми, урегулированные нормами семейного законодательства, составляют предмет семейного права; другие полагают, что имущественные отношения в семье по своей сути являются гражданско-правовыми. Следует заметить, что семейное право имеет свой специфический предмет правового регулирования – отношения по созданию и функционированию особой естественной и основной ячейки общества (семьи) с целью воспроизведения человеческого рода. Как пишет В.Ф. Чигир, «основу этих отношений составляют личные неимущественные отношения, которые нельзя отождествлять с личными неимущественными отношениями, регулируемые гражданским правом. Имущественные отношения супругов, а также супругов и детей ... представляют собой результат создания семьи и не строятся на началах возмездности, хотя и являются стоимостными» [1, с. 37].

Имущественные отношения между супругами, между родителями и детьми имеют денежную оценку и могут быть предметом различного рода юридических действий, что и обуславливает в ряде случаев применение к ним норм гражданского права, но никоим образом не становятся предметом регулирования гражданского права. Следует согласиться с В.А. Витушко, который указывает, что «комплексное применение к конкретному правоотношению не менее двух

норм или принципов одной отрасли и одновременно применение хотя бы одной нормы другой отрасли права позволяет достичь согласованности законов и отраслей права, а также законности и справедливости (целесообразности) при разрешении спора» [2, с. 60].

В соответствии со ст. 7 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС), гражданское законодательство применяется к семейным отношениям только в случае отсутствия регулирования этих отношений законодательством о браке и семье. Подавляющее большинство имущественных отношений в семье являются предметом регулирования брачно-семейного законодательства. Так, этому вопросу посвящены ст. 13 гл. 3 КоБС и ст. ст. 23–33 гл. 5 КоБС, которые регулируют имущественные отношения супругов. В гл. 11 КоБС урегулированы вопросы имущественных правоотношений родителей и детей. Глава 11¹ полностью посвящена Соглашению об уплате алиментов на детей [3]. Действующий КоБС содержит в себе все необходимые нормы, позволяющие сторонам алиментных обязательств в полной мере разрешить эти вопросы как в добровольном, так и судебном порядке.

В белорусском законодательстве отсутствует нормативное закрепление понятия Соглашения об уплате алиментов, что осложняет решение вопроса о его правовой природе. В науке гражданского и семейного права преобладают две точки зрения о правовой природе алиментного соглашения – первая: соглашение является гражданско-правовым договором, вторая – соглашение является семейно-правовой сделкой. Справедливо будет заметить, что существует и третья позиция, суть которой сводится к тому, что сделки, подобные Соглашению об уплате алиментов, являются «разноотраслевыми» или «межотраслевыми» [4, с. 25].

Сторонниками первой точки зрения являются известные российские ученые в области семейного права, например, П.В. Крашенинников, М.В. Антокольская и другие. Среди белорусских ученых следует упомянуть Т.М. Халецкую, которая утверждает, что отсутствуют достаточные основания считать Соглашение об уплате алиментов семейно-правовой сделкой в силу «необходимости применения норм Гражданского кодекса Республики Беларусь, регулирующих заключение, исполнение, изменение, расторжение и признание недействительными гражданско-правовых сделок... к Соглашению об уплате алиментов» [5].

Автор данной статьи разделяет мнение представителей противоположной точки зрения, например, В.В. Сергеевой [6], Т.А. Ништ [7] и других, которые обосновывают свои доводы в подтверждение семейно-правовой природы Соглашения об уплате алиментов. Руководствуясь нормами брачно-семейного законодательства Республики Беларусь и примером судебной практики, приведу собственные аргументы в пользу данного мнения. С одной стороны, Соглашение об уплате алиментов регулирует имущественные отношения и по своей природе является договором. Согласно ст. 103¹ данным договором стороны определяют размер, способ и порядок уплаты алиментов на детей, что является существенными условиями. С другой стороны, этот договор весьма специфичен, поскольку все его существенные условия основаны на нормах семейного права, а не гражданского. Самый главным элементом любого правового договора является его предмет. Относительно предмета Соглашения в юридической науке существуют различные мнения. Дискуссия, как правило, ведется вокруг индивидуализации предмета исполнения алиментного обязательства, т. е. его размера, формы и порядка исполнения. Представляется убедительной точка зрения О.В. Капитовой, которая считает, что «предмет соглашения – алименты – определен законом, в то время как стороны могут установить только размер, форму и способ уплаты алиментов» [8]. Как известно, в гражданско-правовом договоре стороны сами определяют его предмет. Предметом Соглашения об алиментах являются собственно сами алименты, которые могут уплачиваться в процентном соотношении к доходу родителя, либо в твердой денежной сумме, выплачиваемой единовременно или периодически, либо путем передачи имущества в собственность ребенка, что вытекает из ст. 103⁶ КоБС. Алименты выплачиваются на содержание ребенка, назначение которых заключается в его материальной поддержке и являются одним из имущественных прав ребенка. Обязанность содержать своих детей – это не только правовая обязанность родителей, но и требование нравственных семейных принципов, в чем и заключается специфика семейно-правовых обязательств.

Следует обратить внимание на особенности субъектного состава Соглашения об алиментах. Согласно ст. 103¹ КоБС Соглашение об уплате алиментов заключается между родителем, обязанным уплачивать алименты, и лицом, получающим алименты. В указанной статье речь идет о родителях, а не о супругах или бывших супругах, имеющих общих детей. Таким образом, данное соглашение может быть заключено, прежде всего, между родителями, в

том числе и между родителями ребенка, не находящимися в зарегистрированном браке. Для заключения такого соглашения не будет иметь значения наличие зарегистрированного брака с другой женщиной и наличие детей в этом браке. Кроме того, исходя из буквального толкования ст. 103¹ КоБС, стороной в таком соглашении могут быть и третьи лица, например, представители недееспособных родителей, опекуны или попечители ребенка.

Выплата алиментов осуществляется в пользу нуждающегося несовершеннолетнего ребенка, соответственно он является субъектом, в пользу которого заключено алиментное соглашение. Именно ребенок будет являться собственником выплат по алиментам [9, с. 48]. Ребенок, рожденный вне брака, имеет такие же права, как и дети, рожденные в браке, так как взаимные права и обязанности между родителями и ребенком возникают с момента его рождения независимо от того, рожден он в браке или вне брака, что вытекает из ст. 50 КоБС. Родители пользуются равными правами и несут равные обязанности по воспитанию и содержанию в отношении своих детей (ст. 76 КоБС). В связи с этим особого внимания требует рассмотрение вопроса признания Соглашения об уплате алиментов недействительным. Именно для решения этой проблемы законодатель предлагает обратиться к Гражданскому кодексу (далее – ГК). Но возможно ли решение этого вопроса исключительно на гражданско-правовом уровне? Действительно, согласно ст. 103³ КоБС «К заключению, исполнению, изменению, расторжению и признанию недействительным Соглашения об уплате алиментов применяются нормы ГК Республики Беларусь, регулирующие заключение, исполнение, изменение, расторжение и признание недействительными гражданско-правовых сделок, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом» [3]. Следует отметить, что в ноябре 2024 г. вступила в силу ст. 157¹ ГК «Согласие на совершение сделки», которая гласит: «Если на совершение сделки в соответствии с законодательством требуется согласие третьего лица, о своем согласии или об отказе в нем третье лицо сообщает лицу, запросившему согласие, в разумный срок со дня получения запроса о таком согласии. Согласие на совершение сделки дается в той же форме, в которой должна быть совершена сделка» [10]. Как известно в КоБС содержится норма, устанавливающая равенство супругов в семейных отношениях. Так, согласно ст. 20¹ «Супруги имеют равные права в браке и семье и все вопросы брачных и семейных отношений решают совместно, по обоюдному согласию» [3]. Кроме того, п. 2 ст. 256 ГК указывает на то, что распоряжение имуществом, находящимся в совместной собственности, осуществляется по согласию всех участников, которое предполагается независимо от того, кем из участников совершена сделка по распоряжению имуществом [10]. В связи с этим, уместно будет привести пример из судебной практики. Так, гражданин С., будучи в зарегистрированном браке с гражданкой А., заключил Соглашение об уплате алиментов с гражданкой Б., с которой они имеют общего ребенка. Отцовство было установлено в добровольном порядке. Гражданка А. обращается с иском в суд о признании этого соглашения недействительным в силу того, что средства на содержание внебрачного ребенка поступают из общесемейного дохода, в частности из заработной платы супруга, а значит, из общей совместной собственности супругов С. и А. Гражданка А. заявила, что своего согласия на заключение этой сделки не давала. Суд отказывает в удовлетворении требования на том основании, что супруги, находясь в зарегистрированном браке, равны в своих правах, они вправе самостоятельно решать вопросы, касающиеся их личных интересов и самостоятельно заключать сделки, не противоречащие закону [11].

Правильно ли поступил суд? Вопрос непростой. С одной стороны, у родителя существует обязанность содержать своих несовершеннолетних детей, и в случае отказа от добровольной выплаты алиментов они будут взысканы в судебном порядке (ч. 2 ст. 91 КоБС). С другой стороны – все сделки по распоряжению совместно нажитым имуществом в браке супруги осуществляют по взаимному согласию. Согласно гражданскому законодательству, сделка, заключенная без согласия всех участников совместной собственности, может быть признана недействительной судом по иску лица, чье согласие требуется на совершение сделки (п. 4 ст. 158¹ ГК). Таким образом, если Соглашение об уплате алиментов считать одним из видов гражданско-правовой сделки, то его надо признавать недействительным в силу распоряжения семейным доходом без согласия второго супруга, так как трудовые доходы каждого из супругов являются их совместной собственностью в силу ст. 23 КоБС. Судья своим решением на законных основаниях встал на защиту интересов ребенка, фактически признав семейно-правовую природу данного соглашения. Ни о каком согласии второго супруга на заключение Соглашения об уплате алиментов не может быть и речи, так как это противоречило бы нормам

брачно-семейного законодательства по обеспечению обязанности родителей предоставлять содержание своим несовершеннолетним детям (ст. ст. 76, 88, 91 КоБС и др.). Пойти по пути применения норм гражданского права в решении данной ситуации означало бы лишение детей, рожденных вне брака, права получать содержание от родителей. Вряд ли законная супруга будет давать свое согласие (заверенное нотариусом!) на совершение такой сделки, как заключение Соглашения об уплате алиментов на внебрачных детей своего неверного мужа.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что имущественные отношения между родителями и детьми по своей сущности имеют семейно-правовую природу и регулируются специальными нормами брачно-семейного законодательства. Отсутствие необходимости запрашивать согласие супруга на совершение так называемой сделки под названием «Соглашение об уплате алиментов», не взирая на соответствующую статью ГК, является весомым аргументом в доказательство семейно-правовой природы указанного Соглашения.

Представляется разумным внести в ст. 103³ КоБС следующее дополнение: «При заключении соглашения об уплате алиментов между родителями внебрачного ребенка согласие супруга, с которым один из родителей состоит в браке, не требуется».

Таким образом, отнесение Соглашения об уплате алиментов к определенной отрасли права – это не только предмет споров и теоретических изысканий. От решения данного вопроса зависит выбор норм, применяемых к регулированию подобных соглашений при определении субъектного состава, порядка их заключения, исполнения, прекращения и признания недействительными, что влечет за собой правовые последствия, затрагивающие интересы конкретных людей.

Литература

1. Чигир, В. Ф. Гражданское право : Учеб. для студентов юр. вузов : в 2 ч. / В. Ф. Чигир. – Минск : Амалфея, 2000. – Ч. 1. – 976 с.
2. Витушко, В. А. Принципы в системе гражданского права / В. А. Витушко // Судовы весн. – 2000. – № 1. – С. 58–60.
3. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 24 июня 1999 г., № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.07.2024 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
4. Брагинский, М. И. Договорное право. Общие положения : в 3 кн. / М. И. Брагинский. – М. : Статут, 2001. – Кн. 1. – 848 с.
5. Халецкая, Т. М. Правовая природа соглашения об уплате алиментов [Электронный ресурс] / Т. М. Халецкая. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-soglasheniya-ob-uplate-alimentov>. – Дата доступа : 07.01.2024.
6. Сергеева, В. В. Правовая природа соглашений об уплате алиментов по законодательству РФ [Электронный ресурс] / В. В. Сергеева. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-soglasheniy-ob-uplate-alimentov-po-zakonodatelstvu-rf>. – Дата доступа : 07.01.2024.
7. Ништ, Т. А. Семейно-имущественные сделки в законодательстве Российской Федерации [Электронный ресурс] / Т. А. Ништ. – Режим доступа : <https://www.dissercat.com/content/semeyno-imushchestvennye-sdelki-v-zakonodatelstve-rossiiskoi-federatsii>. – Дата доступа : 12.01.2024.
8. Капитова, О. В. Правовая природа механизма алиментирования в семейном праве Российской Федерации [Электронный ресурс] / О. В. Капитова. – Режим доступа : <https://www.dissercat.com/content/pravovaya-priroda-mekhanizma-alimentirovaniya-v-semeinom-prave-rossiiskoi-federatsii>. – Дата доступа : 12.01.2024.
9. Копыткова, Н. В. Имущественные права ребенка / Н. В. Копыткова // Юстиция Беларуси. – 2021. – № 8 – С. 47–50.
10. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.04.2024 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
11. Дела судебные с Еленой Кутьиной. Новые истории. Эфир от 25.10.24 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=mY84ENGgzFM&list=PLxIfg9LzJfGfn6pS_Vm_X0N8Pg4pGnfQb&index=2. – Дата доступа : 30.11.2024.

Модернизация системы сдержек и противовесов в государствах СНГ в первой четверти XXI века

Т.С. МАСЛОВСКАЯ

В статье рассматриваются два направления совершенствования институциональной системы государства в рамках конституционных преобразований в государствах СНГ, связанные с изменением и сохранением действующей формы правления. Обращается внимание на изменение институциональных связей между органами государственной власти, модернизацию системы сдержек и противовесов, в некоторых случаях приводящих к созданию гибридных конструкций. Анализируется опыт конституционных реформ в государствах СНГ в первой четверти XXI в., свидетельствующий о поиске баланса сдержек и противовесов в механизме государственной власти путем перераспределения полномочий. Высказывается мнение об определенном отходе от жестких форм организации власти, продолжении создания гибридных конструкций, корректировки системы сдержек и противовесов.

Ключевые слова: конституция, конституционная модернизация, разделение властей, сдержки и противовесы, институциональная система, государства СНГ.

The article examines two areas of improving the institutional system of the state within the framework of constitutional reforms in the CIS states, associated with changing and maintaining the current form of government. The attention is drawn to changing the institutional links between government bodies, modernizing the system of checks and balances, in some cases leading to the creation of hybrid structures. The experience of the constitutional reforms in the CIS states in the first quarter of the 21st century is analyzed, indicating the search for a balance of checks and balances in the mechanism of state power by redistributing powers. An opinion is expressed about a certain departure from rigid forms of organization of power, the continuation of the creation of hybrid structures, and adjustments to the system of checks and balances.

Keywords: constitution, constitutional modernization, separation of powers, checks and balances, institutional system, CIS states.

Конституционные реформы в государствах СНГ в первой четверти XXI в. имеют многовекторную направленность. В большинстве случаев они связаны с поиском оптимальных взаимоотношений между ветвями власти в целях рационализации всей системы государственной власти, повышения ее устойчивости и эффективности. В выстраивании нового баланса в институциональной системе огромная роль принадлежит системе сдержек и противовесов, подвергнутой в ряде стран СНГ за последние годы определенной корректировке. В связи с этим обращение к проблеме модернизации системы сдержек и противовесов на постсоветском пространстве представляет определенный научный интерес.

Совершенствование институциональной системы государства в рамках конституционных преобразований в государствах СНГ идет по двум направлениям: 1) изменение типа существующей республиканской формы правления (переход от одной формы правления к другой ее разновидности) – Армения в 2015 г., Кыргызстан в 2010 г., в 2021 г., 2) перераспределение полномочий между органами государственной власти в рамках существующей формы правления – Республика Беларусь в 2022 г., Российская Федерация в 2020 г., Казахстан в 2007 г., 2017 г., 2022 г., Узбекистан в 2023 г.

В первом случае наблюдается установление новых координат функционирования принципа разделения властей, кардинальное изменение системы сдержек и противовесов, что приводит к существенной перестройке отношений между ветвями власти, к новому «набору» сдержек и противовесов. Как демонстрирует практика, на постсоветском пространстве к кардинальной трансформации принципа разделения властей прибегали достаточно редко, в большинстве случаев – для преодоления политического кризиса (например, Кыргызстан в 2010 г., 2021 г.).

Конституционная реформа 2015 г. в Армении привела к существенному изменению институциональных связей, формально закрепив переход от республики смешанного типа к парламентарной республике. Республика Кыргызстан дает противоречивый опыт поиска оп-

тимальных институциональных отношений, напоминающий «маятник» (от президентской к парламентарной, а затем снова к президентской республике), что обусловлено множеством факторов объективного и субъективного характера [1].

В подавляющем большинстве случаев при проведении конституционных реформ в постсоветских республиках совершенствование институциональной системы государства осуществлялось при сохранении действующей формы правления (Азербайджан – 2016 г., Беларусь – 2022 г., Казахстан – 2007 г., 2017 г., 2022 г., Россия – 2020 г., Узбекистан в 2023 г. и др.). При этом происходило обновление не только конституционного статуса государственных органов, но и институциональных связей между ними, системы сдержек и противовесов при сохранении существующих основ конституционного строя, появлялись новые правовые конструкции, что, полагаем, свидетельствует о конституционной модернизации. В этом плане показателен опыт конституционных преобразований в Республике Беларусь, широко исследованный в литературе [2], [3], [4], [5], [6 и др.]. Как отмечает Г.А. Василевич, в результате обновления Конституции Республики Беларусь произведен ряд «принципиальных изменений в системе сдержек и противовесов, что переформатирует парадигму властных отношений на общегосударственном уровне» [2, с. 18]. В тоже время сохраняется действующая форма правления.

Конституционная реформа в Казахстане, прошедшая в июне 2022 г., была направлена на дальнейшую корректировку системы разделения властей. Закон Республики Казахстан от 8 июня 2022 г. (принят на республиканском референдуме 5 июня 2022 г.) «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» среди прочих нововведений установил новые институциональные связи между государственными органами, скорректировал систему сдержек и противовесов, расширил сферу деятельности Парламента, его кадровые и контрольные полномочия.

Так, Сенат отныне дает согласие на назначение Президентом Республики Казахстан Председателя Конституционного Суда, Председателя Национального Банка, Председателя Высшего Судебного Совета, Генерального Прокурора, Председателя Комитета национальной безопасности Республики (п. 2 ст. 55 Конституции Казахстана); Мажилис заслушивает два раза в год Председателя Высшей аудиторской палаты (пп. 3-1 п. 1 ст. 56); каждая палата Парламента самостоятельно без участия другой назначает на должности трех судей Конституционного Суда; на пятилетний срок на должности двух членов Центральной избирательной комиссии, трех членов Высшей аудиторской палаты (пп. 1 ст. 57 Конституции).

Мажилису было предоставлено право преодолевать возражения Сената на положения закона: если Мажилис тем же большинством голосов возражает против предложенной Сенатом редакции отдельных статей закона, а также в случае, если Сенат не одобрил закон в целом, разногласия между Палатами разрешаются путем согласительных процедур; в случаях, когда Мажилис большинством голосов от общего числа депутатов Палаты не принял закон в редакции, предложенной согласительной комиссией, Мажилис проводит повторное голосование по закону в ранее принятой редакции; если при повторном голосовании Мажилис большинством в две трети голосов от общего числа депутатов Палаты подтвердит ранее принятое решение, закон в течение десяти дней представляется Президенту на подпись (п. 5 ст. 61). Новеллой выступает также установление права Парламента преодолевать вето Президента на конституционные законы большинством в три четверти голосов от общего числа депутатов каждой из Палат (пп. 1-2 ст. 53).

В результате конституционных преобразований повышены ответственность и потенциал Правительства Казахстана. Оно получило право в рамках реализации законодательной инициативы вносить в Парламент законопроекты в целях оперативного реагирования на условия, создающие угрозу жизни и здоровью населению, конституционному строю, охране общественного порядка, экономической безопасности страны, которые подлежат рассмотрению Парламентом немедленно на совместном заседании его Палат (п. 2 ст. 63). Более того, отныне Правительство в случае внесения в Парламент указанных законопроектов вправе принимать под свою ответственность временные нормативные правовые акты, имеющие силу закона, по обозначенным вопросам, которые действуют до вступления в силу принятых Парламентом законов или до непринятия Парламентом законов (п. 3 ст. 61 Конституции Казахстана).

Учитывая, что реальное разделение властей должно быть обеспечено эффективно действующей судебной властью, важной новеллой выступает переход к модели судебного конституционного контроля посредством восстановления Конституционного Суда Республики Казахстан (начал действовать с 1 января 2023 г.), наделенного значительными полномочиями. Расширены возможности доступа граждан к конституционному правосудию за счет введения конституционной жалобы на нормативные правовые акты Республики Казахстан, непосредственно затрагивающие их права и свободы, закрепленные Конституцией (п. 3 ст. 72 Конституции).

В соответствии с новой редакцией Конституции Узбекистана, принятой на референдуме 30 апреля 2023 г., перераспределены полномочия между Олий Мажлисом, Президентом Республики Узбекистан и Правительством. В частности, наблюдается расширение полномочий Законодательной палаты Олий Мажлиса, в том числе за счет контрольных полномочий. Отметим, что ранее Законом Республики Узбекистан от 16.04.2014 г. № ЗРУ-366 «О внесении изменений и дополнений в отдельные статьи Конституции Республики Узбекистан (ст. 32, 78, 93, 98, 103 и 117)» в целях усиления контрольных функций законодательной власти ст. 78 Конституции Узбекистана была дополнена положением, направленным на конституционное закрепление полномочий палат парламента по осуществлению парламентского контроля, что, по мнению Р.Р. Хакимова имеет огромное значение в развитии конституционных основ системы сдержек и противовесов [7, с. 19]. Новая редакция Конституции Узбекистана 2023 г. в рамках дальнейшего развития института парламентского контроля предоставила палатам Парламента право проводить парламентское расследование в целях изучения фактов и событий, создающих угрозу правам и свободам человека, интересам общества и государства, способных оказать негативное воздействие на основы безопасности, устойчивого развития страны (ч. 1 ст. 103 Конституции).

Для проведения парламентского расследования на паритетных началах из числа депутатов Законодательной палаты и членов Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан создается специальная комиссия, осуществляющая свою деятельность в соответствии с законом (ч. 2 ст. 103).

В целом, опыт конституционной модернизации в странах СНГ продолжает демонстрировать поиск оптимальной модели взаимоотношений главы государства с парламентом и правительством с акцентом на расширение полномочий законодательной власти (в частности, в кадровой сфере, контрольные полномочия и др.). Вместе с тем, на примере некоторых государств (Беларусь, Россия) отчетливо видно, что расширение полномочий Парламента не влечет за собой ослабление позиций Главы государства.

Так, в Российской Федерации ряд кадровых полномочий Президента передан Совету Федерации, расширена компетенция Правительства РФ, а также повышена персональная ответственность его Председателя. В Беларуси некоторые кадровые полномочия Президента были переданы Всебелорусскому народному собранию (далее – ВНС), расширены полномочия Национального собрания Республики Беларусь, сфера деятельности Правительства Республики Беларусь и др.

Вместе с тем в обеих конституциях появились положения, свидетельствующие, несмотря на определенную деконцентрацию президентских полномочий, о более тесной связи Президента с исполнительной властью: в ч. 1 ст. 110 Конституции РФ вводится положение о том, что исполнительную власть Российской Федерации осуществляет Правительство Российской Федерации под общим руководством Президента Российской Федерации; в соответствии с новой ч. 3 ст. 108 Конституции Республики Беларусь постановления Правительства и распоряжения Премьер-министра не должны противоречить законам и решениям Президента Республики Беларусь.

Отдельные государства СНГ демонстрируют усиление сотрудничества между органами государственной власти. Так, в Казахстане с 2022 г. каждая из Палат Парламента получила дополнительные кадровые полномочия; в Беларуси с 2022 г. Палата представителей дает предварительное согласие Президенту на назначение Премьер-министра (п. 4 ст. 97 Конституции), Совет Республики – предварительное согласие Президенту на назначение на должность и освобождение от должности Генерального прокурора, председателя Комитета государственного контроля, Председателя и членов Правления Национального банка (п. 2 ст. 98 Конституции Республики Беларусь). В РФ с 2020 г. расширены полномочия Федерального Собрания по формированию Правительства: Государственная Дума отныне утверждает по

представлению Президента РФ кандидатуру Председателя Правительства РФ, заместителей Председателя Правительства и федеральных министров (за исключением федеральных министров, руководство деятельностью которых осуществляет Президент РФ (пп. а, а. 1) ст. 103), закрепляется необходимость проведения Президентом РФ консультаций с Советом Федерации по предложенным Президентом РФ кандидатурам на должность руководителей федеральных органов исполнительной власти (включая федеральных министров), ведающих вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности (п. к ч. 1 ст. 102 Конституции РФ).

Как отмечается в литературе, «конституционные изменения не ведут к институциональному переустройству государства, Российская Федерация остается президентской республикой. Вместе с тем, достигается баланс сдержек и противовесов в механизме государственной власти путем передачи части полномочий от Президента РФ к парламенту [8, с. 132].

Поддерживая позицию В.Е. Чиркина о том, что «изменяется подход к осуществлению принципа разделения властей, устраняются прежние жесткие или излишне гибкие границы между ними» [9, с. 135], конституционные реформы в странах СНГ демонстрируют продолжение тенденции, связанной с корректировкой системы сдержек и противовесов, в некоторых случаях приводящей к созданию гибридных конструкций.

Определенный интерес вызывает опыт Азербайджана (представляющий собой жесткую модель разделения властей), где по итогам конституционного референдума, прошедшего 26 сентября 2016 г., были не только учреждены должности Первого вице-президента и вице-президентов, но и предоставлено Президенту право распускать Парламент, что по-новому ставит проблему взаимоотношений между ветвями власти в рамках президентской республики. Так, в соответствии с новой ст. 98¹, если один и тот же созыв Милли Меджлиса Азербайджанской Республики дважды в течение года выразит недоверие Кабинету Министров или не назначит в установленный законом срок после двукратного представления Президентом Азербайджанской Республики необходимое число кандидатов для коллегиальной деятельности Конституционного суда, Верховного суда и Правления Центрального банка, а также по неустранимым причинам не выполняет свои обязанности, указанные в ст. 94 и 95, ч. II, III, IV и V ст. 96, ст. 97 Конституции, Президент Азербайджанской Республики распускает Милли Меджлис Азербайджанской Республики. Таким образом, наблюдается отход от классической модели президентской республики, трансформация действующей формы правления посредством включения элемента, характерного для иных разновидностей республики.

Определенная динамика на постсоветском пространстве наблюдается в отношении роспуска парламента как элемента системы сдержек и противовесов. Так, новая редакция Конституции Узбекистана 2023 г. предусмотрела значительное изменение правовой конструкции роспуска парламента (палаты парламента) с случае отклонения кандидатуры на должность Премьер-министра. В первоначальной редакции Конституции Узбекистана от 8 декабря 1992 г. было закреплено, что в случае *двукратного отклонения* Олий Мажлисом кандидатуры на должность Премьер-министра Президент Республики Узбекистан *назначает исполняющего обязанности Премьер-министра и распускает* Олий Мажлис Республики Узбекистан (ч. 15 ст. 98). Действующая редакция Основного Закона Республики Узбекистан от 8 декабря 1992 г. (в ред. 2023 г.) устанавливает, что в случае *трехкратного отклонения* представленных кандидатур на должность Премьер-министра Президент Республики Узбекистан *назначает Премьер-министра и вправе распустить* Законодательную палату Олий Мажлиса Республики Узбекистан (ч. 5 ст. 118). Анализ представленных правовых конструкций демонстрирует, что новое положение помимо формального изменения числа отклонений (увеличение до 3-х), указания на представление каждый раз новой кандидатуры, содержит недостатки, существенно влияющие на используемую в государстве модель разделения властей, усиливая риски противостояния между законодательной и исполнительной ветвями власти. Система сдержек и противовесов в данном случае, на наш взгляд, является недостаточно сбалансированной, и Президент в данном случае не выступает в качестве арбитра в споре между законодательной и исполнительной ветвями власти, поскольку назначает Премьер-министра, т. е. данное должност-

ное лицо должно быть обязательно назначено даже после трехкратного отклонения Законодательной палатой Олий Мажлиса представленных кандидатур (ч. 5 ст. 118 Конституции). Возникает ряд вопросов: Премьер-министр назначается согласно или вопреки воле палаты Парламента; насколько целесообразно конституционное закрепление механизма, предусматривающего обращение к палате Парламента, если в конечном итоге данный вопрос может быть решен и без нее. По нашему мнению, более последовательной и сбалансированной представляется правовая конструкция, ранее используемая в Конституции Узбекистана (до 2023 г.), позволяющая Президенту использовать конституционные средства для урегулирования создавшейся ситуации: назначить исполняющего обязанности Премьер-министра, распустить Парламент (палату) и назначить новые выборы. Подобный сбалансированный механизм также закреплен в Конституции Республики Беларусь (ч. 5 ст. 106 Конституции).

Отметим, что в результате конституционной реформы 2020 г. в Российской Федерации был расширен перечень оснований для роспуска Государственной Думы по инициативе Президента РФ (ст. 111, 112 Конституции), в Республике Беларусь в 2022 г. введено дополнительное ограничение для роспуска Парламента в последний год его полномочий (ч. 5 ст. 94 Конституции). В Казахстане вследствие внесенных в 2007 г. изменений и дополнений в Конституцию основание для роспуска Парламента (нижней палаты) – двукратный отказ в даче согласия на назначение Премьер-министра – было отменено, сохранилась общая норма о праве Президента после консультаций с председателями Палат Парламента и Премьер-Министром распустить Парламент или Мажилис Парламента (ч. 1 ст. 63), а также ограничения для роспуска по времени. Таким образом, право роспуска Президента Казахстана как один из основных элементов баланса властей в республике смешанного типа теперь не ограничено по основаниям, что, на наш взгляд, выступает недостатком действующей правовой конструкции.

В отношении вето Президента как элемента системы сдержек и противовесов следует обратиться к опыту Казахстана, где с 2022 г. Мажилис получил право преодоления, при необходимости, неодобрения Сенатом законопроекта; включен также юридический механизм преодоления Парламентом возражений Президента по конституционным законам.

Конституционная практика отдельных стран СНГ знает примеры регламентации абсолютного вето президента, что нетипично для демократических государств и нарушает принцип разделения властей, поскольку система сдержек и противовесов в этом вопросе не работает. Так, в соответствии с Конституцией Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 г. (с дополнениями и изменениями, принятыми на всенародном голосовании (референдуме) 18 марта 2009 г., 26 сентября 2016 г.), «если Президент Азербайджанской Республики не подпишет Конституционные законы, то они не вступают в силу» (ч. 2 ст. 110).

В некоторых государствах СНГ в результате последних конституционных реформ можно наблюдать укрепление судебной власти, что связано с восстановлением конституционных судов (Казахстан, Кыргызстан), развитием конституционного правосудия в свете расширения полномочий конституционных судов (Беларусь, Россия).

Таким образом, последние конституционные изменения на постсоветском пространстве касаются расширения полномочий парламента (кадровых, контрольных) (Беларусь, Казахстан, Россия, Узбекистан), изменения его роли (Казахстан), установления более тесной связи Президента с исполнительной властью (Беларусь, Россия), усиления сотрудничества между ветвями власти (Беларусь, Казахстан, Россия), появления новых институциональных отношений в связи с конституционализацией новых, прежде всего, представительных органов (Беларусь, Кыргызстан). Конституционные реформы в некоторых странах СНГ свидетельствуют об определенном отходе от жестких форм организации власти, продолжается создание гибридных конструкций, корректировка системы сдержек и противовесов, укрепляется судебная власть.

Подводя итог, отметим, что на постсоветском пространстве продолжается поиск оптимальной модели институциональной системы государства на основе принципа разделения властей, суть которого в современном понимании сводится к усилению конструктивного взаимодействия ветвей власти, их более тесному сотрудничеству при сохранении и развитии характерной для каждого государства системы мер взаимного контроля и сдерживания.

Литература

1. Антонов, А. В. Конституционные реформы 2020-х годов в Киргизии и Казахстане / А. В. Антонов, Н. А. Павлов // Журнал Конституционного правосудия. – 2024. – № 4. – С. 20–30.
2. Василевич, Г. А. Новеллы белорусской Конституции как фактор устойчивого развития государства / Г. А. Василевич // Право.by. – 2022. – № 2 (76). – С. 14–23.
3. Василевич, Г. А. Обновленная Конституция Республики Беларусь : ответы на вызовы современности / Г. А. Василевич, Т. С. Масловская // Конституционное право и муниципальное право. – 2024. – № 3. – С. 34–44.
4. Миклашевич, П. П. Обновленная Конституция Республики Беларусь : сущностное содержание поправок / П. П. Миклашевич // Веснік Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь. – 2022. – № 2. – С. 5–34.
5. Сазон, К. Д. Конституционная модернизация в контексте обеспечения национальных интересов Республики Беларусь / К. Д. Сазон // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2022. – № 1 (3). – С. 23–29.
6. Чуприс, О. И. Изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь : олицетворение самобытности Основного Закона и обновленной государственности // Право.by. – 2022. – № 2 (76). – С. 5–13.
7. Хахимов, Р. Р. Реализация принципа разделения властей в Узбекистане / Р. Р. Хахимов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2015. – № 1. – С. 19.
8. Хабриева, Т. Я. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» / Т. Я. Хабриева, А. А. Клишас. – М. : Норма ИНФРА-М, 2020. – 240 с.
9. Чиркин, В. Е. Конституция российская модель / В. Е. Чиркин. – М. : Юристъ, 2002. – 160 с.

Становление и развитие института служебных объектов патентного права в Республике Беларусь

О.Е. МЕЛЬНИКОВА

На сегодняшний день вопросы прав на служебные объекты становятся особенно актуальными из-за роста инновационной деятельности в экономике. Республика Беларусь активно развивает высокотехнологичные отрасли, такие как информационные технологии, биотехнологии, машиностроение и другие, где разработка и защита патентов важна для конкуренции и науки. Современные нормы формировались с учетом исторического опыта регулирования патентно-правовых отношений, анализ их становления и развития имеет особое значение для установления положительных и отрицательных сторон.

Ключевые слова: полезная модель, промышленный образец, патент, правовые нормы, привилегии, изобретательское право, патентное право, служебное задание, служебные объекты патентного права, изобретение, трудовые обязанности.

Today, the issues of rights to service objects are becoming especially relevant due to the growth of innovative activity in the economy. The Republic of Belarus is actively developing high-tech industries, such as information technology, biotechnology, mechanical engineering and others, where the development and protection of patents is important for competition and science. Modern norms were formed taking into account the historical experience of regulating patent-legal relations, the analysis of their formation and development is of particular importance for establishing positive and negative aspects.

Keywords: utility model, industrial model, patent, legal norms, privileges, invention law, patent law, official assignment, official objects of patent law, invention, labor duties.

Введение. В настоящее время интеллектуальная собственность и интеллектуальная деятельность стали ключевыми составляющими современной экономики, роста и сохранения конкурентоспособности на внешнем и внутреннем рынках. Также им принадлежит ведущая роль в развитии человеческого капитала, инноваций и привлечении инвестиций. Особенно это касается служебных результатов интеллектуальной деятельности как основы высокотехнологичного инновационного развития экономики. Повышение роли интеллектуальной собственности в развитии ряда секторов национальной экономики, а также создание экономики, основанной на знаниях, в соответствии со Стратегией Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 г. являются основными целями государственной политики.

Значительное количество белорусских ученых активно занимается изучением проблем служебных объектов в сфере интеллектуального патентного права. Это связано с растущей значимостью вопросов защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные в рамках трудовых отношений, в условиях стремительного развития науки и технологий. Исследования охватывают широкий спектр вопросов, включая правовые, экономические и организационные аспекты, а также анализируют практику применения законодательства, что способствует дальнейшему совершенствованию правовой базы в этой области и её адаптации к международным стандартам.

В своих исследованиях белорусские правоведы, такие как профессора В.И. Гришук и Е.А. Мацкевич, анализируют вопросы правового статуса служебных изобретений, а также права работников на результаты их интеллектуальной деятельности в контексте трудового законодательства. Работы С.С. Лосева посвящены теоретическим аспектам служебных объектов и практическим вопросам их защиты в рамках современной юридической системы. Д.В. Иванов подчеркивает важность правового регулирования служебных объектов интеллектуальной собственности и необходимости улучшения законодательных механизмов для их защиты. Он акцентирует внимание на необходимости четкой регламентации прав и обязанностей сторон в трудовых и патентных соглашениях для предотвращения споров и повышения правовой определенности.

Что касается законодательства института служебных объектов патентного права, то оно прошло долгий исторический путь развития. Анализ истории их появления и развития до настоящего времени позволяет проследить динамику становления законодательства и выявить особенности правового регулирования.

Основная часть. Формирование законодательства, регулирующего отношения, возникающие в процессе получения и последующего использования служебных результатов интеллектуальной деятельности, имеет длительную историю своего развития.

П.П. Баттахов в своей диссертационной работе отмечает, что в период рабовладельческого строя и эпоху феодализма подобного законодательства не существовало по причине отсутствия побудительных мотивов и предпосылок для урегулирования отношений, связанных с новациями [1].

Первые попытки законодательной защиты прав изобретателей проявились в XV в. на территории Франции и Венецианской Республики, где выдавались специальные грамоты-патенты и положения о привилегиях.

Поступательное развитие капиталистических отношений, устойчивый рост промышленного производства, в совокупности с постоянным увеличением интереса собственников промышленного капитала в закреплении за собой прав на технические новшества, создаваемые наемными работниками, привели к формированию соответствующей договорной практики. Впоследствии именно эта договорная практика послужила основой для формирования в законодательстве специальных норм, предусматривающих право работодателя получать патенты на изобретения, создаваемые наемными работниками. Возникновение института служебных изобретений можно отнести к рубежу XIX–XX вв.

Становление патентного законодательства Российской империи, в состав которой на тот момент входили белорусские земли, началось только в самом начале XIX в. [2].

В 1801 г. императором Александром I был принят Указ «О поощрении учинивших изобретения и открытия к усовершенствованию земледелия, торговли и промыслов» [3]. Этот указ стал одним из первых шагов в направлении поддержки и стимулирования научных исследований и изобретений в России в начале XIX в., что сыграло важную роль в развитии промышленности и сельского хозяйства того времени. Он содержал законодательно оформленную норму об охране изобретений и некоторых гарантиях для новаторов. Тем не менее, данный документ имел ряд значительных недостатков, главным образом выражавшихся в избыточной общности формулировок, которые требовали дальнейшей детализированной проработки и конкретизации.

Обобщение, систематизация и конкретизация вопросов и положений изобретательского права проявилась в принятом в 1812 г. Манифесте «О привилегиях на разные изобретения и открытия в ремеслах и художествах», в котором был установлен порядок выдачи и прекращения, форм и сроков действия привилегий на изобретения, а также устанавливался порядок судебных разбирательств.

Последним законодательным актом в сфере патентного права, принятым в Российской Империи, стало «Положение о привилегиях на изобретения и усовершенствования» от 1896 г. Основной уклон принятый документ делал на охране технических новшеств в промышленной сфере.

Пожалуй, подводя черту под этим периодом, можно сказать, что регулирование служебных результатов интеллектуальной деятельности было фрагментарным. Идеи интеллектуальной собственности в этот период только начинали развиваться в научной и правовой среде. Основное внимание уделялось правам авторов на результаты их труда, но в контексте служебных объектов нормативное регулирование отсутствовало.

После революции 1917 г. на территории белорусских земель, как и на всей территории бывшей Российской империи, меняются внутривнутриполитические отношения и экономический уклад государства, формируется новая законодательная система.

В советский период законодательство не применяло термина «служебный объект интеллектуальной собственности». Однако правовой режим изобретений и промышленных образцов, созданных авторами, работающими по найму, отличался от создаваемых авторами вне рамок трудовых отношений.

Специальные нормы о служебных изобретениях были закреплены в Постановлении о патентах на изобретения, утвержденном Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 12 сентября 1924 г. «О патентах на изобретения» [4].

В соответствии с положениями данного Постановления патент мог быть выдан не только на имя физического лица, но и на имя юридического лица при определенных установленных правовыми актами условиях. Данное положение являлось законодательной новацией. Порядок выдачи патента на имя организации предусматривал создание изобретения работником в соответствии с письменным заданием организации и осуществляемое им в рамках служебных обязанностей.

С развитием советского законодательства в области интеллектуальной собственности признаки, которым должны были соответствовать изобретения, что бы их можно было отнести к служебным, неоднократно корректировались. Вносимые изменения либо расширяли, либо сужали круг результатов научного (технического) творчества, права на которые закреплялись за лицами, их авторами не являвшимися. Существенное изменение в определение служебного изобретения внесло Положение об изобретениях и технических усовершенствованиях, утвержденное постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 9 апреля 1931 г. № 3/256 [5].

Данное Положение вносило существенные изменения в определение признаков служебного изобретения, установленных рассмотренным выше Постановлением. В соответствии с документом к категории служебных могли относиться изобретения, созданные изобретателями в связи с их трудовой деятельностью в ряде специализированных организаций (научно-исследовательские институты, конструкторские бюро, опытные цеха, лаборатории и иные подобные органы по изысканию, разработке и испытанию изобретений).

Данный правовой акт упразднил требование о создании изобретения исключительно в рамках выполнения служебного задания для отнесения его к категории служебного. При этом одним из наиболее важных признаков стало условие о создании изобретения в специализированной организации.

Следующим шагом законодательных органов стало максимальное расширение круга изобретений, определяемых как служебные. Положение об изобретениях и технических усовершенствованиях и о порядке финансирования изобретательской деятельности, техническим усовершенствованиям и рационализаторским предложениям, утвержденное постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 5 марта 1941 г. № 448 [6], исключило признак, в соответствии с которым изобретение должно было быть создано исключительно в рамках в специализированной организации, выделив только один признак для признания изобретения служебным, а именно создание изобретения в связи с трудовой деятельностью.

В последующем характерные признаки, присущие категории служебных изобретений, вновь были уточнены, что отразилось в Положении об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, утвержденным постановлением Совета Министров СССР № 435 [7], принятым в 1959 г. В соответствии с указанным документом к признакам служебных изобретений были отнесены:

- наличие трудовой связи между организацией и изобретателем;
- изобретение должно быть создано в плановом порядке или в рамках разового задания, данного руководством организации.

В отношении прав на произведения, созданные работником, впервые была включена регулирующая правовая норма в 1961 г. Основы гражданского законодательства СССР от 1961 г. [8] и Гражданский кодекс БССР 1964 г. [9] в частности регулировали принадлежность авторского права на произведение, созданное автором в порядке выполнения служебного задания в научной или иной организации.

Важным этапом в истории белорусского законодательства о служебных результатах интеллектуальной деятельности как объектах гражданских прав стало присоединение в 1965 г. СССР к Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г. Благодаря вступлению появилась возможность защищать патенты, товарные знаки и другие объекты интеллектуальной собственности на международной арене. Это обеспечивало более широкий и безопасный рынок для белорусских изобретений и инноваций за рубежом.

Дальнейшее развитие законодательства СССР привело к нормам права, предусматривающим и регламентирующим передачу автором исключительного права государству на любое изобретение, а не только в отношении созданного в рамках выполнения служебных обязанностей. Постановление Совмина СССР от 21 августа 1973 г. № 584 «Об утверждении Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях» [10] способствовало унификации и развитию норм о служебных изобретениях. Согласно Положению, работодатель имел приоритет в оформлении прав на служебные изобретения, а порядок и сроки их регистрации были строго регламентированы. Авторское право на изобретения и иные произведения, созданные в рамках выполнения служебного задания, сохранялись за их автором.

Термины «служебное изобретение» и «служебное произведение» были введены в Основы гражданского законодательства СССР лишь в 1991 г. [11]. Так в соответствии со ст. 146 «служебное изобретение» определялось, как изобретение, которое создано работником в рамках выполнения служебного задания. Схожие нормы были отражены в Законе СССР «Об изобретениях в СССР» [12], принятом в 1991 г.

В целом законом регламентировалась широкая совокупность правовых аспектов изобретения, правовой охраны изобретений, трудовых и иных прав изобретателей. Главенствующими были не служебные обязанности, а служебное задание и его цель, так как именно она определяла пределы использования служебного изобретения. Кроме того, был регламентирован принцип распределения авторских прав, в соответствии с которым работодатель получает авторские права на служебное изобретение только в случае наличия предварительного заключенного договора об уступке прав на будущие изобретения работодателю.

Итоги этого периода можно выразить следующим образом. Законодательство о служебных результатах интеллектуальной деятельности начало развиваться в 1920-е гг., когда был принят ряд актов, регулирующих патентование изобретений и охрану прав на результаты научной и изобретательской деятельности. Оно отличалось государственной монополией на изобретения и обязательной передачей исключительных прав государству. Разработанные новшества подлежали обязательной экспертизе и регистрации, что усиливало контроль государства над инновационной деятельностью. На этот период приходятся более четкие попытки законодательного разделения прав на изобретения, созданные в рамках трудовых отношений.

С распадом СССР в Республике Беларусь, как и в других странах СНГ, началась трансформация правовой системы. Первые законодательные акты, принятые в Республике Беларусь в области охраны объектов интеллектуальной деятельности, сохранили понятие «служебное изобретение».

Закон Республики Беларусь «О патентах на изобретения» № 2177-ХІІ, принятый в 1993 г., уточнил рассматриваемое понятие. В соответствии с Законом изобретение относится к категории служебных, если предмет этого изобретения относится к области деятельности нанимателя и при условии, что деятельность, которая привела к созданию изобретения, входит в круг служебных обязанностей автора [13]. Таким образом, заключение договора осталось обязательным условием, а вот «служебным» стало считаться не изобретение, созданное по заданию нанимателя, а изобретение, созданное в ходе выполнения автором своих служебных обязанностей и при этом, относящееся к области деятельности нанимателя.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 1993 г. № 2179-ХІІ «О патентах на промышленные образцы» патент на промышленный образец выдается нанимателю, по заданию которого создан промышленный образец, если между работником и нанимателем заключен соответствующий договор. Промышленный образец считается созданным в порядке служебного задания, если он относится к области деятельности нанимателя, и при условии, что деятельность, которая привела к созданию промышленного образца, относится к служебным обязанностям автора [14]. Таким образом, впервые введенный термин «служебные» для промышленных образцов включал все ранее применявшиеся к изобретениям критерии авторского права, включая обязательность договора между работником и нанимателем, выполнение задания в рамках служебных обязанностей автора и соответствие сфере деятельности нанимателя.

В Законе Республики Беларусь от 13 апреля 1995 г. № 3725-ХІІ «О патентах на сорта растений» [15] впервые было введено понятие «служебный сорт». В Законе предусмотрено, что патент на такой сорт выдается нанимателю, по заданию которого создан сорт, если между ним и автором был заключен соответствующий договор.

Впоследствии нормы, закрепленные в законодательстве Республики Беларусь, подверглись радикальным изменениям. В Законе Республики Беларусь от 08 июля 1997 г. № 54-З «О патентах на изобретения и полезные модели» [16] определение служебного изобретения осталось прежним, а вот норма о том, что право нанимателя получить на него патент должно быть специально предусмотрено в заключенном с работником договоре, была заменена презумпцией принадлежности этого права нанимателю в любом случае, если только договором между автором и нанимателем не предусмотрено иное. Одновременно с этим, норма, заложенная в последнем абзаце ст. 5, сохранила упоминание о договоре между работником и нанимателем и распределении прав между ними, чем вступала в противоречие с вновь введенной нормой. Применяемая в ст. 5 данного Закона формулировка «в случае отсутствия между работником и нанимателем соответствующего договора или если наниматель отказался от притязаний на патент либо в течение трех месяцев с даты уведомления автора о своих притязаниях на патент не подал заявку на изобретение, полезную модель, автор имеет право подать заявку и получить патент» не позволяла однозначно сказать, кому же принадлежат права на патентование, если не был заключен договор между нанимателем и работником.

Впоследствии в белорусском законодательстве были объединены права таких объектов, как изобретения, полезные модели и промышленные образцы. Кроме того, было увеличено число оснований для признания вышеперечисленных объектов служебными. В соответствии с Законом Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. № 160-З «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» право на получение патента на служебные изобретения, полезные модели, промышленные образцы, которые были созданы работниками, принадлежат нанимателю, если в договоре не предусмотрено иное. Изобретения, полезные модели, промышленные образцы относятся к категории служебных, если они относятся к области деятельности нанимателя при условии, что деятельность, которая привела к их созданию, относится к служебным обязанностям работника, либо они созданы в связи с выполнением работником конкретного задания, полученного от нанимателя, либо при их создании работником были использованы опыт или средства нанимателя» [17]. Таким образом, наниматель мог без заключения договора, практически в любой ситуации сказать, что объект считается служебным, так как трудно оспорить не использование опыта или средств нанимателя его работником в отношении созданного объекта.

В отношении топологии интегральных микросхем впервые регулирование прав между нанимателем и работником нашло отражение в Законе Республики Беларусь от 07 декабря 1998 г. № 214-З «О правовой охране топологий интегральных микросхем» и не подверглось корректировке вплоть до действующей редакции закона [18]. В отличие от других объектов интеллектуальной собственности, здесь изначально была заложена презумпция принадлежности исключительного права на служебную топологию нанимателю, и только в случае заключения договора, предусматривающего иное, право на служебную топологию могло быть признано за создавшим ее работником.

Закон Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» от 17 мая 2011 г. № 262-З [19], содержащий понятие «служебное произведение» имел несколько редакций, пройдя эволюционный путь развития правовых норм и терминологического аппарата.

Редакция Закона от 1996 г. требовала заключения договора между автором и нанимателем даже в отношении служебного произведения, при этом не ограничивая права автора получать вознаграждение за каждый вид его использования, в том числе и самим нанимателем.

Во второй редакции Закона от 1998 г. произошло существенное расширение перечня оснований для признания произведения служебным, была установлена презумпция принадлежности имущественных прав на служебные произведения нанимателю, а личных неимущественных – автору, если иное не предусмотрено договором.

К недостаткам ранних редакций рассматриваемого Закона стоит отнести недостаточную разработанность понятийного аппарата в части определения понятий «служебное произведение», «служебное задание» и «служебные обязанности». Также Закон содержал правовые пробелы в регулировании правопреемства исключительных прав на служебные произведения в случае ликвидации организации, владеющей ими.

В действующей редакции Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» от 17 мая 2011 г. № 262-З содержится определение понятия «служебное произведение», в соответствии с которым служебное произведение является продуктом трудовых отношений. Исключительные права принадлежат автору с последующим автоматическим переходом этих прав от автора к нанимателю. Законом установлено право автора и его наследников на возврат исключительных прав при определенных установленных законом условиях.

Заключение. История развития законодательства о служебных результатах интеллектуальной деятельности прошла долгий путь развития. На каждом этапе отмечается наличие выраженных черт поступательного эволюционного развития.

На основании проведенного в рамках данной работы ретроспективного анализа была разработана авторская периодизация истории развития законодательства о служебных результатах интеллектуальной деятельности, включающая четыре этапа.

Первый этап (начало XIX – 20-е гг. XX в.) – в этот период правовое регулирование служебных результатов интеллектуальной деятельности было слабо развито. Основное внимание уделялось правам авторов на изобретения и творческие результаты, но служебные объекты не имели четкой правовой регламентации. Институт интеллектуальной собственности только начинал формироваться.

Второй этап (20-е–60-е гг. XX в.) – в этот период начинают формироваться основные нормы и принципы правового регулирования интеллектуальной собственности, включая служебные результаты. Появляются первые законодательные акты, регулирующие права на изобретения, созданные в рамках трудовых отношений. Основное внимание уделяется охране прав государства, а не отдельных изобретателей. В 60-е гг. начинается более четкое регулирование служебных объектов.

Третий этап (60-е гг. – 91 г. XX в.) – с переходом к рыночной экономике и изменением политической системы начинают активно пересматривать законодательство в области интеллектуальной собственности. В это время принимаются первые законы о патентах, но вопросы регулирования служебных результатов остаются недостаточно проработанными. Республика Беларусь адаптирует правовые нормы к международным стандартам.

Последний четвертый этап (начало 90-х гг. XX в. по настоящее время) связан с формированием национального законодательства. На данном этапе внедряются новые элементы правового регулирования, ориентированные на инновационное развитие, усиление защиты прав нанимателей и работников.

В настоящее время в Республике Беларусь действует целая система законодательных актов, обеспечивающих правовое регулирование служебных результатов интеллектуальной деятельности.

Литература

1. Баттахов, П. П. Право интеллектуальной собственности в предпринимательстве : проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / П. П. Баттахов. – М., 2016. – 392 л.
2. Витушко, В. А. Государственное гражданско-правовое регулирование рынка / В. А. Витушко. – Минск : БГЭУ, 1996. – 176 с.
3. Судариков, С. А. Право интеллектуальной собственности : учебник / С. А. Судариков. – М. : Проспект, 2008. – 367 с.
4. О патентах на изобретения : пост. ЦИК СССР и СНК СССР, 12 сент. 1924 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства СССР. – 1924. – № 9. – Ст. 97.
5. Об изобретениях и технических усовершенствованиях : постановление ЦИК СССР и СНК СССР, 9 апреля 1931 г., № 3/256 // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства СССР. – 1931. – № 21. – С. 180–181.

6. Об утверждении Положения об изобретениях и технических усовершенствованиях и о порядке финансирования затрат по изобретательству, техническим усовершенствованиям и рационализаторским предложениям : постановление СНК СССР, 5 марта 1941 г., № 448 // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства СССР. – 1941. – № 9. – С. 150–151.

7. Об утверждении Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, и Инструкции о вознаграждении за открытия, изобретения и рационализаторские предложения : постановление Совета Министров СССР, 24 апреля 1959 г., № 435 // Собрание Постановлений Правительства СССР. – 1959. – № 9. – С. 59.

8. Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик : Закон СССР, 8 декабря 1961 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1964. – № 50. – С. 525.

9. Об утверждении Гражданского кодекса Белорусской ССР : Закон БССР, 11 июня 1964 г. // Собрание законов БССР, указов Президиума Верховного Совета БССР. – 1964. – № 17. – С. 183.

10. Об утверждении положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров СССР, 21 авг. 1973 г., № 584 : в ред. постановления Совмина от 09.01.1989 г., № 18 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

11. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик [Электронный ресурс] : утв. Верховным советом СССР, 31.05.1991 г., № 2211-1 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

12. Об изобретениях в СССР [Электронный ресурс] : Закон СССР, 31 мая 1991 г., № 2213-1 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

13. О патентах на изобретение [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 февр. 1993 г., № 2177-ХП // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

14. О патентах на промышленные образцы [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 февр. 1993 г., № 2179-ХП // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

15. О патентах на сорта растений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 апр. 1995 г., № 3725-ХП // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

16. О патентах на изобретения и полезные модели [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 июля 1997 г., № 54-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

17. О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 16 дек. 2002 г. № 160-3 : в ред. от 18 дек. 2019 г., № 275-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

18. О правовой охране топологий интегральных микросхем [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 214-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 дек. 2018 г., №151-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

19. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 мая 2011 г., № 262-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09 янв. 2023 г., № 243-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

Научно исследовательский институт
пожарной безопасности и проблем
чрезвычайных ситуаций МЧС Республики Беларусь

Поступила в редакцию 13.09.2024

Актуальные вопросы защиты персональных данных в сфере здравоохранения

Л.Е. МОЖАЕВА¹, А.А. МОЖАЕВА²

В настоящей статье авторы анализируют развитие законодательства о защите персональных данных в здравоохранении, требования к их обработке и защите, особенности обработки при формировании электронной медицинской карты, информационных систем и информационных ресурсов в здравоохранении. Особое внимание авторы уделяют вопросам защиты таких персональных данных, как фото- и видеоизображение.

Ключевые слова: видеонаблюдение, врачебная тайна, обработка, организация здравоохранения, пациент, персональные данные, работник здравоохранения, согласие, специальные персональные данные, отзыв, защита.

In this article, the authors analyze the development of legislation on the protection of personal data in healthcare, the requirements for their processing and protection, and the specific features of processing while creating electronic medical records, information systems and information resources in healthcare. The authors pay particular attention to the issues related to the protection of personal data such as photo and video images.

Keywords: video observation, medical confidentiality, processing, healthcare organization, patient, personal data, healthcare worker, consent, special personal data, revocation, protection.

В Республике Беларусь персональным данным как части информации о частной жизни лица гарантируется защита со стороны государства. Именно на государство Конституция Республики Беларусь возлагает обязанность создать условия для их защиты. Это реализуется, прежде всего, через формирование соответствующего правового механизма.

Первым нормативным актом, регулирующим вопросы защиты персональных данных, стал Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации». Его положения носили общий характер и предусматривали получение согласия физического лица на обработку его персональных данных в письменной форме, если иное не было установлено законодательными актами. Однако конкретный механизм обработки и защиты персональных данных в данном законе отсутствовал.

Механизм защиты персональных данных в сфере здравоохранения начал формироваться в 2019 г., когда после внесенных изменений в Закон Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. № 418-З «О регистре населения» Министерство здравоохранения Республики Беларусь стало вносить в регистр населения персональные данные об инвалидности.

Далее регулирование вопросов защиты персональных данных в здравоохранении осуществляется нормативными правовыми актами, регламентирующими эксплуатацию централизованной информационной системы здравоохранения (ЦИСЗ), – Законом Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХП «О здравоохранении» (далее – Закон «О здравоохранении»), постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 28 мая 2021 г. № 64 и постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 7 июня 2021 г. № 74. Основным требованием к внесению и обработке персональных данных пациента было закреплено получение письменного согласия пациента или лиц, указанных в ч. 2 ст. 18 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении», оформленного в государственной организации здравоохранения. Данное согласие может быть сформировано в форме электронного документа и включено медицинским работником в электронную медицинскую карту пациента в виде электронной копии документа на бумажном носителе либо электронного документа. Отметим, что утвержденная форма данного согласия не предусматривает срока его действия. Был предусмотрен и порядок отзыва согласия на внесение и обработку персональных данных пациента.

Принятый 7 мая 2021 г. Закон Республики Беларусь № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон «О защите персональных данных») закрепил определения основных терминов в данной сфере и стал основным нормативным актом, регулирующим вопросы защиты персональных данных в Республике Беларусь.

В сфере здравоохранения обрабатываются персональные данные таких физических лиц, как работники здравоохранения, соискатели, пациенты, их близкие родственники, посетители организаций здравоохранения. Объем такой информации является значительным. При этом на часть такой информации распространяется режим врачебной тайны.

Закон «О защите персональных данных» унифицировал их понятие. Именно в таком значении термин «персональные данные» используется в других нормативных правовых актах. Кроме того, данный Закон выделил общедоступные и специальные персональные данные. Каждая категория имеет свой правовой режим.

Физическое лицо, само распространяя свои персональные данные различными способами, делает их общедоступными. Общедоступными становятся и персональные данные, распространенные в соответствии с требованиями законодательных актов, например, информация о руководителе государственного учреждения здравоохранения и его заместителях, размещенная на официальном сайте. Это сведения о должности, фамилии, имени, отчестве, фотографическое изображение лица.

Что касается специальных персональных данных, то именно в сфере здравоохранения они обрабатываются чаще, например, данные, содержащиеся в медицинских картах, справках (заключениях) пациентов. Отдельным видом специальных персональных данных являются генетические, которыми располагают организации здравоохранения, имеющие специализированные лаборатории. Сведения о физиологии и здоровье человека не относятся к категории генетических персональных данных, но имеют режим специальных персональных данных. Отметим, что специальные персональные данные, касающиеся состояния здоровья, о наличии заболевания, диагнозе будут иметь правовой режим врачебной тайны и порядок защиты данной информации будет определяться именно ст. 46 Закона «О здравоохранении».

Организации здравоохранения, обрабатывая персональные данные, должны исходить из соразмерности их объема заявленным целям обработки. Запрещается обрабатывать избыточные персональные данные работников здравоохранения и пациентов.

Кроме того, организации здравоохранения вправе обрабатывать персональные данные после получения согласия физического лица на их обработку. Согласие физического лица необходимо получить при формировании электронной медицинской карты пациента, информационных систем и информационных ресурсов в здравоохранении. Например, при ведении электронной карты пациента, внесении сведений о пациенте в информационную систему, записи на прием или вызове врача-специалиста на дом с помощью сети Интернет и т. п.

Однако ст. 6 и п. 2 ст. 8 Закона «О защите персональных данных» предусматриваются основания обработки персональных данных без согласия физического лица. Так, в целях организации оказания медицинской помощи при условии, что такие персональные данные обрабатываются медицинским, фармацевтическим или иным работником здравоохранения, на которого возложены обязанности по обеспечению защиты персональных данных и в соответствии с законодательством распространяется обязанность сохранять врачебную тайну, а также для осуществления административных процедур специальные персональные данные обрабатываются без согласия физического лица (п. 2 ст. 8 Закона «О защите персональных данных»). В случае офлайн-записи пациента на прием, выдачи талона персональные данные, которые не относятся к специальным, например, фамилия, имя, отчество, адрес и т. п., обрабатываются без согласия, поскольку обработка персональных данных является необходимой для выполнения обязанностей организации здравоохранения, предусмотренных законодательными актами.

Остальные персональные данные без согласия физического лица могут обрабатываться для защиты жизни, здоровья или иных жизненно важных интересов субъекта персональных данных или иных лиц, если получение согласия субъекта персональных данных невозможно (абз. 18 ст. 6 Закона «О защите персональных данных»), например, в случае оказания ему

экстренной медицинской помощи. Также в деятельности организации здравоохранения могут встречаться такие основания для обработки персональных данных без согласия физического лица, как получение персональных данных организацией здравоохранения на основании договора, заключенного (заключаемого) с физическим лицом, в целях совершения действий, установленных этим договором, при оформлении трудовых (служебных) отношений, а также в процессе трудовой (служебной) деятельности работника здравоохранения в случаях, предусмотренных законодательством (ст. 6 Закона «О защите персональных данных»).

Осуществляя административные процедуры, организации здравоохранения также обрабатывают персональные данные. Такая обработка осуществляется без согласия физического лица (абз. 20 ст. 6 и абз. 13 п. 2 ст. 8 Закона «О защите персональных данных»).

Выполняя предусмотренные законодательными актами обязанности (реализуя полномочия), организации здравоохранения формируют определенные информационные ресурсы, ведут учет лиц в этих целях. В этих случаях обработка всех персональных данных осуществляется без согласия физического лица (абз. 20 ст. 6 и абз. 17 п. 2 ст. 8 Закона «О защите персональных данных»).

Отметим, что если пациент не дает согласия на внесение персональных данных в электронную медицинскую карту пациента, то обработка его персональных данных должна вестись на бумажных носителях. В целях организации оказания медицинской помощи обработка организацией здравоохранения персональных данных только на бумажных носителях без использования средств автоматизации осуществляется без согласия физического лица. Как видим, определяющим является способ обработки персональных данных.

В случае, когда субъект персональных данных (например, пациент) в организации здравоохранения является несовершеннолетним, до достижения им возраста шестнадцати лет, согласие на обработку его персональных данных дает один из его законных представителей (абз. 2 п. 9 ст. 5 Закона «О защите персональных данных»). При этом данному лицу необходимо подтвердить статус законного представителя соответствующими документами, например, свидетельством о рождении и документом, удостоверяющим личность.

Согласие физического лица должно быть свободным, однозначным и информированным. Как правило, в организациях здравоохранения используется получение согласия на бумажном носителе или иным способом, не запрещенным законодательством. Например, в электронной форме путем проставления физическим лицом соответствующей отметки на интернет-ресурсе. Получение согласия в устной форме не предусмотрено Законом «О защите персональных данных».

Статья 5 Закона «О защите персональных данных» содержит требования к согласию на обработку персональных данных. В 2022 г. Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь разработал рекомендуемую форму данного документа. На основе данных документов организация здравоохранения разрабатывает собственную форму согласия.

В случае возникновения спорной ситуации доказать факт получения согласия на обработку персональных данных физического лица должна организация здравоохранения, а значит, получение согласия должно быть организовано таким образом, чтобы организация здравоохранения в любой момент могла подтвердить данный факт. Целесообразным представляется ведение учета полученных согласий.

Отметим, что согласие на обработку персональных данных может быть и отозвано физическим лицом (его законным представителем). Закон «О защите персональных данных» регламентирует форму подачи подобного заявления - письменная, в виде электронного документа или в форме, посредством которой получено согласие на обработку персональных данных. При этом отзыв согласия имеет действие только на будущее время.

Пациент или лица, указанные в ч. 2 ст. 18 Закона «О здравоохранении», при обращении в государственную организацию здравоохранения по месту закрепления пациента вправе отозвать свое согласие на внесение и обработку персональных данных пациента при формировании электронной медицинской карты пациента, информационной системы, предоставив отзыв согласия. Форма данного отзыва утверждена постановлением Министерства здраво-

охранения Республики Беларусь от 7 июня 2021 г. № 74. В то же время в целях обеспечения полноты и достоверности статистического учета данных о случаях оказания медицинской помощи пациентам владелец (оператор) информационной системы с момента оформления отказа от внесения и обработки персональных данных пациента вправе продолжить хранение и обработку обезличенных данных (информации) пациента в порядке, установленном законодательными актами.

Одним из направлений обработки персональных данных в организации здравоохранения является обеспечение внутриобъектового режима. Применение систем видеонаблюдения в организациях здравоохранения осуществляется на основании Указа Президента Республики Беларусь от 28 ноября 2013 г. № 527 «О вопросах создания и применения системы видеонаблюдения в интересах обеспечения общественного порядка». Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 30 декабря 2013 г. № 1164 организации здравоохранения независимо от формы собственности отнесены к числу объектов, подлежащих обязательному оборудованию средствами системы видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности. Постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 9 сентября 2022 г. № 234 утвержден Регламент функционирования республиканской системы мониторинга общественной безопасности, которым определен типовой перечень зон обзора и задач видеонаблюдения, объекты системы мониторинга и др. В частности, к объектам системы мониторинга отнесены центральные районные (городские) больницы, центральные районные (городские) поликлиники, республиканские научно-практические центры, аптеки 1-й и 2-й категории, а также аптеки с круглосуточным режимом работы. Зоны обзора камерами видеонаблюдения на этих объектах включают проезды на территорию объекта, территорию перед входами (выходами) в здания, а также прилегающую к ним, зоны обнаружения и идентификации лиц людей на входах (выходах) в здания, территорию вестибюля (фойе), приемное отделение, территорию помещения (коридора) перед регистратурой и (или) кабинетом распределения в стационар, а также помещения для хранения наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров. Для обработки персональных данных в рамках данной системы видеонаблюдения согласие физического лица не требуется. При этом видеонаблюдение не включает в себя запись голоса.

Применение камер видеонаблюдения как меры, направленной на борьбу с коррупцией, допустимо при наличии конкретных высоких рисков коррупционного характера, например, в кабинетах административно-управленческого персонала. Оборудование камерами видеонаблюдения для этих целей кабинетов других медицинских работников является недопустимым, поскольку является вмешательством в права и свободы пациентов, в том числе в отношении сведений, составляющих врачебную тайну, как и осуществление видеонаблюдения с целью повышения качества оказания медицинской помощи.

Отметим, что на практике встречаются случаи аудио- и видеозаписи пациентами медицинских работников. Если сбор таких персональных данных физическими лицами осуществляется исключительно для личного использования, не связанного с профессиональной или предпринимательской деятельностью, то положения Закона «О защите персональных данных» на такую обработку не распространяются. В данной ситуации следует руководствоваться ч. 2 ст. 18 Закона «Об информации, информатизации и защите информации», в соответствии с которой сбор, хранение и другие действия с персональными данными медицинских работников должны осуществляться с согласия данного физического лица. При этом форма согласия может быть любой, в том числе устной. Представляется целесообразным регламентировать в локальных правовых актах порядок аудиозаписи, фото- и видеосъемки в учреждении здравоохранения. Данные положения должны учитывать необходимость защиты персональных данных работников, пациентов и посетителей учреждения здравоохранения. Поэтому механизм может предусматривать предварительное согласование аудиозаписи, фото- и видеосъемки в зданиях и служебных помещениях с администрацией организации здравоохранения.

Государственные учреждения здравоохранения регулярно размещают на своих интернет-сайтах фото- и видеоизображения физических лиц. Размещение данных персональных данных может осуществляться без согласия физического лица в новостных рубриках при ос-

вещении проведения мероприятий с участием представителей этого государственного учреждения (пп. 7.5 п. 7 Положения о порядке функционирования интернет-сайтов государственных органов и организаций, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 апреля 2010 г. № 645). В остальных случаях организациям здравоохранения необходимо получить согласие физического лица.

Отметим, что в каждой организации здравоохранения должен быть разработан и внедрен комплекс мер по обеспечению защиты персональных данных. Это утверждение документов, определяющих политику организации в отношении обработки персональных данных, определение структурного подразделения или лица, ответственного за осуществление внутреннего контроля за обработкой персональных данных и др.

Нормы Закона «О защите персональных данных» применяются в отношении организаций здравоохранения независимо от их формы собственности. В качестве методологического документа, направленного на оказание помощи в применении законодательства организациями здравоохранения, Национальным центром защиты персональных данных Республики Беларусь в 2024 г. были разработаны Рекомендации по обработке персональных данных в сфере здравоохранения, которые были согласованы с Министерством здравоохранения и размещены на официальном сайте центра [1].

Таким образом, в Республике Беларусь государственными органами проделана большая работа по созданию механизма защиты персональных данных. Зачастую обработка персональных данных в сфере здравоохранения осуществляется без согласия физического лица. На часть такой информации распространяется режим врачебной тайны, который будет иметь приоритетность в правовом регулировании. Организациям здравоохранения следует разработать целый комплекс локальных правовых актов, направленных на защиту персональных данных, в том числе предусмотреть порядок аудиозаписи, фото- и видеосъемки в зданиях и служебных помещениях пациентами и посетителями. Данный механизм может предусматривать предварительное согласование аудиозаписи, фото- и видеосъемки с администрацией организации здравоохранения, что будет способствовать защите персональных данных как работников, так и других пациентов и посетителей.

Литература

1. Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cpd.by/storage/2025/01/16-Rekomendacii-po-obrabotke-personalnyh-dannyh-v-sfere-zdravoohranenija-1.pdf>. – Дата доступа : 10.12.2024.

¹Гомельский государственный
университета имени Франциска Скорины

²Белорусский государственный
медицинский университет

Поступила в редакцию 10.01.2025

Да пытання аб адміністрацыйнай адказнасці за правапарушэнні супраць бяспекі руху і эксплуатацыі транспарту

А.І. УСАВА

У артыкуле аўтар праводзіць аналіз заканадаўства некаторых замежных дзяржаў, якія прадугледжваюць адказнасць за здзяйсненне адміністрацыйных правапарушэнняў супраць бяспекі руху і эксплуатацыі транспарту. Таксама даследуецца грамадская думка, датычна дэтэрмінантаў названых правапарушэнняў. Адзначаецца неабходнасць увядзення адміністрацыйнай адказнасці за наўмыснае здзяйсненне дзеянняў, якія парушаюць спакой насельніцтва, якія суправаджаюцца парушэннем рознымі спосабамі правілаў дарожнага руху і эксплуатацыі транспарту, а таксама прапануецца ўсталяваць прававую забарону на курэнне і выкарыстанне электронных сістэм падчас кіравання транспартным сродкам.

Ключавыя словы: адміністрацыйная адказнасць, адміністрацыйнае правапарушэнне, бяспека руху, эксплуатацыя транспарту, аўтахуліганства, кіраванне транспартным сродкам.

The author of the article analyzes the legislation of some foreign countries, which provides for liability for administrative offences against traffic safety and operation. The public opinion is also investigated regarding the determinants of these offenses. There is a need to introduce administrative liability for acts of deliberate disturbance of the population, accompanied by various forms of violation of traffic rules and operation of transport, and also proposes a legal ban on smoking and the use of electronic systems while driving.

Keywords: administrative liability, administrative offence, traffic safety, operation of transport, car abuse, driving.

Уводзіны. Забеспячэнне бяспекі дарожнага руху становіцца адной з цэнтральных задач дзяржавы. Пад бяспекай дарожнага руху варта разумець стан дарожнага руху, што забяспечвае мінімальную імавернасць узнікнення небяспекі для руху і дарожна-транспартнага здарэння.

Што да колькасці дарожна-транспартных здарэнняў, здзейсненых на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь, то па звестках, змешчаных на сайце Нацыянальнага статыстычнага камітэта Рэспублікі Беларусь у 2023 г., у рэспубліцы зарэгістравана 3173 дарожна-транспартных здарэнняў, што пацягнулі гібель 436 чалавек, што трохі ніжэй чым у 2022 г. [1].

Захоўваецца досыць высокая ўдзельная вага адміністрацыйных парушэнняў супраць бяспекі руху і эксплуатацыі транспарту.

На гэтым фоне запатрабаваным робіцца вывучэнне грамадскай думкі. Так, аўтарам было праведзена апытанне 207 чалавек, якім было прапанавана адказаць на некалькі пытанняў, што закранаюць дэтэрмінантаў здзяйснення парушэнняў права дадзенага віду, магчымасці ўзмацнення жорсткасці адміністрацыйнай адказнасці за некаторыя дэлікты.

Рэспандэнтамі адзначаюцца наступныя асноўныя фактары, што негатыўна ўплываюць на стан бяспекі дарожнага руху ў сферы іх жыцця:

– нізкая культура паводзін на дарозе ўдзельнікаў дарожнага руху – 44,3 %;

– неспрактываванасць кіроўцаў – 15,6 %;

– нізкая культура паводзін пешаходаў – 15,6 %;

– недахопы ў арганізацыі дарожнага руху і зместу вулічна-дарожнай сеткі – 11,6 %;

– недастатковая праца па прафілактыцы парушэнняў правілаў дарожнага руху і папярэджанні дарожна-транспартных здарэнняў – 12,1 %.

Таксама было прапанавана адказаць на пытанне пра неабходнасць узмацнення жорсткасці адміністрацыйнай адказнасці за парушэнне правілаў дарожнага руху пешаходаў, карыстальнікаў сродкаў персанальнай мабільнасці. Патрэбу ўзмацнення жорсткасці адзначаюць 72,3 %.

На пытанне пра ўзмацненне адказнасці веласіпедыстаў станоўчы адказ далі 65,8 % рэспандэнтаў.

На думку ўдзельнікаў апытання, 61,9 % лічыць абавязковым устанавіць забарону на курэнне кіроўцы ў час кіравання транспартным сродкам.

Асноўная частка. Транспартны сродак з'яўляецца крыніцай павышанай небяспекі. Вельмі важна пры кіраванні ім праяўляць уважлівасць і асцярожнасць, выключаць кіраванне ў нецвярозым стане і так званую «зухаватасць», паняцце якой, напрыклад, у некаторых краінах заканадаўча замацоўваецца як аўтахуліганства.

Цікавае у гэтым пытанні ўяўляе замежны досвед. У прыватнасці, паняцце «аўтахуліганства» замацавана ў Кодэксе Кыргызскай Рэспублікі пра парушэнні (далей – КП КР) і Кодэксе Азербайджанскай Рэспублікі пра адміністрацыйныя парушэнні (далей – КаП АР). Варта заўважыць, што замацаванне на заканадаўчым узроўні ў гэтых краінах дадзенага паняцця адбываецца па-рознаму.

Так, у арт. 189 КП КР пад аўтахуліганствам разумеецца наўмыснае дзеянне кіроўцы транспартнага сродку, што дэманстрацыйна парушае грамадскі парадак і спакой грамадзян, якое выказвае яўную непавагу да грамадства, што суправаджаецца парушэннем Правілаў дарожнага руху і эксплуатацыі транспартных сродкаў (аўтагонкі, паказальная язда рознага віду ў нявызначаных месцах і да т. п.) [2].

Так, у арт. 511 КаП АР пад аўтахуліганствам разумеюцца наўмысныя дзеянні кіроўцы механічнага транспартнага сродку, якія дэманстрацыйна парушаюць грамадскі парадак і спакой насельніцтва, якія выказваюць яўную непавагу да грамадства, суправаджаюцца працяглым парушэннем правілаў дарожнага руху:

1. ажыццяўленне гонак у яўнай форме з удзелам двух ці больш механічных транспартных сродкаў;
2. кіраванне механічным транспартным сродкам з адрывам аднаго ці больш колаў ад паверхні дарогі;
3. працяглы гук шаравання колаў аб паверхню дарогі ці шматлікія сляды колаў на паверхні дарогі, што ўзнікаюць у выніку раптоўнага паскарэння механічнага транспартнага сродку [3].

На падставе адлюстраваных артыкулаў варта адзначыць, што ў КаП АР адзначаецца, што наўмысныя дзеянні павінны быць працяглымі, чаго не замацавана ў КП КР. З аднаго боку, адсутнасць дадзенага замацавання можна палічыць слушнаю, бо, калі дзеянне наўмыснае, але недоўгачасовае, яно не дэманстрацыйнае і не парушае спакою насельніцтва, дэманструе павагу да яго, то гэта нельга расцэнваць як аўтахуліганства, бо няма сукупнасці акалічнасцяў. Аднак з іншага боку, прывязка да працягласці мае месца быць, бо калі дзеянне наўмыснае, але недоўгачасовае, яно з'яўляецца дэманстрацыйным і парушае спакой насельніцтва, а таксама не дэманструе павагу да яго, гэта ўжо трэба расцэнваць як аўтахуліганства.

Пры гэтым варта адзначыць той факт, што некаторыя практыкі лічаць патрэбным узмацненне адказнасці аж да крымінальнай. Асобы, якія дапускаюць хуліганскія дзеянні на дарозе выяўляюць непавагу да ўсяго грамадства, бо яны самі па сабе ўяўляюць рэальную пагрозу для жыцця людзей, удзельнікаў руху. Таксама адзначаецца, што да асоб, якія агрэсіўна паводзяць сябе на дарогах і ствараюць аварыйныя сітуацыі, варта адносіць і стрытрэйсераў.

Такім чынам, практыка замежных краін паказвае, што заканадаўчае замацаванне аўтахуліганства дапамагае ўсталяваць яшчэ большы парадак на дарогах, таму прапануецца ўнесці дадатак у Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб адміністрацыйных правапарушэннях (далей – КаАП) і выкласці арт. 19.1¹ у наступнай рэдакцыі: «Аўтахуліганства – наўмысныя дзеянні вадзіцеля транспартнага сродку, якія дэманстрацыйна парушаюць грамадскі парадак і спакой насельніцтва, выказваюць яўную непавагу да грамадства, а таксама суправаджаюцца парушэннем рознымі спосабамі правілаў дарожнага руху і эксплуатацыі транспартных сродкаў, – цягне за сабой накладанне штрафу ў памеры ад пяці да дзесяці базавых велічынь або пазбаўленне права займацца пэўнай дзейнасцю тэрмінам да аднаго года».

Артыкул 18.13 КаАП Рэспублікі Беларусь устанаўлівае адказнасць за невыкананне патрабаванняў сігналаў рэгулявання дарожнага руху, парушэнне правіл перавозкі пасажыраў ці іншых правілаў дарожнага руху. У пятай частцы дадзенага артыкула гаворыцца пра адказнасць за парушэнне правілаў карыстання радыё- і тэлефоннай сувяззю ў час руху, што і складае аб'ектыўны бок.

Паводле п. 10.4 Правілаў дарожнага руху (далей – ПДР) кіроўцу ў час руху транспартнага сродку забараняецца карыстацца апаратам радыё- і тэлефоннай сувязі, не абсталяванай тэхнічнай прыладай, што дазваляе весці перамовы без выкарыстання рук [4].

Варта адзначыць, што дадзенае правіла замацоўваецца і ў іншых краінах. У прыватнасці, у ПДР Рэспублікі Малдовы гаворыцца, што браць удзел у гутарцы, калі гэта можа адцягнуць ад кіравання транспартным сродкам, а таксама весці тэлефонныя перамовы ў час руху забараняецца, за выключэннем выпадкаў, калі транспартны сродак ці тэлефон абсталяваны тэхнічнай прыладай, што дазваляе весці перамовы без выкарыстання рук [5, п. 14 (d)].

Аднак у дадзеным выпадку ідзе забарона не толькі на тэлефонныя перамовы, але і на просты ўдзел у гутарцы. Згодна дадзенаму правілу, забараняецца браць удзел у гутарцы з пасажырамі ў транспартным сродку ў час руху, калі гэта можа адцягнуць ад кіравання транспартным сродкам.

У Эстоніі адбываецца іншае замацаванне. У Законе «Пра дарожны рух» дадзенай краіны забараняецца здзяйсняць пры кіраванні транспартным сродкам дзеянні, якія могуць замянаць кіраванню ці ўспрымання дарожнай сітуацыі, у тым ліку карыстацца тэлефонам без дапаможнай прылады, што дазваляе карыстацца ім без дапамогі рук, і ў час руху транспартнага сродку трымаць тэлефон у руках [6].

У Законе «Пра дарожны рух» Грузіі таксама ёсць падобная фармулёўка. У прыватнасці, пры перамяшчэнні транспартных сродкаў кіроўцы павінны ўстрымлівацца ад дзеянняў, не звязаных з кіраваннем. Пры кіраванні транспартным сродкам кіроўцам забараняецца карыстацца сродкамі мабільнай камунікацыі. Гэта забарона не распаўсюджваецца на выпадкі, калі кіроўцы карыстаюцца сродкамі мабільнай камунікацыі з дапамогай навушнікаў ці функцыяй мабільнай камунікацыі «гучная сувязь у час гутаркі (ці дыстанцыйная гутарка)» і іх абедзве рукі вольныя для кіравання транспартным сродкам [7].

Такім чынам, устаноўлена, што ў Эстоніі і Грузіі апроч забароны на тэлефонныя гутаркі без адмысловых сродкаў мабільнай камунікацыі існуе агульная забарона на здзяйсненне любых дзеянняў, якія могуць замянаць кіраванню транспартным сродкам і ўспрымання дарожнага становішча. Шмат якія спецыялісты пад такой забаронай разумеюць забарону на курэнне ў аўтамабілі, як адно з часта здзяйсняемых дзеянняў, якое адцягвае ўвагу кіроўцы ў час руху на дарозе. Бо працэс курэння кіроўцы не на шмат адрозніваецца ад аналагічнага працэсу гутаркі па мабільнай прыладзе. У абодвух выпадках адна рука кіроўцы трымае чужы прадмет у руках. Пры курэнні кіроўца можа прытрымліваць руль, але гэта не выключае факт зніжэння ўзроўню бяспекі кіравання транспартным сродкам.

Пры кіраванні транспартным сродкам кіроўца павінен цалкам канцэнтравацца на дарозе, не адцягваючы ўвагу ні на якія знешнія фактары. Пры выкарыстанні ж мабільнага тэлефона ці курэнні ў час кіравання назіраецца мноства адмоўных наступстваў, а менавіта такіх, як зніжэнне канцэнтрацыі, хуткасці рэакцыі, пастаяннае адцягненне ўвагі ад сітуацыі на дарозе і іншыя. У сукупнасці ўсе гэтыя фактары ў некалькі разоў павялічваюць рызыку ўзнікнення аварый.

У Рэспубліцы Беларусь не існуе забароны на курэнне за рулём. Аднак ёсць некаторыя агаворкі ў рамках курэння ў грамадскіх месцах. Так, курыць у маршрутным транспартным сродку, прыгарадным ці міжгароднім аўтобусе, тралейбусе і іншым грамадскім транспарце забаронена. Дадзеная забарона вынікае з таго, што ўсе гэтыя тыпы транспарту з'яўляюцца грамадскім месцам, у якім паводле арт. 19.9 КаАП Рэспублікі Беларусь курыць забаронена.

Дадзеная забарона ўстаноўлена Палажэннем «Пра дзяржаўнае рэгуляванне вытворчасці, звароту і спажывання тытунёвай сыравіны і тытунёвых вырабаў», зацверджаным Дэкрэтам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь № 28 «Пра дзяржаўнае рэгуляванне вытворчасці, звароту і спажывання тытунёвай сыравіны і тытунёвых вырабаў» ад 17.12.2002 г. [8].

Варта адзначыць, што ў дадзены дакумент не адзін раз уносіліся змены і дапаўненні з моманту яго прыняцця, аднак забарона на курэнне ва ўсіх відах грамадскага транспарту заставалася нязменнай.

Таксама патрэбна адзначыць і кіроўцаў грузавых транспартных сродкаў. Пытанне дазволу ці забароны іх курэння залежыць шмат ад якіх фактараў. Так, напрыклад, катэгарычна забаронена курыць кіроўцам транспартных сродкаў, што перавозяць выбухныя грузы.

Што ж датычыцца іншых кіроўцаў, то супрацоўнікі ДАІ настойліва рэкамендуюць спыніцца ў дазволеным месцы і пакурыць, замест таго, каб рабіць гэта за рулём у час руху.

Забарона на курэнне ў прыватных аўтамабілях дзейнічае пакуль далёка не ўсюды. Тым не менш, у некаторых краінах Еўропы яна ўжо рэалізавана, тым самым зменшыўшы адсотак дарожна-транспартных здарэнняў. Напрыклад, з 2016 г. курэнне за рулём лічыцца парушэннем ПДР у Румыніі.

Пры гэтым забарона на курэнне за рулём у большасці замежных краін замацавана з агаворкамі. Гэта было зроблена таму, што пераследавалася яшчэ і іншая мэта: абарона пасажыраў ад пасіўнага курэння.

Неабходна прааналізаваць працэс курэння электроннай цыгарэты ў час кіравання аўтамабілем, які таксама можа прывесці да парушэння ПДР. Вядома, небяспекі абпаліцца недакуркам ці патрэбы падпальваць цыгарэту ўжо няма, аднак уключэнне дадзенай прылады, праверка ўзроўню вадкасці-напаўняльніка і шэраг іншых маніпуляцый таксама патрабуюць адцягнення ўвагі ад дарогі, што ў выніку можа прывесці да аварыі.

Такім чынам, на аснове вышэйпададзенага лічым мэтазгодным унесці наступныя змены:

1) у п. 9.6 ПДР Рэспублікі Беларусь унесці забарону на курэнне (у тым ліку электронных цыгарэт) пры кіраванні транспартным сродкам, і выкласці яго ў наступнай рэдакцыі: «... 9.6. не выконваць дзеянняў, якія адцягваюць яго ўвагу ад кіравання транспартным сродкам, у тым ліку курэнне цыгарэт і электронных сістэм, прызначаных для курэння»;

2) ч. 5 арт. 18.13 КаАП Рэспублікі Беларусь дадаць і выкласці ў наступнай рэдакцыі: «5. Парушэнне асобай, якая кіруе транспартным сродкам (за выключэннем вадзіцеляў транспартных сродкаў аператыўнага прызначэння), правіл карыстання радыё- і тэлефоннай сувяззю падчас руху, а таксама курэнне падчас руху транспартнага сродку – цягне накладанне штрафу ў памеры да дзвюх базавых велічынь».

Заклучэнне. Прапановы, сфармуляваныя ў выніку праведзенага даследавання, дазваляць дасягнуць асноўнай мэты забеспячэння бяспекі дарожнага руху і створаць перадумовы для дасягнення ў будучым у Рэспубліцы Беларусь такога стану дарожнага руху, пры якім выключаюцца траўматызм і гібель людзей у выніку дарожна-транспартных здарэнняў.

Літаратура

1. Количество дорожно-транспортных происшествий по территории Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dataportal.belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 10.01.2025.
2. Кодекс Кыргызской Республики о нарушениях [Электронный ресурс] : 28 октября 2021 г., № 128 : в ред. Закона Кыргыз. Респ. от 27.01.2025 г., № 30 // Законодательство стран СНГ. – Режим доступа : https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=136149. – Дата доступа : 12.01.2025.
3. Кодекс Азербайджанской Республики об административных проступках [Электронный ресурс] : 29.12.2015 г., № 96-VQ : в ред. Закона Азерб. Респ. от 27.12.2024 г., № 754-VIQD. // Законодательство стран СНГ. База данных. СоюзПравоИнформ. – Режим доступа : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36865427&pos=4985;-60#pos=4985;-60. – Дата доступа : 12.01.2025.
4. О мерах по повышению безопасности дорожного движения : Указ Президента Республики Беларусь, 28 нояб. 2005 г., № 551 : в ред. Указа Указ Президента Республики Беларусь от 18 апреля 2022 г., № 145 «О совершенствовании организации дорожного движения». – Минск : Правовая библиотека НЦПИ, 2025. – С. 175.
5. Об утверждении Правил дорожного движения Молдовы [Электронный ресурс] : постановление Правительства Молдовы, 14.11.2011 г., № 842 : с изм. и доп. 17.11.2014 г. // Законодательство стран СНГ. База данных. СоюзПравоИнформ. – Режим доступа : http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=27856#A2NO13Y8UZ. – Дата доступа : 14.02.2023.
6. О дорожном движении Эстонии [Электронный ресурс] : Закон Эстонии, 23.12.2010 г. : с изм. и доп. 11.02.2015 г. – Режим доступа : <http://autotraveler.ru/estonia/pdd-estonii.html>. – Дата доступа : 10.01.2025.
7. О дорожном движении Грузии [Электронный ресурс] : Закон Грузии, 24.12.2013 г., № 1830-вс : с изм. и доп. 11.06.2016 г. – Режим доступа : <http://autotraveler.ru/georgia/pdd-gruzii.html#.WRiHie8fMbc>. – Дата доступа : 10.01.2025.
8. О государственном регулировании производства, оборота и потребления табачного сырья и табачных изделий [Электронный ресурс] : Декрет Президента Республики Беларусь, 17.12.2002 г., № 28 : с изм. и доп. 06.10.2015 г. // Законодательство стран СНГ. База данных. СоюзПравоИнформ. – Режим доступа : http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=20659. – Дата доступа : 12.01.2025.

О соотношении понятий «судебная власть» и «судебная деятельность»

Е.Н. ЯРМОЦ

В статье предпринята попытка разграничить понятия «судебная власть» и «судебная деятельность». Проанализирована правовая природа и существенные признаки, характерные для данных категорий. Рассмотрены основные функции судебной власти. Продемонстрирована статичность судебной власти и динамичность судебной деятельности. Сделан вывод о том, что судебная деятельность, помимо деятельности суда по осуществлению правосудия, включает в себя также иную сопутствующую (производную) организационно-обеспечительную и распорядительную деятельность суда, направленную на создание условий для эффективного функционирования институтов судебной власти.

Ключевые слова: власть, судебная власть, деятельность, судебная деятельность, статичность, динамизм, функция, правосудие.

The article attempts to distinguish the concepts of «judicial power» and «judicial activity». The legal nature and essential features characteristic of these categories are analysed. The static nature of judicial power and the dynamism of judicial activity are demonstrated. It is concluded that judicial activity, in addition to the activities of the court on the implementation of justice, also includes other accompanying (derivative) organisational, supportive and administrative activities of the court, aimed at creating conditions for the effective functioning of the institutions of judicial power.

Keywords: power, judicial power, activity, judicial activity, static, dynamism, function, justice.

Введение. Термины «судебная власть» и «судебная деятельность» являются общеупотребимыми правовыми категориями. Однако универсальных определений данных понятий наукой выработано не было. Положение усугубляется отсутствием соответствующих законодательных дефиниций. С этим связаны многочисленные попытки исследователей не только предложить свое видение, но и разграничить данные судеустройственные понятия между собой. Не ставя цели проанализировать каждое из них, попытаемся выделить некоторые атрибутивные признаки данных категорий, которые бы позволили наиболее точно отразить их суть и выявить принципиальную разницу между ними.

Основная часть. Категория «судебная деятельность» не шире и не уже понятия «судебная власть». Это просто категории иного порядка, имеющие различную правовую природу. Судебная власть ориентирована в большей степени на транслирование своего статуса во вне в качестве самостоятельной и независимой ветви государственной власти, поддержание своего авторитета и статуса. Судебная деятельность – на реализацию функциональной составляющей судебной власти, процедурные и технические моменты. Судебная власть по своей природе статична, даже пассивна: «Инициатива судебной деятельности находится в руках заинтересованных сторон» [1, с. 97]. Судебная деятельность, напротив, – динамична.

Думается, что для уяснения глубинной сути категории «судебная власть» следует исходить из понимания власти как таковой. Понятие «власть» имеет множество определений: власть – право, сила и воля над чем, свобода действий и распоряжений; начальствование, управление [2, с. 213]; право и возможность распоряжаться кем-чем-нибудь, подчинять своей воле [3, с. 74]; способность и возможность оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью каких-либо средств [4, с. 212]. В целом существуют две основные традиции в понимании власти – как «власть над», то есть доминирование одних субъектов над другими, и как «власть для», то есть как инструмент достижения блага [5, с. 16].

В.Н. Бибило выделяет политический и юридический аспекты судебной власти [6, с. 38]. С позиций политико-правового подхода, судебная власть выступает, прежде всего, как ветвь государственной власти. Данное положение стало юридической аксиомой благодаря научному оформлению концепции разделения властей: «<...> это все одна и та же государствен-

ная власть, но проявляющаяся въ законодательстве, въ управленіи и въ судѣ» [7, с. 14]; «<...> судебная деятельность отделяется от верховной власти. Это лежит в природе вещей, в необходимости надлежащего распределения государственных функций, в интересах верховной власти и населения» [8, с. 166, 201]. Такой подход к обозначению места и роли судебной власти в системе государственной власти содержится в абсолютном большинстве конституций зарубежных государств. Наше государство в этом плане не стало исключением: в Декларации «О государственном суверенитете Республики Беларусь» (ст. 7), Конституции Республики Беларусь (ст. 6), Кодексе Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей (ст. 2) судебная власть обозначена через контекст теории разделения властей. Из этого следует, что первостепенной характеристикой судебной власти является указание на ее особое положение в системе государственной власти. Однако, как справедливо отмечает Е.В. Богданов, это лишь первый шаг в исследовании феномена судебной власти: «Целостный характер судебной власти обусловлен целями охраны правового порядка как системы социальных ценностей, которая обеспечивает <...>, нормальные условия существования и деятельности индивидов, социальных общностей, общественных институтов, поддерживает единство гражданского общества и выражена в объективном праве» [9, с. 13].

В качестве системообразующего ядра судебной власти выступает казус, конфликт, несправедливость. Это отличает судебную власть от иных ветвей власти, которые, подобно ей, хотя и действуют в интересах общества, но первопричинная природа их иная. Законодательная власть призвана регулировать общественные отношения посредством установления нормативных правил поведения: «Законодательство призвано «сообщить ему (*государству* – выделено нами – *Е.Я.*) движение и наделить его волей» [10, с. 226], а исполнительная – содействовать наилучшей реализации законодательных положений в социуме.

Когда социальный конфликт не может быть разрешен сторонами мирным путем, прибегают к содействию нейтральной, третьей стороны – суда. Суд, однако, разрешает не все социальные конфликты, а только юридические, то есть конфликты «с наибольшим деструктивным потенциалом», которые оказывают «разрушительное воздействие на важнейшие общественные отношения, связанные с правами и свободами граждан, интересами юридических лиц, общества и государства» [11, с. 237]. Суд является институциональным выражением судебной власти. Судебная власть абстрактна без органов, реализующих ее полномочия: «Судебная власть в Республике Беларусь осуществляется судами» (ч. 1 ст. 109 Конституции Республики Беларусь). Однако данный аспект не раскрывает сущность судебной власти, а образуют судебную систему государства.

Теоретические представления о судебной власти будут неполными без рассмотрения ее функциональной составляющей, то есть совокупности «юрисдикционных и смежных с ними полномочий судей и других должностных лиц, обеспечивающих осуществление правосудия» [12, с. 86]. Любая власть, в том числе государственная, призвана осуществлять определенные функции. Функция (лат. *functio* – исполнение, осуществление) – обязанность, круг деятельности. «Функция – это существование, мыслимое нами в действии» (Гёте) [13]; деятельность, обязанность, работа; функция в социологии – роль, которую выполняет определенный социальный институт или процесс по отношению к целому (например, функция государства, семьи и т. д. в обществе) [14]; функция в философии – явление, зависящее от другого и изменяющееся по мере изменения этого другого явления [15]. Семантическое значение слова «функция» указывает на то, что данная категория неразрывно связана с неким деятельностным началом, реализуемым соответствующими субъектами. В.Н. Бибило точно подмечает взаимосвязь, существующую между функциями и деятельностью: «Функция предопределяет деятельность. В свою очередь, деятельность олицетворяет функцию. В этом смысле функция предшествует собственно деятельности. <...>. Функция дает представление о том, что является содержанием деятельности. Деятельностью является то, что наступило, проявилось, существует реально. Деятельность – это осуществленная возможность <...>» [16, с. 51–52]. Функции судебной власти, таким образом, предопределяют характер и направленность судебной деятельности.

В качестве основной функции судебной власти ученые традиционно рассматривают функцию осуществления правосудия [6], [9], [17], [18]). Н.Н. Полянский описал данную функ-

цию следующим образом: «<...> судебная власть судит, т.е. рѣшает, нарушенъ ли законъ, и если законъ нарушенъ, то въ чемъ состоитъ нарушение, и какимъ путемъ слѣдуетъ возстановить потерпѣвшаго въ его правахъ, или какъ слѣдуетъ покарать нарушителя» [7, с. 15].

Под правосудием следует понимать деятельность суда (в лице судей и народных заседателей) по рассмотрению и разрешению дела. Правосудие, в зависимости от предмета правового регулирования, осуществляется по различным категориям дел. Соответственно выделяются уголовное, гражданское, конституционное и другие виды судопроизводства (ст. 2 Кодекса Республики Беларусь о судопроизводстве и статусе судей). По нашему мнению, деятельность суда по осуществлению правосудия реализуется только на стадии судебного разбирательства и последующих стадиях по пересмотру судебных решений и не распространяется на стадии досудебного производства. Главная задача досудебного производства заключается в качественной подготовке дела к рассмотрению его в судебном заседании. Так, М.С. Строгович употребляет понятие «судебная деятельность» в контексте реализации принципов правосудия (язык судопроизводства, гласность процесса, обеспечение права обвиняемого на защиту и т. п.) [19, с. 97]. Однако судебная деятельность не ограничивается лишь деятельностью по осуществлению правосудия.

Деятельность – (англ. activity) – специфическая форма отношения человека к окружающему миру и самому себе, выражающаяся в целесообразном изменении и преобразовании мира и человеческого сознания [20]; занятия, труд [21, с. 140]. В юридическом словаре понятие «деятельность» определяется как специфический для человека способ отношения к внешнему миру, состоящий в преобразовании и подчинении его человеческим целям. По своему содержанию деятельность есть производство материальных и духовных благ, форм общения людей, преобразования общественных условий и отношений, развития самого человека, его способностей, умений, знаний [22, с. 129]. Деятельность, таким образом, присуща человеку, имеет осознанный, целеполагающий характер и направлена как на преобразование / совершенствование окружающей действительности, так и внутреннего мира человека.

Поскольку функция – величина переменная, то и деятельность, осуществляемая судами, также не является величиной постоянной. Судебная деятельность – это совокупность действий суда, совершаемых в определенной последовательности [16, с. 70]. Она неизбежно соприкасается с иными, сопутствующими ей, видами деятельности, не обязательно непосредственно связанными с процессом осуществления правосудия. Судебная деятельность отражает подвижность процессов, связанных с организацией и функционированием судебной системы государства и судебной власти в целом. Суд, осуществляя судебную деятельность, должен чутко реагировать на происходящие изменения и быть способным к преобразованиям. Поэтому при осуществлении судебной деятельности, помимо собственно правовых, задействованы иные рычаги воздействия на правовую действительность.

И.Я. Фойницкий очерчивает границы судебной деятельности более широко, не привязываясь исключительно к стадии судебного разбирательства: «Деятельность (суда – выделено нами Е. Я.) в заседаниях есть главная, решительная; деятельность вне заседаний носит характер подготовительный или исполнительный» [8, с. 283–284].

По мнению В.Н. Бибило, судебная деятельность включает в себя как деятельность, урегулированную нормами права, так и деятельность, не урегулированную нормами права, но имеющую важное значение для организации и функционирования судебной власти, а также ее легитимности: «Но чаще всего в ходе судебной деятельности по применению права взаимно переплетаются и обуславливают друг друга правовые и неправовые виды деятельности» [1].

В.В. Ершов, к примеру, определяет судебную деятельность как «правоприменительную деятельность судов по рассмотрению и разрешению отнесенных к их компетенции вопросов посредством <...> судопроизводства, и вся совокупность мероприятий организационного характера» [23, с. 12]. О.А. Капустин выделяет процессуальную, делопроизводственную и организационную деятельность судов [24, с. 13]. С.В. Ярославцева, помимо правосудия, к судебной деятельности относит деятельность субъектов судебной власти по обеспечению судов информационно-правовыми, материально-техническими, финансовыми, кадровыми ресурсами и т. п. [25, с. 24].

Наиболее корректную с позиций методологического подхода классификацию функций судебной власти, реализующихся в соответствующих видах судебной деятельности, привели в своем исследовании С.П. Чигринов и В.А. Волков. Авторы, помимо основной функции судебной власти, выделили также вспомогательные и производные функции. Вспомогательные функции, по их мнению, содействуют реализации основной и делятся на правоустановительную и организационно-обеспечительную функции. Правоустановительная функция призвана способствовать методологическому и правовому обеспечению судебной практики и находит выражение в следующих видах судебной деятельности: судебное казуальное толкование законодательства при разрешении дела; обобщение судебной практики и разъяснение вопросов применения законодательства в Постановлениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь; официальное толкование Конституционным Судом Республики Беларусь Конституции Республики Беларусь и т. п. Организационно-обеспечительная функция находит свое выражение в анализе судебной статистики, информационном, материально-техническом и кадровом обеспечении судебной деятельности. Производные функции судебной власти выражаются в осуществлении судами превентивной, воспитательной и научно-доктринальной (формирование научно-обоснованных взглядов на правовые явления, прогнозирование перспективных направлений развития современной правовой системы) деятельности [12, с. 98–99].

Судебная деятельность отражает тенденции и трансформационные процессы, происходящие в общественном развитии, поэтому ее границы и содержание подвижны. Она состоит из множества переменных, образующих совокупность последовательно совершаемых действий для достижения целей и задач, стоящих перед судебной властью. Судебная деятельность ориентирована на реализацию функциональной составляющей судебной власти, процедурные и технические моменты. Судебная деятельность, таким образом, может быть определена как деятельность суда по реализации функциональных полномочий судебной власти, а именно – по осуществлению правосудия, а также иной, сопутствующей ей, вспомогательной деятельности.

Заключение. При определении правовой природы судебной власти системообразующим элементом выступает категория «власть». Сущностные характеристики судебной власти предопределяются правовым характером государства в целом и свойствами государственной власти, в частности. Ввиду комплексного характера судебной власти, при определении ее сущности целесообразно применять политико-правовой, институциональный и функционально-деятельностный подход.

Судебная власть по своей природе статична, судебная деятельность – динамична. Статика судебной власти гарантирует ее особое положение в системе разделения властей, поддержание самостоятельности, независимости и авторитета в данном качестве, стабильность и фундаментальность применительно к динамично развивающимся общественным отношениям.

Судебная деятельность – обширное понятие, включающее в себя как собственно деятельность суда по осуществлению правосудия, так и иную сопутствующую (производную) организационно-обеспечительную и распорядительную деятельность суда, направленную на создание условий для эффективного функционирования институтов судебной власти.

Литература

1. Бибило, В. Н. Правосудие как функция суда / В. Н. Бибило // Право и демократия : сб. науч. тр. ; отв. ред. В. Н. Бибило. – Минск : БГУ, 2002. – Вып. 12. – С. 97–104.
2. Даль, В. И. Власть / В. И. Даль // Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М., 2005. – Т. 1 : А–З. – С. 213.
3. Ожегов, С. И. Власть / С. И. Ожегов // Словарь русского языка : Ок. 57000 слов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М., 1986. – С. 74–75.
4. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. : А. М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб. : Большая Рос. Энцикл. : Норинт, 1997. – 1456 с.
5. Ледяев, В. Г. Концептуальный анализ власти: проблематика и современные тенденции / В. Г. Ледяев // Политическая наука. – 2019. – № 3. – С. 14–29.
6. Бибило, В. Н. Белорусское судоустройство / В. Н. Бибило. – Минск : Право и экономика, 2018. – 452 с. (Серия «Высшее образование»).

7. Полянский, Н. Н. Уголовный процесс. Уголовный суд, его устройство и деятельность : Лекции / Н. Н. Полянский. – М. : Т-во И.Д. Сытина, 1911. – 203 с.
8. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Том I. Изд. 2-е. / И. Я. Фойницкий. – СПб. : Типография М. Стасюлевича, 1896. – 594 с.
9. Богданов, Е. В. Теоретические проблемы осуществления судебной власти в форме правосудия / Е. В. Богданов // Веснік Віцебскага дзярж. ун-та. – 2002. – № 1 (23). – С. 12–18.
10. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо ; пер. с фр. – М. : «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. – 416 с.
11. Богданов, Е. В. Правосудие как деятельность по управлению конфликтом / Е. В. Богданов // Право и демократия : сб. науч. тр. ; отв. ред. В. Н. Бибило. – Минск, 2001. – Вып. 11. – С. 231–245.
12. Чигринов, С. П. Судебная власть : понятие, генезис, социальное назначение и правовая природа / С. П. Чигринов, В. А. Волков // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. – 2023. – № 4. – С. 79–105.
13. Функция [Электронный ресурс] // Философская академия. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3632/ФУНКЦИЯ. – Дата доступа : 29.11.2024.
14. Академик [Электронный ресурс] // Философская академия. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/51082>. – Дата доступа : 29.11.2024.
15. Толковый словарь Ожегова онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=34117>. – Дата доступа : 29.11.2024.
16. Бибило, В. Н. Судебная власть в уголовном судопроизводстве / В. Н. Бибило. – Минск : Изд-во «Право и экономика», 2001. – 210 с.
17. Судостроительство : учебник / А. А. Данилевич, Л. Л. Зайцева, И. И. Мартинович, А. В. Солтанович ; под ред. А. А. Данилевича, И. И. Мартинович. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Амалфея, 2010. – 464 с.
18. Ярмоц, Е. Н. Об основной функции суда в Республике Беларусь / Е. Н. Ярмоц // Вестник Полоцкого гос. ун-та. – 2021. – № 13. – С. 141–143.
19. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – М. : Изд-во «Наука», 1968. – Т. 1 : Основные положения науки советского уголовного процесса. – 468 с.
20. Деятельность [Электронный ресурс] // Социологический словарь. – Режим доступа : <https://gufo.me/dict/social/ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ>. – Дата доступа : 18.11.2024.
21. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 57000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд. – М. : Рус. яз., 1987. – 797 с.
22. Юридический словарь / Под ред. А. Н. Азрилиана. – 2-е изд. – М. : Институт новой экономики, 2013. – 1152 с.
23. Организация судебной деятельности : учеб. / под ред. В. В. Ершова. – М. : РГУП, 2016. – 390 с.
24. Капустин, О. А. Организация судебной деятельности в современный период : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / О. А. Капустин ; ФГБОУВО «Российский гос. ун-т правосудия». – М., 2022. – 28 с.
25. Ярославцева, С. В. К вопросу о понятии судебной деятельности / С. В. Ярославцева // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2009. – № 3 (9). – С. 19–25.

Формирование системы управления, обеспечивающей эффективность функционирования организаций в долгосрочной перспективе

О.А. БАЛАБАНОВИЧ

В статье представлены методические рекомендации и подходы к созданию эффективной системы управления организациями, направленные на качественное улучшение их функционирования. Предложен механизм повышения эффективности управления для организаций Республики Беларусь. Адаптирована система сбалансированных показателей, позволяющая принимать обоснованные управленческие решения и рационально использовать ресурсы. Проведен анализ влияния управленческих решений на ключевые показатели деятельности организаций, визуализирована их динамическая оценка. На основании проведенного исследования выявлено, что управление играет центральную роль в повышении экономического потенциала организаций, а главной проблемой, обозначенной большинством опрошенных руководителей, остается недостаток достоверной и структурированной информации для принятия решений, что вызвано, в первую очередь, отсутствием синхронизации и согласованности элементов системы управления. Анализ, проведенный в течение двух лет на базе 20 организаций Республики Беларусь, позволил констатировать, что снижение влияния неопределенности и человеческого фактора, обусловленного субъективностью принимаемых управленческих решений, позволяет сместить точку концентрации с контроля текущего положения дел и сделать акцент на превентивном анализе, прогнозировании развития, что обеспечивает эффективность функционирования организаций в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: управление, эффективность, результативность, система управления, механизм эффективного управления.

The article discusses methodological approaches and recommendations for building an effective enterprise management system in order to transfer it to a new qualitative level of development. A mechanism for effective management of the enterprises of the Republic of Belarus is proposed. A balanced scorecard system has been adapted to select the best management decisions and rational use of available resources. An assessment was made of the impact of management decisions on the efficiency and effectiveness of the enterprise through its visualization and reflection of the dynamics of key indicators of the efficiency and effectiveness of the business activities of the analyzed enterprises. Based on the study, it was revealed that management potential is the most important component of the overall economic potential of an enterprise, determining the level of efficiency of its functioning, and the main problem identified by the majority of the managers surveyed is the insufficiency or distortion of information for decision-making, which is caused, first of all, by lack of synchronization and consistency of control system elements. The analysis, carried out over two years on the basis of 20 enterprises and organizations of the Republic of Belarus, allowed us to state that reducing the influence of uncertainty and the human factor caused by the subjectivity of management decisions made allows us to shift the point of concentration from monitoring the current state of affairs at the enterprise and place emphasis on preventive analysis, forecasting development, which ensures the efficiency of the enterprise in the long term.

Keywords: management, efficiency, effectiveness, management system, effective management mechanism.

В условиях стремления Республики Беларусь к достижению высоких стандартов жизни населения на основе цифровой трансформации экономики и формирования конкурентной среды основным приоритетом развития страны выступает повышение эффективности традиционных секторов через внедрение инновационных технологий, оптимизацию бизнес-процессов и создание благоприятной информационной инфраструктуры. В данных условиях ключевую роль играет управление организациями всех сфер народного хозяйства, которое помогает обеспечить высокую эффективность и результативность их функционирования в интересах удовлетворения социально-экономических потребностей общества, в том числе в соответствии с принципами поддержания устойчивости экономики к внешним вызовам и угрозам [1].

На основании проведенного исследования¹ выявлено, что управленческий потенциал является ключевым элементом общего экономического потенциала организаций, определяя уровень эффективности их функционирования, а основная проблема, обозначенная большинством опрошенных руководителей, состоит в недостаточности или искаженности информации для принятия решений, что вызвано, в первую очередь, отсутствием синхронизации и согласованности элементов системы управления.

Для решения этой сложнейшей задачи, на основе данных, полученных из многочисленных литературных источников и в ходе исследования, выделены ключевые этапы внедрения эффективной системы управления организациями (рисунок 1): формулировка стратегических целей развития; анализ контекстных факторов (анализ внешних и внутренних факторов, влияющих на функционирование организаций); определение информационных потребностей для обеспечения качества управленческих решений; выбор внедряемых инструментов, методов сбора и анализа данных, определение сроков реализации; согласование минимально необходимого количества подконтрольных показателей и утверждение методики их анализа для постоянного контроля и мониторинга отклонений от заданных величин; автоматизация бизнес-процессов в соответствии с запросами пользователей и управленцев; оценка эффективности реализованных мероприятий.

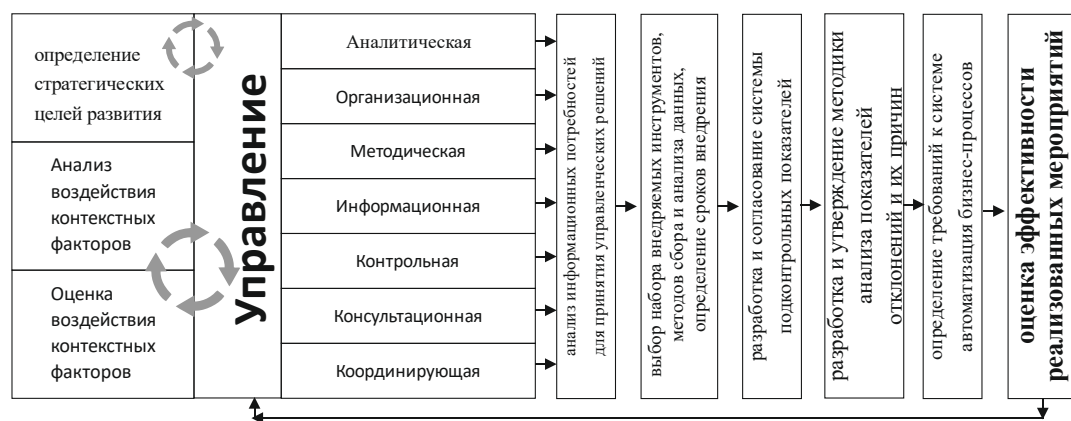


Рисунок 1 – Схема системы

Источник: собственная разработка.

Для организации такой системы необходимо разработать методологию получения (внесения) информации с указанием сроков и ответственных лиц; разработать технологии (создать блок) хранения и обработки входящей информации; согласовать и каскадировать перечень финансовых и нефинансовых показателей, оценивающих и эффективность и результативность деятельности по всем направлениям деятельности организации; разработать систему идентификации и интерпретации каждого показателя с учетом установленного целевого значения; установить для каждого анализируемого показателя критерии (индикаторы) нижнего и верхнего критического значения, условные «хорошо» и «допустимо»; разработать систему оповещения при достижении показателем уровня «допустимо» с целью оперативно реагирования на произошедшее изменение и корректировку действий; разработать технологии (создать блок) предоставления адресной, персонифицированной исходящей информации в виде необходимых аналитических отчетов.

Таким образом, эффективная система управления обеспечивает достоверной, своевременной и в полной мере достаточной информацией для принятия обоснованных управленческих решений, согласовывая взаимодействие элементов системы управления в едином информационно-аналитическом контуре.

Предлагаемый подход переводит управление на качественно новый уровень.

¹ Приказ директора ООО «Большая типография» О.А. Балабанович № 10/01/2020. Для данного исследования, из более чем 1000 респондентов, отобрано 530 (из различных областей и сфер деятельности), строго соответствующих критериям исследования.

Результаты проведенного анализа позволили разработать механизм эффективного управления организациями (рисунок 2), который включает следующие ключевые элементы:

- формирование целей, задач и функций управления, направленных на долгосрочное развитие организаций;

- создание информационно-аналитической поддержки управления (методическая и инструментальная базы) для предоставления своевременной и объективной информации, необходимой менеджеру для достижения поставленных целей;

- информационное обеспечение на основе результатов анализа внешних факторов (отраслевых условий, рыночной позиции, маркетинговой стратегии, всестороннего и комплексного анализа конкурентов и т. д.), анализа и оценки доступных ресурсов, внутреннего потенциала и факторов, влияющих на эффективность их использования;

- разработка оптимальной организационной структуры, соответствующей квалификации и компетенциям персонала;

- установление критериев (индикаторов) для мониторинга ключевых показателей и их отклонений;

- оценка на этой основе эффективности и результативности деятельности организации;

- анализ вариантов развития и выбор оптимального, обеспечивающего баланс между требованиями рынка и объективными возможностями организации;

- оценка чувствительности ключевых показателей к осуществляемым управленческим воздействиям на основе предложенной методики.

Механизм должен функционировать в одном информационном пространстве при дополнительно анализируемых ключевых показателях, учитывая их целевое значение, выявляя отклонения от заданного норматива.

Предложенный механизм позволяет оперативно реагировать на изменения внутренней и внешней среды организации, осуществлять корректирующие действия в соответствии с плановыми показателями и разрабатывать практические рекомендации для достижения поставленных целей. Информационно-аналитическая поддержка обеспечивает принятие обоснованных решений, улучшая управление за счет снижения влияния субъективных факторов. Эффективность управления значительно повышается за счет положительного синергетического эффекта: роста эффективности использования имеющихся ресурсов и повышения скорости реагирования на изменения во внутренней и внешней среде для достижения целей развития.

Рисунок 2 – Механизм эффективного управления организациями

Источник: собственная разработка.

Предлагаемый механизм апробирован на ряде организаций Республики Беларусь. Результаты внедрения продемонстрировали положительное влияние на ключевые показатели

эффективности, включая рост рентабельности, улучшение финансовой устойчивости, снижение текучести кадров и ускорение бизнес-процессов.

Система сбалансированных показателей (ССП) (рисунки 3, 4) разработана как инструмент, позволяющий связать стратегические цели организации с оперативной деятельностью. Она включает как финансовые, так и нефинансовые индикаторы, отражающие динамику развития организации и влияющие на его ключевые параметры. ССП обеспечивает прозрачность выполнения стратегии, трансформируя ее в индивидуальные цели сотрудников, что повышает мотивацию и ответственность каждого участника процесса.

Финансы		Бизнес-процессы	
Стратегическая цель	Индикатор	Стратегическая цель	Индикатор
Повышение рентабельности вложений в бизнес	ROE EVA ROI	Повышение качества продукции	Доля брака, отклонение планируемой себестоимости от фактической
Увеличение выручки	Валовая выручка	Сохранение гибкости производственной технологии	Оптимизация ассортимента
Повышение рентабельности вложений в маркетинг	РД/ROMI Коэффициент развития маркетинга	Улучшение работы отдела сбыта	Процент выполнения плановых показателей
Повышение ликвидности	Коэффициент текущей ликвидности	Усовершенствование системы управленческого учета и бюджетирования	Доли бюджета по направлениям деятельности (инновации, реклама, распределение и т.д.)
Ускорение оборачиваемости оборотных средств	Коэффициент оборачиваемости оборотных средств	Внедрение технологических инноваций и повышение общего уровня технологического развития	Степень соответствия мировым тенденциям развития
Сокращение запасов	Доля запасов в производстве		

Рынок/клиенты		Персонал	
Стратегическая цель	Индикатор	Стратегическая цель	Индикатор
Повышение уровня удовлетворенности клиентов	Индекс удовлетворенности клиентов (путем опроса на основе специально разработанной анкеты), количество повторных покупок, число рекламаций	Повышение удовлетворенности сотрудников	Индекс удовлетворенности сотрудников, число претензий на ключевые должности
Увеличение доли рынка	Доля рынка по Беларуси, доля рынка в странах СНГ	Повышение квалификации сотрудников	Затраты на обучение персонала, % заполнения рабочих мест компетентными кадрами
Увеличение объема продаж	Выручка по Беларуси, выручка по России, темп роста совокупной выручки	Удержание ключевых специалистов	Средняя заработная плата, индекс удовлетворенности персонала
Возможность развития новых форм взаимодействия (по средству интернета)	Количество покупок через интернет, количество посетителей сайта	Постоянное совершенствование	Число рационализаторских программ, число реализуемых проектов
Повышение лояльности потребителей	Сводный коэффициент лояльности	Создание системы стимулирования	Текучесть кадров; индекс удовлетворенности персонала
Улучшение имиджа, повышение доверия к производителю	Затраты на рекламу и продвижение; Соответствие воспринимаемого содержания рекламы замыслу, % доверия к торговой марке, готовность совершить покупку фактически, затраты на рекламу	Постоянная мотивация сотрудников	Размер премий в зависимости от объема выполненных работ
		Усиление сплоченности коллектива	Текучесть кадров; индекс удовлетворенности персонала; затраты на поддержание корпоративной культуры

Рисунок 3 – ССП для исследуемой организации

Источник: собственная разработка.

	«Финансы/Экономика»				«Рынок/Клиенты»				«Бизнес-процессы»				«Сотрудники»								
	Увеличение рентабельности собственного капитала	Увеличение выручки	Увеличение экономической добавленной стоимости	Сохранение ликвидности	Улучшение оборачиваемости оборотных средств	Возможность развития новых форм взаимодействия (интернет)	Увеличение объема продаж	Повышение доверия к производителю	Увеличение доли рынка	Повышение степени удовлетворенности клиентов	Сохранение гибкости производственной технологии	Оптимизация ассортимента	Улучшение работы отдела сбыта	Усовершенствование системы управленческого учета и бюджетирования	Внедрение технологических инноваций и повышение общего уровня технологического развития	Повышение удовлетворенности сотрудников	Повышение квалификации сотрудников	Постоянное совершенствование	Создание системы стимулирования	Постоянная мотивация сотрудников	
Проведение маркетинговых исследований (клиенты, конкуренты, рынок)	+					+	+	+	+	+	+										
Участие в выставках, проведение рекламных кампаний	+	+				+	+	+	+	+											
Разработка системы стимулирования персонала. Проведение тренингов и т.д.	+	+					+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+
Увеличение заработной платы ключевым специалистам	+						+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+
Повышение степени автоматизации управленческого учета							+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+
Внедрение Target Costing	+	+					+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+
Расширение товаропроводящей сети	+	+					+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+
Обновление техники, оборудования и технологии	+	+					+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+
Построение долговременных партнерских отношений	+						+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+
Оптимизация бизнес-процессов	+	+					+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+
Реализация проекта «эффективное управление предприятием»	+	+					+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+
Повышение конкурентоспособности продукции	+	+					+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+

Рисунок 4 – Каталог мероприятий исследуемой организации

Источник: собственная разработка.

При оценке эффективности реализуемых управленческих решений следует сопоставлять достигнутые результаты, выраженные количественно, с заданными плановыми. Другими словами, целью управленческой деятельности является достижение поставленных задач, выраженных в плановых показателях. Таким образом, по степени достижения целевых показателей можно судить об эффективности управления организациями.

В целом эффективность нововведений и эффективность функционирования организации должна выражаться приростом анализируемых показателей (как основных, так и специально созданных) за отчетный период (таблица 1).

Таблица 1 – Результаты интегральной оценки экономических результатов 20 организаций от внедрения авторских предложений за анализируемый период

№	Показатель (процесс)	Среднее изменение величины
1	Рентабельность собственного капитала, %	+ 7,07
2	Рентабельность оборота, %	+ 6,41
3	Продолжительность оборота оборотного капитала, дней	- 48
4	Запас финансовой устойчивости, %	+ 8,92
5	Выручка на сотрудника, %	+ 12,4
6	Прирост уровня заработной платы, %	+ 9,27
7	Прирост количества сотрудников, %	+ 4,91
8	Повышение квалификации персонала, индекс	+ 0,76
9	Текучесть кадров, %	- 5,1
10	Количество дней на больничных, %	- 42,
11	Маркетинговая активность, %	+ 16,2
12	Лояльность клиентов, индекс	+ 16 %
13	Количество клиентов, ед.	+ 9,2 %
14	Время сбор информации, часов	Сократится на 88 %
15	Скорость реакции на изменения ключевых показателей, часов	Сократится на 86 %
16	Скорость выполнения бизнес процессов, часов	Увеличится на 41 %
17	Время руководителя на анализ проблемы и поиск решения, часов	Сократятся на 54 %

Источник: авторская разработка.

Авторские предложения повышают адаптивность организаций к изменениям среды их функционирования за счет более высокой гибкости управления. Снижается влияние человеческого фактора, обусловленное субъективностью принимаемых управленческих решений, что позволяет сместить точку концентрации с контроля текущего положения дел и сделать акцент на превентивном анализе, прогнозировании развития, что обеспечивает эффективность функционирования организации в долгосрочной перспективе.

Заключение. На современном этапе развития национальной экономики управление является одним из важнейших видов деятельности человека. Управление постоянно совершенствуется в связи с социально экономическими изменениями на мировом уровне, новыми требованиями производства и реализации продукции, увеличением размеров современных организаций и усложнением их хозяйственных связей, стремительным ростом научно технического прогресса. Управление современной организацией – сложный процесс, базирующийся на выборе и реализации определенных текущих решений и стратегических задач, которые помогут обеспечить финансовую устойчивость, стабильность и социально-экономическое развитие организации. В этой связи эффективная система управления организациями должна быть ориентирована на рост экономических показателей и рыночной стоимости, усиление своих конкурентных позиций на основе современных гибких и адаптивных инструментов менеджмента, обеспечивающих поддержку и эффективность принимаемых решений, что обусловило разработку предложенных практических рекомендаций по формированию эффективной системы управления организациями Республики Беларусь.

Результаты исследования показали, что внедрение разработанного механизма управления организациями Республики Беларусь способствует повышению адаптивности к изменениям рыночной среды. Благодаря интеграции современных аналитических инструментов и улучшению координации элементов системы управления организации быстрее принимают обоснованные решения, достигая поставленных целей и повышая свою конкурентоспособность.

Литература

1. Об утверждении Программы социально-экономического развития Беларуси на 2021–2025 гг. [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 29 июля 2021 г., № 292 // Президент Республики Беларусь. – Режим доступа : <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-292-ot-29-iyulya-2021-g>. – Дата доступа : 03.10.2023.

Понятие технологических укладов и многоукладность экономики Республики Беларусь

Е.А. ЗАПАДНЮК, В.А. КОРЖОВА

В статье исследовано понятие технологического уклада, его определение и значение, а также разработана система оценки технологической укладности экономики для определения удельного веса каждого технологического уклада в промышленном производстве страны.

Ключевые слова: технологический уклад, многоукладность экономики, высокотехнологичные отрасли.

The article investigates the concept of technological mode, its definition and significance, and also develops a system for assessing the technological mode of the economy to determine the specific weight of each technological mode in the industrial production of the country.

Keywords: technological mode, multi-style economy, high-tech industries.

Основным приоритетом формирования новой общественно-экономической формации является устойчивое развитие мирового сообщества, т. е. развитие, которое не наносит вред будущим поколениям при максимально разумном и эффективном использовании ресурсов. Сегодня развитие общества протекает в непростых геоэкономических и геополитических условиях. Одной из причин этих противоречивых и нестабильных условий является переходный характер технологических основ экономики, который характеризуется сменой технологических укладов. В свою очередь смена технологических укладов дает перспективу и возможности для субъектов экономики стать двигателем прогресса, начав первыми использование передовых технологий новейших укладов [1].

Для изучения и определения степени влияния и значимости технологических укладов необходимо в первую очередь обратиться к теоретическим основам понятия «технологический уклад».

Впервые вопрос понятия технологических укладов был представлен в трудах таких ученых, как Д. Рикардо и К. Маркс в XIX в. Главенствующую роль в их определении технологического уклада играло именно понятие «уклад», которое они понимали тождественным буржуазному строю и определяли как «способ организации производства, которому соответствуют определенные экономические отношения» [2]. Эти же экономические отношения в их представлении подвергались изменениям по мере своего накопления и скачка на новый «уклад».

Согласно определению Й. Шумпетера, «технологический уклад – это совокупность институциональных, экономических, социальных и политических элементов общества. Всю совокупность этих элементов он исследовал уже при помощи более системного подхода в процессе анализа неравномерности развития общества и нововведений» [3].

Также важное значение понятию технологического уклада придавали ученые Н.Д. Кондратьев и К. Перес. Их определения очень близки к современному пониманию категории, однако существенным недостатком является тот факт, что они рассматривали экономики развитых стран, принимая устоявшуюся рыночную систему как данность, что категорически не подходит для рассмотрения стран с переходной экономикой, в которой процессы рыночного механизма еще не отлажены и могут иметь огрехи.

Анализируя историю развития понятия «технологический уклад», стоит также обратиться к формационной концепции К. Маркса, согласно которой «общество – это целостная общественно-экономическая формация, которая находится на определенном этапе развития и обусловлена исторически сложившимся способом производства» [1], т. е. базисом общественно-экономической формации выступает экономическая формация. Однако экономическая система не существует сама по себе – она находится в диалектическом единстве с политической, социальной и духовной сферами общества.

Основой экономической системы является технологический способ производства, который включает в себя помимо прочего определенную ступень взаимодействия средств производства и рабочей силы. Развитие этих производительных сил и является источником технико-технологических изменений, которые и приводят к смене технологических укладов.

Научный интерес также вызывают определения понятия «технологический уклад», которые даются современными исследователями. Трактовки, представленные в таблице 1, необходимы, но недостаточны для полноценного представления о технологическом укладе как экономической категории.

Таблица 1 – Понятие «технологический уклад»

Ученый	Определение
С.Ю. Глазьев	– целостный комплекс технологически сопряженных производств, макроэкономический воспроизводственный контур, охватывающий все стадии переработки ресурсов и соответствующий тип непроизводственного потребления
Д.С. Львов С.Ю. Глазьев	– воспроизводственная целостность, формирующаяся группами технологических совокупностей, которые связаны между собой технологическими цепями одного и того же типа
Ю.В. Яковец	– совокупность научно-технических направлений, взаимосвязанных ресурсной и технологической базой, выраженных в ядре уклада; генотип некоторого этапа в развитии технологического базиса общества
В.И. Белоусов А.В. Белоусов	– комплекс освоенных прорывных, революционных инноваций (изобретений), обеспечивающих количественный и качественный скачок в развитии производительных сил человеческого общества
Ю.И. Хаустов Б.А. Соловьев В.П. Бочаров	– система производственных отношений, являющихся общественной формой функционирования определённого технологического способа производства, находящегося на стадии формирования, развития и разложения и сосуществующего с другой системой
А.В. Синицкий	– система технологически сопряженных производств и адекватных им институтов

Источники: [4], [5], [6].

Стоит отметить, что вышеперечисленные трактовки являются воплощением системного подхода, адекватного определенному периоду развития экономической науки. Однако они обладают некоторыми недостатками, в частности неполнотой. Так, например, согласно определению В.И. Белоусова и А.В. Белоусова в расчет берутся только новейшие инновации, что демонстрирует исключительно фазу становления, т. е. период зарождения, технологического уклада и при этом не отражает период активного развития и фазу зрелости уклада, во время которых распространение новой технологии происходит быстрее всего.

Определения Ю.И. Хаустова, Б.А. Соловьева, В.П. Бочарова и А.В. Синицкого практически отождествляют технологический уклад со способом производства по К. Марксу, что не отражает современной степени изученности технологического уклада как категории.

Систематизируя накопленные знания, наиболее точными и отвечающими современным потребностям видятся определения, представленные в таблице 2.

Таблица 2 – Современные понятия «технологический уклад»

Ученый	Определение
А.А. Сытник	– целостный комплекс технологически сопряженных производств и адекватных им организационно-экономических отношений, что позволяет целенаправленно формировать организационные структуры, соответствующие характеру и уровню развития технологий
И.В. Липсица А.А. Нещадин	– единое, устойчивое объединение сопряженных производств, в рамках которого происходит обособленный макроэкономический цикл, состоящий из добычи первичных производственных ресурсов, всех стадий их переработки и выпуска соответствующих конечных продуктов
Р.М. Нижегородцев	– это целостная система, единый межотраслевой комплекс взаимосвязанных производств, основанных на близких по характеру технико-технологических принципах и решениях

Источник: [7], [8].

Если рассматривать технологический уклад как основу всестороннего развития общества и брать во внимание сменяемость укладов при достижении определенного уровня развития производственных сил, то можно выделить ключевые факторы сравнения технологических укладов, а также основные концептуальные положения:

1. Каждый уклад характеризуется определенной и специфической для него совокупностью технологий, в которой сменяется чаще предмет или средство труда нежели рабочая сила. То есть каждый технологический уклад отличается ключевым фактором (укладообразующей технологией).

2. Технологические способы производства сменяются последовательно в результате накопления глобальных технологических проблем, решить которые текущим уровнем развития науки и техники становится практически невозможно. Результатом этого накопления становятся созданные условия для революций в области науки и техники, которые влекут за

собой изменения в производстве с переходом на более высокие технологические уклады с новейшими технологиями. То есть каждый технологический уклад отличается ключевыми отраслями в экономике, отвечающими современным потребностям.

3. Смена технологических укладов не означает тотальную смену способа производства во всех отраслях экономики, она приводит к модернизации и смене господствующего способа производства. То есть каждый следующий технологический уклад имеет ряд преимуществ по сравнению с предыдущим, но не замещает его полностью, а лишь использует его достижения как базу для развития и перехода к новому технико-технологическому этапу.

4. Главенствующую позицию в формировании нового технологического уклада занимают инновации, поэтому жизненный цикл технологического уклада схож с аналогичным инновационным циклом: он имеет стадию зарождения, развития (или широкого распространения) и угасания (или конец фазы быстрого роста). База каждого следующего технологического уклада начинает формироваться еще в период господства предыдущего технологического способа производства.

При анализе сменяемости технологических укладов наиболее интересными являются положения 3 и 4, из которых вытекает, что в процессе эволюционного развития технологической сферы жизни общества одновременно в экономике присутствуют несколько технологических укладов. Факт многоукладности определенно имеет положительные стороны: так, например, он обеспечивает преемственность и является своеобразным буфером, который значительно смягчает последствия смены способа производства. Однако это же в свою очередь приводит к сложностям, связанным с существованием полярных институтов управления социально-экономическими процессами в определенные промежутки времени, что может несколько замедлять развитие общества.

Современное общество находится на том этапе накопления производительных сил и производственных отношений, которые называют шестым технологическим укладом или переходом к постиндустриальному обществу. Заключительным этапом формирования данного уклада станет переход к информационному обществу.

На сегодняшний день состав технологических укладов, которые присутствуют в экономиках большинства стран, выглядит следующим образом:

Таблица 3 – Состав технологических укладов

Способ производства	Ключевой фактор / ресурс	Ключевые отрасли	Достижения уклада	Страны-лидеры
IV технологический уклад (1930–1970 гг.)				
автоматизированное производство, поточное (конвейерное) производство	двигатель внутреннего сгорания / энергия углеводородов	автомобилестроение, тракторостроение, цветная металлургия, нефтепереработка, нефтехимия, производство синтетики, широкое производство товаров народного потребления	массовое производство	США, СССР, Западная Европа
V технологический уклад (1970–2010 гг.)				
электронизированное производство	микроэлектроника / атомная энергия	электронная промышленность, ЭВМ, ПО, информатика, телекоммуникации, Интернет, космические технологии, ядерные технологии	индивидуализация производства	США, Западная Европа, Япония, Китай
VI технологический уклад (2010–2040 гг.)				
гибкие автоматизированные системы, индивидуализация производства и потребления	информационные технологии / возобновляемые источники энергии	нанотехнологии (моделирование свойств материалов), наноэлектроника, нанобиотехнологии, генная инженерия, роботостроение, облачные вычисления	развитие искусственного интеллекта	США, Западная Европа, Япония, Китай

Источники: [4], [9], [10].

Программными документами, определяющими ориентиры белорусской экономики в области технологических укладов, являются Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040», одобренная II съездом ученых Республики Беларусь, и Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг., утвержденная Указом Президента Республики Беларусь 15 сентября 2021 г. № 348.

Согласно вышеуказанным документам, стратегический ориентир научно-технологического развития Беларуси направлен на создание инновационной, конкурентоспособной и устойчивой экономики. Основные направления и приоритеты, коррелирующие с технологическими укладами, включают:

1. Развитие высокотехнологичных отраслей:

- ускоренное развитие IT-сектора, включая программное обеспечение, искусственный интеллект, большие данные и кибербезопасность;
- развитие биотехнологий, фармацевтики и медицинских технологий;
- продвижение в области нанотехнологий и новых материалов.

2. Цифровая трансформация:

- внедрение цифровых технологий во все сферы экономики и общественной жизни;
- развитие инфраструктуры для цифровой экономики, включая 5G, интернет вещей (IoT) и облачные технологии;
- создание «умных городов» и цифровизация государственных услуг.

Эти стратегические ориентиры направлены на то, чтобы Беларусь могла занять достойное место в глобальной экономике, основанной на знаниях и технологиях, обеспечивая устойчивое развитие и повышение благосостояния своих граждан.

Определение удельного веса каждого технологического уклада в экономике имеет ряд проблем, которые в большей степени связаны с:

1. Ограниченностью доступности информации, что связано в первую очередь с особенностями и возможностями учета статистики. Для измерения доли технологического уклада в производстве страны необходимо разработать на государственном, а порой даже на международном уровне систему показателей, критериев и индикаторов, которые охватили бы все отрасли промышленного производства, а также базировались на весьма точно рассчитанной информации и были унифицированы.

2. Анализом не только статического состояния уровня накопления производственных отношений, но его динамики. Если статический уровень можно охарактеризовать совокупностью определенных ресурсов и технологий, используемых в текущий момент выпуска промышленной продукции, то исследование технологического уклада в динамике представляет собой анализ воспроизводственного контура, что значительно усложняет расчет.

3. Полнотой и обоснованностью выбора критериев и показателей для отнесения тех или иных производств к определенному технологическому укладу.

В настоящее время в Республике Беларусь разработаны Методические рекомендации по отнесению технологий к V и VI технологическим укладам, утвержденные Приказом № 166 от 06.06.2017 г. Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь.

К V и VI технологическим укладам, согласно данным рекомендациям, относятся технологии по следующим направлениям:

Таблица 4 – Технологии высших технологических укладов

V технологический уклад	VI технологический уклад
информационно-коммуникационные технологии; биотехнологии; технологии в области микро- и радиоэлектроники; технологии в области роботостроения и приборостроения; технологии в области вычислительной, оптико-волоконной техники и офисного оборудования; технологии производства медицинской техники и оказание высокотехнологичной медицинской помощи; технологии производства фармацевтической продукции; технологии производства новых материалов с заданными свойствами; авиакосмические технологии; технологии в области атомной энергетики и возобновляемых источников энергии.	нанотехнологии; гено-инженерные и клеточные технологии; технологии искусственного интеллекта; аддитивные технологии.

В связи с ограниченностью и сложной доступностью информации, которая характеризовала бы использование конкретных технологий на производствах, а также отсутствием в нормативной базе критериев отнесения к технологиям четвертого уклада, целесообразно использовать методологию Организации экономического сотрудничества и развития, которая основана на критерии объема расходов на НИОКР, то есть по соотношению затрат на НИОКР к добавленной стоимости.

Таблица 5 – Затраты на НИОКР в технологических укладах

Группы отраслевой классификации	Отношение затрат на НИОКР к добавленной стоимости (%)
Высокотехнологичные (биотехнологии и фармацевтика, самолеты и космические аппараты; приборостроение; радио, телевидение и оборудование связи; вычислительная техника)	[8 %–100 %]
Среднетехнологичные высокого уровня	[2,5 %–8 %]
Среднетехнологичные низкого уровня	[1 %–2,5 %]
Низкотехнологичные	(0 %–1 %)

Источник: [11].

Для распределения по технологическим укладам, основываясь на теоретических знаниях и нормативно-правовой базе, воспользуемся следующей градацией отраслей:

- высокотехнологичные отрасли будут отражать отнесение производств к высшим технологическим укладам, т. е. к пятому и шестому
- среднетехнологичные отрасли высокого уровня – к четвертому технологическому укладу;
- среднетехнологичные отрасли низкого уровня – к третьему технологическому укладу;
- низкотехнологичные отрасли – к первому и второму технологическому укладу.

Таблица 6 – Структура объема промышленного производства по уровню технологичности

Вид	Технологический уклад	Год				
		2019	2020	2021	2022	2023
Промышленность, всего		100	100	100	100	100
из нее обрабатывающая промышленность по уровню технологичности:		88,7	88,5	89,3	89,7	90
высокотехнологичные производства	V и VI	2,8	3,3	3,1	3,4	4,0
среднетехнологичные производства (высокого уровня)	IV	22,8	21,9	23,4	23,5	24,3
	<i>ниже IV</i>	<i>63,1</i>	<i>63,3</i>	<i>62,8</i>	<i>62,8</i>	<i>61,7</i>
среднетехнологичные производства (низкого уровня)	III	29,2	26,3	28,0	26,0	27,4
низкотехнологичные производства	I и II	33,9	37,0	34,8	36,8	34,3

Источник: [12].

Проведя анализ данных Национального статистического комитета Республики Беларусь, можно сделать вывод о том, что основу экономики страны составляют производства, находящиеся по уровню ниже четвертого технологического уклада, а наибольший удельный вес имеют низкотехнологичные производства.

Обращаясь к методике по оценке уровня технологичности и наукоемкости экспорта товаров и услуг, в которой представлена классификация видов экономической деятельности по уровню технологичности производимых товаров, основанная на вышеупомянутой методике ОЭСР, можно определить виды деятельности по уровню технологичности:

Таблица 7 – Виды деятельности по уровню технологичности

Виды деятельности	Код вида деятельности
Высокотехнологичные	21; 26; 303
Среднетехнологичные (высокого уровня)	20; 254; 27–29; 30 (исключая 301, 303); 325
Среднетехнологичные (низкого уровня)	182; 19; 22–24; 25 (исключая 254); 301; 33
Низкотехнологичные	10–17; 18 (исключая 182); 31; 32 (исключая 325)

К высокотехнологичным отраслям относится производство основных фармацевтических продуктов и препаратов, компьютеров, электронной и оптической продукции, воздушных и космических летательных аппаратов.

К среднетехнологичным отраслям высокого уровня относятся такие виды деятельности, как производство продуктов химической промышленности, электрического оборудования, автотранспортных средств, трейлеров и полуприцепов и т. п. К среднетехнологичным отраслям низкого уровня относятся производство продуктов нефтепереработки, резиновых и пластмассовых изделий, прочих минеральных продуктов. Эти отрасли являются традиционной основой конкурентоспособности белорусской экономики на мировом рынке.

К низкотехнологичным отраслям относится производство продуктов питания, напитков, одежды, мебели и прочих товаров. Несмотря на низкую технологичность данных производств, большинство из этих товаров являются товарами первой необходимости, что исключает возможность отказа от их производства в стране.

Таким образом, мы видим, что основу белорусской экономики составляют как раз те отрасли промышленности, которые обладают наибольшими конкурентными преимуществами на международной арене или важны для поддержания уровня национальной безопасности, несмотря на их не самую высокую технологичность.

Важно понимать, что Республика Беларусь обладает высоким научным потенциалом, что выражается в:

- планомерном росте высокотехнологичной продукции (около 0,5 % в год);
- росте удельного веса отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции организаций промышленности (около 5 % роста за 2023 г. по сравнению с 2022 г.);
- количестве организаций промышленности, осуществляющих затраты на инновации (около 30 % от всех организаций промышленности);
- экспорте высокотехнологичных товаров (около 4 % в общем объеме экспорта) и среднетехнологичных товаров высокого уровня (около 27 % в общем объеме экспорта), а также высокотехнологичных услуг (около 5 % в общем объеме экспорта) [12].

Подводя итог проведенному анализу, хочется отметить, что многоукладность экономики Республики Беларусь и преобладание в ней низких технологических укладов не означает, что белорусская экономика не «идет в ногу со временем», это означает, что белорусские предприятия больше ориентированы на сохранение высокого уровня национальной безопасности иногда в ущерб технологичности. Однако в последние годы усилия во многом направлены на соблюдение баланса между новейшими технологиями и обеспечением народа товарами первой необходимости, что проявляется в активном поощрении развития технологичности и поддержки стратегических производств.

Литература

1. Вдовина, А. А. Понятие «технологический уклад» в системе экономических категорий и новые технологические уклады общественного развития / А. А. Вдовина // Креативная экономика. – 2019. – № 4. – С. 605–618.
2. Сытник, А. А. Организационно-экономические аспекты развития технологического уклада в формирующейся рыночной экономике : на примере Российской Федерации : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / А. А. Сытник ; Саратовский гос. технич. ун-т. – Саратов, 2012. – 343 с. : ил.
3. Шумпетер, Й. Капитализм, социализм и демократия/ Й. Шумпетер ; пер. с англ. – М. : Экономика, 1995. – 540 с.
4. Белоусов, В. И. Технологические уклады и преодоление экономических кризисов страны [Электронный ресурс] / В. И. Белоусов, А. В. Белоусов. – Режим доступа : <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=47065>. – Дата доступа : 20.12.2020.
5. Булдыгин, С. С. Концепция промышленной революции: от понятия до наших дней / С. С. Булдыгин // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 420. – С. 91–95.
6. Василенко, В. Технологические уклады в контексте стремления экономических систем к идеальности / В. Василенко // Социально-экономические проблемы страны. – 2013. – № 1 (8). – С. 65–72.

7. Возрождение экономики России : путь в XXI век : монография / В. П. Логинов [и др.]. – М. : Наука, 2000. – 268 с.
8. Глазьев, С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития / С. Ю. Глазьев. – М. : ВладДар, 1993. – 310 с.
9. Залоило, М. В. Искусственный интеллект в праве : научно-практическое пособие / М. В. Залоило. – М. : Инфотропик Медиа, 2021. – 132 с.
10. Пшеничный, В. М. Цифровизация мировой экономики как фактор перехода к новому технологическому укладу : вызовы и возможности для российских энергетических компаний на глобальном рынке : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.14 / В. М. Пшеничный ; Российский гос. ун-т нефти и газа (нац-ый исслед-ий ун-т) им. И.М Губкина. – М., 2022. – 196 с. : ил.
11. Hatzichronoglou, T. Revision of the high-technology sector and product classification [Electronic resource] / T. Hatzichronoglou // OECD Science, Technology and Industry Working Papers. – 1997. – № 1997/02. – Access mode : <https://doi.org/10.1787/134337307632>. – Date of access : 24.11.2024.
12. Коржова, В. А. Значимость технологических укладов в процессе интеграции государства в международные экономические отношения / В. А. Коржова // Актуальные вопросы экономической науки в XXI веке : Международная научно-практическая конференция – X чтения, посвящённые памяти известного белорусского и российского учёного-экономиста Михаила Вениаминовича Научителя, Гомель, 24 октября 2024 г. : сб. матер. / М-во образования Республики Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол. : А. К. Костенко (гл. ред.) [и др.]. – Гомель, 2024. – С. 163–165.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 07.02.2025

Методика оценки степени вмешательства государства в функционирование системы здравоохранения Республики Беларусь

А.Г. ЗЕМЦОВ

Система здравоохранения является ресурсоемкой отраслью, занимающей особое место в системе общественного производства, требующей привлечения значительных объемов ресурсов как государственных, так и частных, проведения мероприятий, направленных на эффективное использование данных ресурсов. Нами сформулированы предложения по методике оценки степени регулирования государством функционирования системы здравоохранения в Беларуси в рамках оптимального соотношения рынка и государства.

Ключевые слова: здравоохранение, экономические отношения, государственное регулирование, методика оценки государственного регулирования.

The healthcare system is a resource-intensive industry, occupying a special place in the system of social production, requiring the attraction of significant volumes of resources, both state and private, and the implementation of measures aimed at the effective use of these resources. We have formulated our proposals on the methodology for assessing the degree of state regulation of the functioning of the healthcare system in Belarus within the framework of the optimal balance between the market and the state.

Keywords: healthcare, economic relations, government regulation, methods of assessing government regulation.

Введение. В современных условиях сфера здравоохранения оказывает возрастающее влияние на функционирование реального сектора экономики, сохранение и развитие человеческого капитала, участвует в формировании условий экономического роста, качественных структурных сдвигах в экономических системах. Функционирование сферы здравоохранения создает мультипликативный эффект не только в социальной сфере, но и непосредственно в общественном производстве, способствуя росту производительности труда. Она способствует росту конкурентоспособности экономики и интенсификации инновационного развития. Для Республики Беларусь как страны с малой открытой экономикой, не обеспеченной стратегическими запасами природных ресурсов сохранение высокого уровня IQ населения, физического состояния здоровья и здорового уровня жизни способствует увеличению потенциала человеческого капитала. С учетом негативных тенденций иммиграционных процессов эффективное функционирование сферы здравоохранения способствует сохранению национальной экономики как системы с высокой социальной защищенности.

Среди задач развития сферы здравоохранения по пути формирования рынка с социальной ориентацией на первый план выходит проблема оптимального соотношения рынка и государства в этом секторе экономики и оптимальных границ вмешательства государства в функционирование здравоохранения. В рамках процесса обеспечения всеобщей доступности услуг здравоохранения наибольшее значение имеет выстраивание процессов эффективного соотношения рынка и государства [1]. Необходимость обеспечения доступности услуг здравоохранения и их высокого качества обусловлена тем, что доказана непосредственная взаимосвязь между уровнем здоровья граждан и эффективностью их трудовой деятельности [2].

В Республике Беларусь одним из важнейших направлений развития системы здравоохранения выступает обеспечение доступности здравоохранения, всеобщей защищенности. Достижение целей, предусмотренных данной моделью, невозможно без проведения мероприятий, направленных на повышение расходов государства на систему здравоохранения и привлечения частного капитала. В области здравоохранения результаты предпринимательской активности могут проявляться как материальные продукты, такие как медицинское оборудование, инструменты или лекарства, а также различные услуги, включая консультации, диагностические процедуры и страхование.

Дальнейшее развитие сектора малого предпринимательства в сфере медицины и медицинских товаров предполагает создание комплексной системы поддержки на всех уровнях – федеральном, региональном и местном. Это требует грамотного сочетания усилий органов местного самоуправления, региональных властей, а также установления четких общенациональных гарантий и их обеспечения.

Нами сформулированы наши предложения по методике оценки степени вмешательства государства в функционирование здравоохранения в Республике Беларусь в рамках поиска оптимального соотношения рынка и государства.

Основная часть. На основе обобщения зарубежного опыта функционирования медицины трансформационных экономик нами исследованы основные особенности белорусской модели здравоохранения, которые следует учитывать при обосновании эффективного, на условиях частно-государственного партнерства, функционирования рынка в рассматриваемой социальной сфере.

Нами сформулированы предложения по методике оценки уровня государственного регулирования в разрезе следующих направлений: 1) регулирование предоставления минимальных услуг согласно социальным стандартам; 2) субсидирование и дотирование социально необходимых, но убыточных производств медицинских товаров и услуг; 3) планирование и прогнозирование ассортимента и объема производства товаров и услуг; 4) территориальное распределение полномочий государственных органов здравоохранения в контексте частно-государственных отношений; 5) обеспечение эффективности включения здравоохранения во внешнеэкономические связи.

Предлагаем более подробную оценку деятельности государственного частого секторов в разрезе вышеуказанных направлений в виде системы показателей.

1. Одним из важных направлений формирования оптимального контроля рыночных отношений государством является предоставление минимальных услуг согласно социальным стандартам.

Роль государства в регламентации социальных нормативов заключается в основном в регламентации перечня лекарственных средств, финансируемых из государственного бюджета.

Разработка и текущая корректировка минимальных социальных стандартов является сложной задачей. В настоящее время проблема заключается в том, как именно их определить, каковы их оптимальные пределы. Нами предлагается следующий синтезированный индекс I_1 в этом направлении (1):

$$I_1 = \frac{\text{средний процент колебаний социальных нормативов} \times \text{темпы роста МСП}}{\text{темпы роста ИПЦ на медицинские услуги}}. \quad (1)$$

Отдельные экономисты считают, что при разработке и реализации государственной политики необходимо учитывать общие социально-экономические условия, не подлежащие контролю со стороны государства по меньшей мере в кратко- и среднесрочной перспективе, но оказывающие влияние на частные расходы (не дискреционные факторы). Среди значимых не дискреционных факторов они выделяют относительную стоимость услуг здравоохранения, доход и его распределение, возрастную структуру, уровень образования, политические предпочтения общества [2]. Однако в официальной статистике они не находят отражения, поэтому мы не можем их идентифицировать на данной стадии исследования.

2. Оценка государственного воздействия на формирование рыночных отношений в системе здравоохранения в разрезе субсидирования и дотирования социально необходимых, но убыточных производств медицинских товаров и услуг. Круг данных вопросов в Республике Беларусь решается достаточно эффективно.

Нами предлагается следующий синтезированный индекс I_2 . В данном случае можно использовать в интегрированном показателе не всю заболеваемость, а те заболевания, лечение от которых дотируется государством I_2 (2):

$$I_2 = \frac{\text{темпы роста расходов на здравоохранение}}{\text{темпы роста изменения заболеваемости} \times \text{темпы роста ИПЦ}}. \quad (2)$$

Вышеуказанный показатель рос с 2018 г., с небольшим снижением в 2020 г [3]. Государство смогло направлять на поддержание социально необходимых, но убыточных производств, больше денежных средств.

3. Следующий круг вопросов, рассмотренный нами, касается оценки и оптимизации вмешательства государства в формирование ассортиментного перечня товаров и услуг здравоохранения. Косвенно соответствие спросу по количеству и качеству характеризует информация в отделе по работе с жалобами и обращениями граждан при Министерстве здравоохранения, что можно отразить интегрированным индексом I_3 (3):

$$I_3 = \frac{\text{темпы прироста валовой выручки}}{\text{темпы прироста жалоб и обращений} \times \text{темпы роста ИПЦ}}. \quad (3)$$

В целом бюджетная политика Беларуси в сфере здравоохранения, выполняя роль основного инструмента государственного регулирования, направлена на реализацию стратегических целей и решает следующие задачи: 1) удовлетворение потребностей населения в медицинских услугах; 2) обеспечение социальных стандартов в сфере здравоохранения; 3) контроль за рациональным использованием финансов, выделенных из государственного бюджета; 4) обеспечение сохранности человеческого капитала; 5) территориальное выравнивание объема и доступности услуг, оказываемых населению [4].

Следует также учитывать специфику белорусской модели здравоохранения. В Республике Беларусь она имеет централизованную структуру и относительно незначительный частный сектор [5]. Поэтому в данном случае преимущество по реализации задач касательно ценообразования в фармацевтической промышленности и сети медицинских учреждений, а также льготирование и доступность лекарств и отдельных медицинских услуг на стороне белорусской модели здравоохранения. Однако данные задачи силами только госсектора решаются недостаточно быстро.

4. Задачу дифференциации государственных служб в зависимости от территориальной доступности медицины предлагается оценивать с помощью индекса (4):

$$I_4 = \frac{\text{удельный вес региональных расходов на здравоохранение}}{\text{темпы роста удельного веса экспорта} \times \text{темпы роста ИПЦ}}. \quad (4)$$

Считаем необходимым внести в данный индекс показатель темпа роста экспорта, т. к. лишь централизация в такой небольшой стране способна адекватно отразить проникновение на внешние рынки. Также, чем больше темпы роста инфляции, тем больше необходима централизация с целью контроля за социальной доступностью медицинских препаратов и услуг. Отсюда необходима корректировка данного показателя на ИПЦ в знаменателе.

5. В связи с актуализацией интеграционных процессов на рынка ЕАЭС сферой вмешательства государства все больше становится регулирование внешнеэкономической деятельности (ВЭД) в системе здравоохранения. Предлагается – индекс внешне экономического регулирования I_5 (5):

$$I_5 = \frac{\text{темпы роста экспорта медицинских препаратов}}{\text{темпы роста доходов от ВЭД}}. \quad (5)$$

Государство в Беларуси при помощи квот, тарифов, таможенных пошлин контролирует импорт медицинских препаратов и услуг. Это является тактической целью государства. Однако такие меры не должны негативно сказываться на внутреннем рынке. Стратегическая цель государства по оптимизации государственного вмешательства состоит в нахождении разумного сочетания двух задач: наполняемости внутреннего рынка качественными импортными препаратами, недопущения их дороговизны и поддержки отечественных производителей медпрепаратов, реализации стратегии импортозамещения. В то же время Республика Беларусь с ее незначительной экономической мощью не способна существенно повлиять на сложившиеся глобальные цепочки добавленной стоимости.

Население, привыкшее десятилетиями к «бесплатной» медицине, неоднозначно воспринимает расширение платных услуг в такой социально значимой сфере, как здравоохранение. Поэтому регулирующая функция государства в области ценообразования и оптимальной допустимости частного бизнеса в отдельные сегменты системы здравоохранения в Республике Беларусь особенно актуальны.

Одним из важных направлений формирования оптимального соотношения рынка и государства в здравоохранении является предоставление минимальных услуг согласно соци-

альным стандартам. Однако необходимо учитывать, что население, привыкшее десятилетиями к «бесплатной» медицине, неоднозначно воспринимает расширение платных услуг в такой социально значимой сфере, как здравоохранение. Поэтому регулирующая функция государства в области ценообразования и оптимальной допустимости частного бизнеса в отдельные сегменты системы здравоохранения в Республике Беларусь особенно актуальны.

Заключение. Система здравоохранения является ресурсоемкой отраслью, занимающей особое место в системе общественного производства, требующей привлечения значительных объемов ресурсов как государственных, так и частных, проведения мероприятий, направленных на эффективное использование данных ресурсов. Роль государства должна заключаться в создании единых для всех хозяйствующих субъектов правил, благоприятствующих развитию предпринимательства в стране. Государство определяет и внедряет регулирующие меры путем издания мотивированных законодательных и нормативных актов, способствующих развитию рыночной конкуренции, и контролирует выполнение этих правил; защищает права собственности и свободу хозяйственной деятельности.

Необходимо учитывать, что соотношение государства и рынка должно давать максимальный положительный результат для функционирования системы здравоохранения и проявляться в сохранении и приумножении человеческого капитала при минимальных затратах государственного и частных секторов.

Представляется, что на современном этапе развития системы здравоохранения Республики Беларусь в наибольшей степени подходит «смешанная» концепция соотношения рынка и государства. Белорусская концептуальная смешанная модель может быть основана на оптимальном сочетании нескольких принципиальных подходов к функционированию различных сегментов системы здравоохранения.

Литература

1. Каткова, И. П. Преждевременная смертность : тенденции и перспективы снижения в контексте целей устойчивого развития России / И. П. Каткова, В. В. Локосов, С. И. Рыбальченко // Проблемы современной экономики. – 2018. – № 2 (58). – С. 93.
2. Мажинская, М. А. Экономические отношения в системе здравоохранения [Электронный ресурс] / М. А. Мажинская. – Режим доступа : https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/34223/1/Мажинская_Экономические%20отношения.pdf. – Дата доступа : 26.12.2023.
3. Зарубина, О. А. Факторы и значение частных расходов в здравоохранении / О. А. Зарубина, Н. Н. Сисигина // Фармакоэкономика. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология. – 2016. – Т. 9, № 4. – С. 24–30.
4. Статистический ежегодник Республика Беларусь 2022 / Национальный статистический комитет. – Минск, 2022. – 374 с.
5. Мамишева, З. А. Здравоохранение как объект государственного регулирования и управления / З. А. Мамишева, В. О. Яврумян // Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований : материалы XXII Международной научно-практической конференции, North Charleston, 02–03 марта 2020 г. – North Charleston : LuluPress, Inc., 2020. – С. 117–119.

Структурные сдвиги и экономические циклы: сравнительный анализ Беларуси и Ливана

Л.П. ЗЕНЬКОВА¹, Б.Р. ХЕГАЗИ²

Обе экономики испытывают давление внешних шоков геополитического характера, однако обе активно преобразуют свою экономику, проводя структурные преобразования. В статье проведен сравнительный анализ причин и последствий экономических кризисов в Беларуси и Ливане, влияния кризисов на интенсивность структурных сдвигов.

Ключевые слова: экономический кризис, структурные сдвиги, эффект Самуэльсона, сфера услуг.

Both economies are under pressure from external shocks of a geopolitical nature, but both are actively transforming their economies, carrying out structural transformations. The article provides a comparative analysis of the causes and consequences of economic crises in Belarus and Lebanon, and the impact of the crises on the intensity of structural shifts.

Keywords: economic crisis, structural shifts, Samuelson effect, services.

Введение. Экономики Беларуси и Ливана имеют схожие черты: высокий удельный вес сельского хозяйства, обе сервис-ориентированы, наделены незначительными природными ресурсами. В частности, важными секторами экономики Ливана являются туризм и банковское дело. Беларусь имеет такие же относительно развитые сферы, но, в отличие от Ливана, их экспортирует. Следует отметить небольшую долю финансовых услуг в экспорте Беларуси (около 0,7 %). Кроме того, туризм в валовой добавленной стоимости Беларуси занимает не такой уж значительный вес: около 0,3 %.

Однако если экономика Беларуси и ее кризисы достаточно полно изучены экономистами [1], [2], то исследования кризисов и структурных сдвигов в Ливане почти не проводились. Абсолютное большинство публикаций по Ливану касаются либо демографической проблемы, иммиграционных потоков, либо политических переворотов и религиозных противоречий. Тем не менее, ряд публикаций все же интересны тем, что косвенно связаны с экономическими кризисами и структурными сдвигами. В частности, серьезный финансово-экономический провал в Ливане в 2011 г. ученые объясняли «усилением политической напряженности в ближневосточном регионе, в частности, с сирийским военным конфликтом, начавшимся в марте 2011 г. ... Заметно ухудшился дефицит бюджета: он вырос на 4,5 % против предшествующего года и достиг 11,5 % ВВП» [3, с. 53]. Отдельные авторы объясняли финансовый кризис Ливана 2019 г. ухудшением накопившихся социально-экономических проблем: «Финансовый кризис привёл к тому, что курс национальной валюты страны – ливанского фунта – упал на параллельном официальному рынку на 50 %, выросла безработица [4, с. 46]. Характерно, что в эти же годы Республика Беларусь испытала очень серьезные кризисы (валютный дефолт 2011 г., падение темпов роста в 2019 г. и резкий отрицательный прирост – 3,8 % ВВП в 2020 г.). Следовательно, в эти периоды структурные сдвиги в обеих экономиках ожидалось более существенными.

Кроме того, в одни и те же годы и в Ливане, и в Беларуси резко нарастала внешняя задолженность: в Ливане она выросла со 137 % от ВВП в 2006–2010 гг. до 149 % в 2010–2017 гг. [5, с. 99], а в Беларуси – с 28,4 млрд. долл. до 40,8 млрд. долл. (68,7 % от ВВП) [6, с. 21].

Идентификация кризисных фаз. Нам представляется интересным провести сравнительный анализ влияния экономических кризисов на обе национальные экономики, особенно в контексте структурных преобразований. На первом этапе исследований выявлены годы кризисных «ям» в обеих экономиках (рисунок 1).

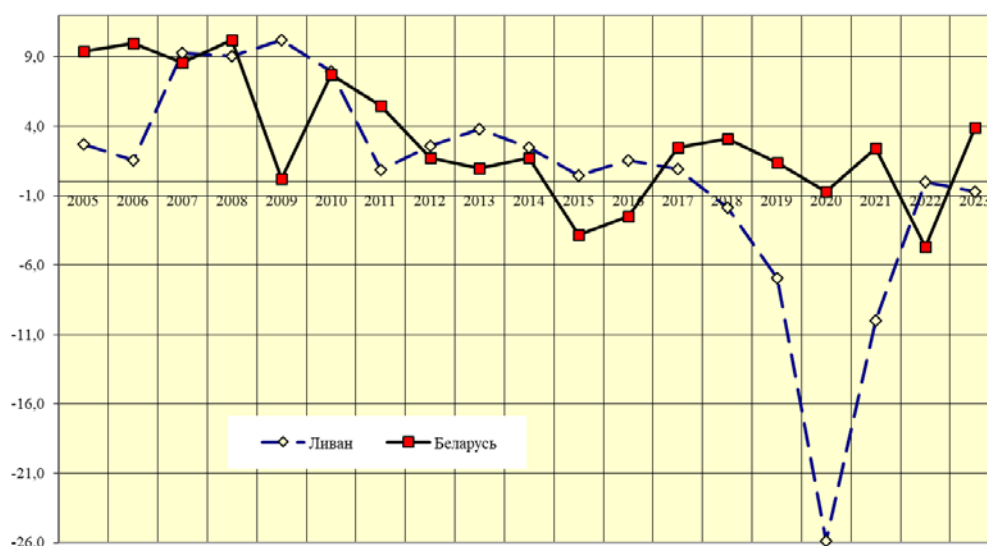


Рисунок 1 – Сравнительная динамика прироста реального ВВП в экономиках Ливана и Беларуси за период 2005–2023 гг., % к предыдущему году (Ливан 2010 г. = 100 %, Беларусь 2015 г. = 100 %)

Источники: сайт Национального статистического комитета <https://belstat.gov.by>; сайт Бюро статистики Республики Ливан <https://cas.gov.lb>.

Во-первых, четко обнаруживается так называемый эффект Самуэльсона, заключающийся в торможении темпов прироста ВВП накануне очередного кризиса. Действительно, в Ливане кризисы выявлены в годы 2006, 2011, 2015, 2017–2021, 2023 гг. Соответственно в 2005 (+2,7 %), 2010 (+8,0 % против 10,0 % в 2009 г.), 2014 (+2,5 % против 3,8 % в 2013 г.), 2017 (+0,9 % против +1,6 % в 2016 г.) обнаруживаются периодические снижения темпов экономического роста. В Беларуси аналогичное явление также наблюдается: в 2013–2014 гг. (+1,0–1,7 % против 5,5 % в 2011 г.), в 2019 гг. (+1,4 % против 3,1 % в 2018 г.). Однако есть и отличия: в Ливане экономика фактически так и не вышла из «циклического корыта», начавшегося в 2018 г., что обусловлено военно-политическими событиями. Экономика Беларуси неожиданно «просела» в 2022 г., также в результате введения пакта западных санкций в связи с геополитическим и событиями на Украине.

Сферы хозяйственной деятельности и циклы в экономиках Беларуси и Ливана. Прежде всего резким изменениям подверглись за 2010-е гг. соотношения между сферой производства и сферой услуг (таблица 1).

Таблица 1 – Сравнительные динамики темпов прироста реального ВВП, удельного веса сферы производства в Ливане и Беларуси, %

Показатели, %	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Беларусь: темп прироста ВВП к предыдущему году (2015 = 100 %)	7,7	5,5	1,7	1	1,7	-3,8	-2,5	2,5	3,1	1,4	-0,7	2,4	-4,7	3,9
Беларусь: удельный вес сферы производства	44,3	44,1	44,4	42,7	42,7	39	37,9	39,1	37,9	38,5	38,4	38,8	41,1	39,8
Ливан: темп прироста реального ВВП	8,0	0,9	2,6	3,8	2,5	0,5	1,6	0,9	-1,9	-6,9	-25,9	-10	0	-0,7
Ливан: удельный вес сферы производства	...	19,9	20,9	22,0	21,5	20,5	20,1	19,0	18,1	16,5	24,3	29,3

Источники: там же.

Данные таблицы 1 свидетельствуют, что в кризисные годы сфера производства Беларуси испытывает наибольшие трудности, поэтому при выходе на фазу экономического оживления удельный вес сферы производства товаров резко теряет свое значение (до минус 1,2–1,7 % в течение года).

Сравнение динамических рядов данных по Ливану показало другие результаты. В кризисные годы сфера производства товаров в Ливане в основном либо расширяла свою долю в ВВП (на +1–4 %), либо незначительно сокращала (минус 0,4 % в 2016 г.). Таким образом, эта сфера в Ливане оказалась более устойчива, чем в Беларуси. На наш взгляд, это связано с традиционными видами производства продукции (цемента, транспортного оборудования, текстиля) и устоявшимися рынками их сбыта. Даже в годы страшнейшего кризиса 2020–2021 гг., вошедшего в тройку самых разрушительных кризисов экономической истории планеты последних 170 лет, удельный вес сферы производства «потерял» всего минус 1,2 %, в то время как сегмент финансовых услуг за эти 2 года сократил свою долю с 9,8 до 4,5 %.

Мы посчитали эффективными более подробные исследования сравнительных изменений в темпах структурных сдвигов по доле каждой сферы хозяйственной деятельности в ВВП. Отдельное внимание уделено схожим сегментам развития услуг в обеих экономиках – финансовым услугам и услугам туризма (в ливанской статистике туризм учитывается совместно с гостиничным хозяйством). Сопоставление темпов прироста ВВП и динамики удельных весов указанных сфер хозяйственной деятельности Беларуси и Ливана (рисунки 2, 3) выявил следующие особенности:

- а) наиболее приспособляемой к очередным подъемам и спадам является сфера финансовых услуг, структурные сдвиги в ней усиливаются по мере приближения зон кризиса в экономике;
- б) структурные изменения динамики финансовых услуг испытывают приближение очередных провалов в экономике примерно за 1 год до их проявления;
- в) структурные изменения в сфере туризма и гостиничного хозяйства практически не зависят от смены фаз экономических циклов.

В экономике Республики Ливан аналогичное сопоставление выявило следующее (рисунок 3):

- а) более устойчива к амплитудам колебаний макродинамики сфера финансовых услуг, и, наоборот, сегмент туристических и гостиничных услуг очень зависим от экономической конъюнктуры Ливана;
- б) в кризисные периоды структурные сдвиги в обеих сферах усиливаются, и особенно в сфере финансовых услуг.

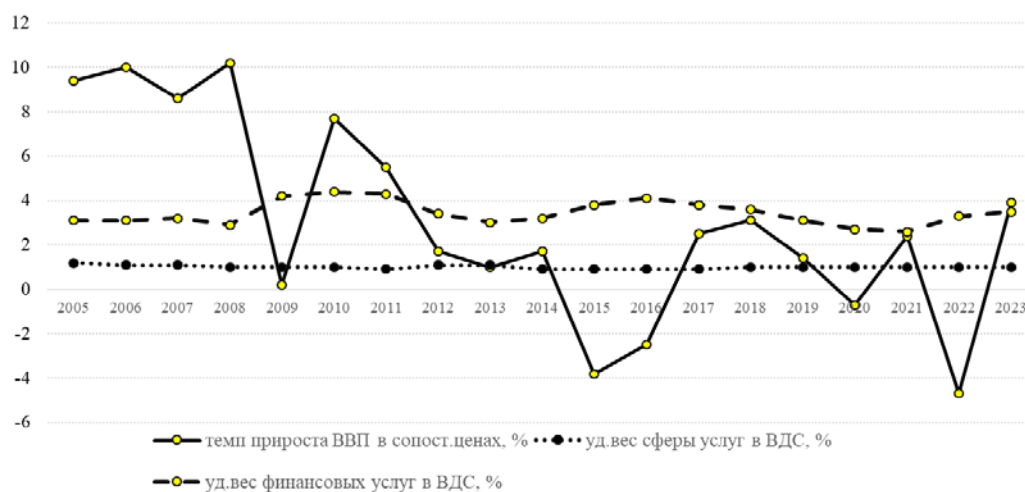


Рисунок 2 – Сравнительная динамика темпов прироста реального ВВП Республики Беларусь и удельных весов некоторых сегментов сферы услуг, %

Источники: там же.

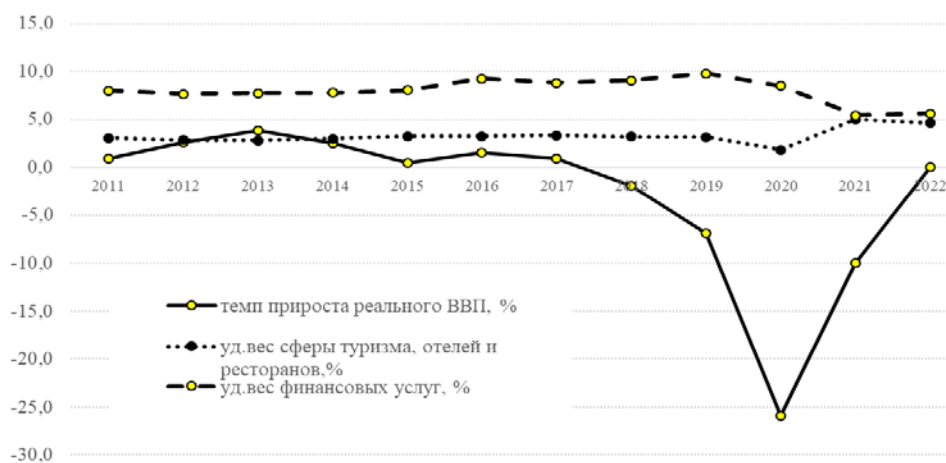


Рисунок 3 – Сравнительная динамика темпов прироста реального ВВП Республики Ливан и удельных весов некоторых сегментов сферы услуг, %

Источники: там же.

Анализ структурных сдвигов в отдельных секторах сферы услуг Ливана (таблица 2) позволил выявить следующие закономерности:

а) наиболее пострадали в периоды кризисов 2011 г. – сектора торговли и транспорта, финансовых услуг; кризиса 2015 г. – сфера торговли и транспорта, агробизнеса, лесного и рыбного хозяйства, строительных услуг, и, наоборот, возрос удельный вес финансовых услуг (+0,2 %);

б) в кризис 2017–2023 гг. наиболее «лихорадило» структурный профиль финансового сектора, сократили свое присутствие в экономике сектора информации и связи, строительных услуг (их доля сократилась на минус 0,4–2,2 %), сектор торговли и транспорта (его удельный вес в экономике сократился на 2,0 %, упав до 16,0 % в 2020 г.), однако укрепили свои позиции сектора агробизнеса и рыбного хозяйства, туризма. Отсюда можно сделать вывод, что в любых экономических кризисах резкие структурные сдвиги отмечались в секторах финансовых услуг, торговли и транспорта.

Таблица 2 – Сравнительная динамика удельных весов в ВВП Ливана некоторых секторов экономики, %

Удельный вес отдельных секторов в ВВП Ливана, %	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Сферы производства	19,9	20,9	22,0	21,5	20,5	20,1	19,0	18,1	16,5	24,3	29,3
Сферы услуг	80,1	79,1	78,0	78,5	79,5	79,9	81,0	81,9	83,5	75,7	70,7
Туризма, отелей и ресторанов	3,0	2,8	2,8	2,9	3,2	3,2	3,3	3,2	3,1	1,8	5,0
Финансовых услуг	8,0	7,7	7,7	7,8	8,0	9,3	8,8	9,1	9,8	8,5	5,4
Торговли и транспорта	20,6	19,4	19,5	19,5	19,4	17,9	18,0	16,8	16,0	16,7	26,7
Информационных услуг и связи	2,9	2,8	2,9	2,6	2,5	2,4	2,4	2,2	2,0	1,6	1,2
Строительства	4,9	5,9	6,6	6,3	5,3	5,2	4,3	3,8	2,6	2,6	3,2
Агробизнеса, лесного и рыбного хозяйства	4,1	4,1	4,3	4,3	3,5	2,9	3,0	3,4	3,3	7,4	7,2

Источники: там же.

Проведенный нами сравнительный анализ структурных сдвигов в национальной экономике Беларуси (таблица 3) выявил следующее.

Таблица 3 – Сравнительная динамика удельных весов в ВВП Беларуси отдельных секторов экономики, %

Удельный вес сектора в ВВП, %	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Сферы производства	44,3	44,1	44,4	42,7	42,7	39	37,9	39,1	37,9	38,5	38,4	38,8	41,1	39,8
Сферы услуг	44,3	45,1	42,4	45,4	45,6	47,7	48,5	47,7	47,8	48,4	49	48,7	48,2	47,8
Туризма	1,0	0,9	1,1	1,1	0,9	0,9	0,9	0,9	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0
Финансовых услуг	4,4	4,3	3,4	3	3,2	3,8	4,1	3,8	3,6	3,1	2,7	2,6	3,3	3,5
Транспорта и связи	7,6	7,3	7,1	6,4	5,7	5,5	5,7	5,8	5,9	5,7	5,3	5,3	5	4,9
Информационных услуг	2,6	2,2	2,4	3,1	3,2	4,1	4,9	5	5,4	6,3	7,1	7,3	6,1	4,5
Строительства	9,6	6,6	6,9	10,0	10,4	7,8	5,7	5,3	5,3	5,7	5,8	5,1	4,8	5,1
Торговли	12,1	15,3	14,3	12,4	12,2	12,2	11	9,7	10	9,3	9,6	9,3	9,7	9,7

Источники: там же.

Во-первых, в кризис 2014–2016 гг. наиболее изменили свои структурные веса сфера торговли и сфера транспорта, сектор финансовых услуг (удельный вес в ВВП соответственно сократился на минус 1,4 % и на 0,7 %, а также 0,7 %). Во-вторых, значительно укрепили свои позиции сектор информационных услуг (почти в 2 раза), строительство (на +0,9 %). В кризис 2019–2020 гг. перечисленные тенденции полностью сохранились. В кризис 2022 г. тенденции опять сохранились, только доля строительства несколько изменилась в худшую сторону. Таким образом, структурные сдвиги Беларуси более зависимы от кризисов и резче проявляются на фоне научно-технической революции в новых секторах хозяйственной деятельности.

Закключение. В результате исследований выявлено, что в кризисные и посткризисные периоды в рассматриваемых экономиках происходят наиболее интенсивно структурные сдвиги в относительно новых секторах хозяйственной деятельности, прежде всего в сфере информационных услуг и связи. Экономика Беларуси более неустойчива к внешним шокам, чем Ливана, поэтому структурные сдвиги как реакция на эти шоки происходят более значительные и резкие. Однако структурные сдвиги в ливанской экономике более зависят от внутренних проблем, прежде всего в финансовой сфере.

Литература

1. Зенькова, Л. П. Трансформационные экономики : Кратко- и среднесрочные экономические циклы / Л. П. Зенькова. – Минск : ИВЦ Минфина, 2015. – 236 с.
2. Зенькова, Л. П. Кратко- и среднесрочные циклы : теория формирования, методология статистического моделирования и анализа на стадии образования и использования доходов, прогнозирование кризисов / Л. П. Зенькова, М. М. Новиков. – Минск : ИВЦ Минфина, 2019. – 220 с.

3. Руденко, Л. Н. Восток. Особенности современного социально-экономического кризиса в Ливане / Л. Н. Руденко // *Афро-азиатские общества : история и современность*. – 2021. – № 3. – С. 52–60.
4. Бабенкова, С. Ю. Финансовая система Ливана : кризис ликвидности, протесты против истощения, дефолт / С. Ю. Бабенкова // *Путеводитель предпринимателя*. – 2020. – Т. 13, № 2. – С. 46–60.
5. Ермоленко, В. В. Влияние точек и проблем экономического роста на экономику Ливана в целом / В. В. Ермоленко, Д. В. Ланская, Х. А. Эль-Хиллани // *Естественно-гуманитарные исследования*. – 2022. – № 43 (5). – С. 99–103.
6. *Статистический ежегодник Республика Беларусь 2022 / Национальный статистический комитет*. – Минск, 2022. – 374 с.

¹Белорусский государственный
экономический университет

²Ливанский международный университет

Поступила в редакцию 13.12.2024

Внедрение ESG-принципов в экономику Китая

Н.Ф. КАДОЛ¹

Актуализация задач достижения Целей устойчивого развития, меняющиеся ожидания общества, обострение социально значимых проблем жизнедеятельности общества требуют новых подходов и моделей поведения. И сегодня ESG-принципы, включающие экологические, социальные и управленческие стандарты с целью достижения долгосрочной устойчивости, становятся неотъемлемым элементом стратегии управления. Определенный интерес представляет зарубежный опыт внедрения ESG-принципов в практику управления. В этой связи в статье рассмотрен опыт интеграции ESG-принципов в экономику Китая. Анализ показал, что Китай активно интегрирует ESG-принципы в свою экономику. И сегодня рынок ESG-инвестиций Китая является одним из самых быстрорастущих рынков. Важным драйвером процесса интеграции ESG-принципов в Китае является проводимая государственная политика, которая направлена на стимулирование данного процесса.

Ключевые слова: ESG-принципы, устойчивое развитие, мировой рынок, социальная ответственность, корпоративное управление.

Actualisation of the tasks of achieving the Sustainable Development Goals, changing expectations of the society, aggravation of socially significant problems in the life of the society require new approaches and models of behaviour. And today ESG-principles, including environmental, social and management standards to achieve long-term sustainability, are becoming an integral element of the management strategy. The foreign experience of ESG-principles implementation in management practice is of certain interest. In this regard, the article considers the experience of integrating ESG-principles into the Chinese economy. The analysis has shown that China actively integrates ESG-principles into its economy. And today China's ESG-investment market is one of the fastest growing markets. An important driver of the process of integration of ESG-principles in China is the government policy, which is aimed at stimulating this process.

Keywords: ESG principles, sustainable development, global market, social responsibility, corporate governance.

В современном мире концепция устойчивого развития является одной из самых обсуждаемых тем, ведь она затрагивает наиболее значимые социально-экономические и экологические проблемы, которые являются жизненно важными и касаются всех стран мирового хозяйства. И их решение требует консолидации усилий всех заинтересованных сторон. А внедрение ESG-концепции в практику корпоративного управления является одним из механизмов достижения устойчивого развития.

На протяжении определенного периода времени проводятся различные исследования, посвященные проблематике устойчивого развития, практике внедрения ESG-концепции в систему корпоративного управления, проблемам ESG-отчетности и раскрытия информации.

Так, вопросы устойчивого развития на международном и национальном уровнях представлены в исследованиях таких авторов, как I.R. Abubakar, С.А. Benaim, L. Raftis, A. Breuer, D. Malerba, M. Keitsch, А.Г. Аганбегяна, А.Г. Гранберга, Г.Р. Хасаева и др. [1]–[5], [6].

Теоретические и прикладные аспекты устойчивого развития компаний отражены в работах Т. Глэвина, Т. Диллика, Е.В. Корчагиной, А.Е. Костина Е. Крома, А. Ловинса, Ю.В. Мячина, К. Хокертса, Р. Штойера, Дж. Элкингтона [3].

Особое место в исследованиях занимают вопросы, связанные с процессом ESG-трансформации и отношения к нему бизнеса в контексте устойчивого развития. С. Lubinski, R.D. Wadhvani рассматривают вопросы влияния геополитики на процессы ESG-трансформации [7]. А. Delios, G. Perchthold, A. Capri затрагивают переосмысление отношения бизнеса к ESG-повестке за время пандемии Ковид-19 [7].

Исследователи Е. Saygili, S. Arslan, A. Birkan, O. Fatemi, M. Glaum, S. Kaiser, Е.О. Вострикова, А.П. Мешкова, С.С. Галазова, Э.С. Емельянова, Л.А. Васильев рассматривают вопросы роли корпоративного управления в результатах реализации ESG-принципов [2].

¹ ГГУ имени Ф. Скорины, профессор кафедры экономической теории и мировой экономики, д.э.н., доцент

Однако проведенный анализ показал отсутствие однозначности в понятийном аппарате исследуемой проблемы, наличие определенной фрагментарности в рассмотрении понятий устойчивого развития, ESG-концепции. Но несмотря на это статистические данные демонстрируют, что ESG-принципы активно внедряются в практику корпоративного управления, разрабатываются международные стандарты, нормативные акты, программы государственной поддержки. Все это подчёркивает важность ESG-принципов как для государства, так для бизнеса и общества в целом.

Определенный интерес представляет опыт Китая, одной из мировых держав, которая является важным практиком глобального устойчивого развития, активно интегрирует ESG-принципы в свою экономику. В этой связи целью работы является анализ реализации ESG-концепции в экономике Китая.

Тенденции, связанные с внедрением ESG-критериев в практику корпоративного управления, в последние годы получили значительный импульс, в первую очередь благодаря актуализации задач достижения Целей устойчивого развития, меняющимся ожиданиям общества, обострению социально значимых проблем жизнедеятельности общества.

Сегодня все большее количество компаний задумываются об устойчивости и социальном воздействии. Они или непосредственно ставят задачи по вкладу в достижение определенных Целей устойчивого развития, или реализуют эти задачи путем внедрения ESG-принципов в стратегию корпоративного управления. Таким образом, ESG-принципы, включающие экологические, социальные и управленческие стандарты с целью достижения долгосрочной устойчивости, становятся неотъемлемым элементом стратегии корпоративного управления.

Как отмечалось нами ранее, экологический компонент ESG-принципов включает оценку углеродного следа компаний, использования природных ресурсов и отношение к ним, управления отходами и усилий по минимизации воздействия на окружающую среду. Социальный компонент ESG-принципов охватывает формирующееся отношение компании с сотрудниками, поставщиками, партнерами, клиентами и взаимодействие с различными сообществами. Он включает в себя, например, поощрение гендерного равенства и недискриминации в оплате труда, равных возможностей, обучение сотрудников и защиту общества.

Управленческий компонент ESG-принципов фокусируется на лидерстве, внутреннем контроле и аудите, правах акционеров, антикоррупционной политике, а также практике прозрачности и подотчетности.

Соблюдение и внедрение ESG-принципов в практику корпоративного управления становится все более важным и неотъемлемым элементом как для инвесторов, так для сотрудников и клиентов. Они формируют восприятие компании и оценку ее эффективности, выходя за рамки финансовых показателей. Кроме того ESG-принципы помогают инвесторам оценивать инициативы компаний и их приверженность решению экологических проблем, социальной ответственности и надлежащего управления. ESG-критерии также являются ценным индикатором долгосрочного и устойчивого финансового успеха.

А имеющиеся данные и мировая практика демонстрируют нам, что актуальность интеграции ESG-принципов в практику корпоративного управления растет с каждым годом. Все большее количество компаний имеют свои ESG-программы.

Имеющиеся статистические данные и исследования подтверждают активный рост данного направления. Стоимость ESG-активов биржевых инвестиционных фондов на мировом рынке на 01.01.2024 г. достигла порядка 480 млрд долларов США, что в шесть раз больше в сравнении с 2019 г., когда их объем достигал 78 млрд долларов США [8]. По результатам 2024 г. мировой рынок ESG-инвестиций принес доход в размере 28362 млн долларов США (см. таблицу 1) [9].

Таблица 1 – Динамика дохода мирового рынка ESG-инвестиций за 2018–2024 гг. (млн долл. США)

2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
15646	17305	18689	20390	22490	25099	28362

Не отстает от общемировых тенденций и Китай, где также активно развивается ESG-направление. Опрос, опубликованный исследовательским отделом портала Statista, показал, что 74 % респондентов-инвесторов из США, Европейского союза и Китая планируют увеличить объем инвестиций в ESG направлении в 2025 г. Если рассмотреть доход мирового рынка ESG-инвестиций в региональном разрезе, то лидирующие позиции занимает Европейский союз (см. таблицу 2). На его долю приходится порядка 25 % доходов мирового рынка ESG-инвестиций по результатам за 2024 г. [9], [10].

Таблица 2 – Сравнительная характеристика развития мирового рынка ESG-инвестиций за 2024 г. (млн долл. США)

Регион	Доход рынка ESG-инвестиций за 2024 г., млн долл.	Прогнозируемый доход рынка ESG-инвестиций на 2030 г., млн долл.	Прогнозируемый темп роста рынка ESG-инвестиций, %
Мировой рынок	28362	79707	19,7
ЕС	7204	20484	19,9
США	7914	29272	19,7
Китай	1633	5079	21,7

Сегодня рынок ESG-инвестиций Китая является одним из самых быстрорастущих рынков. Так, доход рынка ESG-инвестиций Китая по результатам за 2024 г. составил более 1600 млн долл., что составило 5 % от мирового рынка. Согласно проведенным исследованиям, ожидается, что среднегодовой темп роста рынка ESG-инвестиций этого региона составит порядка 21,7 % [9], [10]. Предполагается, что Китай станет лидером Азиатско-Тихоокеанского регионального рынка ESG-инвестиций.

Главным драйвером развития и внедрения ESG-принципов в экономику Китая и в практику корпоративного управления является государственная политика, проводимая в данном направлении.

Государственная политика Китая в области ESG активно развивается и способствует интеграции ESG-практики. Сегодня Китай добился значительных успехов в законодательной сфере регулирования ESG-практики. Был принят ряд законов и нормативно-правовых актов в этой сфере, разработаны программы поддержки.

Важными предпосылками развития ESG-практики в Китае на наш взгляд являются задачи, поставленные по достижению экологической устойчивости и углеродной нейтральности, требования финансовых учреждений и инвесторов, разработка стандартов раскрытия информации.

Для достижения экологической устойчивости и углеродной нейтральности в Китае были пересмотрены имеющиеся законодательные документы и сформирована обновленная законодательная основа в сфере экологии. Так, основой новой законодательной системы в сфере экологической устойчивости стал Закон об охране окружающей среды, а также законы о предотвращении и контроле загрязнения в различных областях, например, вода, газ, почва, твердые отходы, шум, ядерная энергия и радиация.

Китай обозначил цель, которая предполагает достижение углеродной нейтральности к 2060 г. и сокращение выбросов углекислого газа на 45 % к 2030 г. [11].

В январе 2024 г. были утверждены «Правила торговли квотами на выбросы углерода», которые вступили в силу с 01.05.2024 г. Данные правила усиливают надзор за рынком квот на выбросы в Китае и ужесточают наказания за несоблюдение требований. Подобные меры применяются и территории Европейского союза.

В 2023 г. 1896 компаний, зарегистрированных на Шанхайской фондовой бирже, создали механизмы, связанные с защитой окружающей среды. Объем инвестиций в защиту окружающей среды составили 200 млрд юаней, что эквивалентно 28 млрд долл. Эти действия сократили выбросы углекислого газа более чем на 800 млн тонн [10].

Углеродная нейтральность является не единственным направлением в данной сфере. Управление природными ресурсами в Китае также рассматривается через призму ESG-критериев. Основными задачами, стоящими перед компаниями в рамках реализации E-компонента ESG-принципов в данном направлении, являются сохранение лесов, их вос-

становление, управление водными ресурсами. Эти задачи поддерживаются на государственном уровне. Нормативная база Китая требует от компаний раскрывать экологические риски и показатели, включая данные о потреблении энергии и загрязнении.

Особо следует отметить подход Китая к разработке стандартов раскрытия информации. Меры, применяемые в рамках государственной политики Китая, прежде всего направлены на стимулирование и увеличение обязательного и добровольного раскрытия информации в области устойчивого развития.

В декабре 2024 г. Министерство финансов Китая разработало Базовые руководящие принципы раскрытия информации об устойчивом развитии корпораций и ESG-отчетности [7]. В целом, данные принципы соответствуют принципам раскрытия информации, разработанным Международным советом по стандартам устойчивого развития (ISSB) при ООН, которые требуют от компаний раскрывать информацию, связанную с управлением, стратегией, управлением рисками и возможностями, а также показателями и целями.

Базовые руководящие принципы раскрытия информации об устойчивом развитии корпораций, разработанные в Китае, имеют отличия от принципов раскрытия информации ISSB. Первые основаны на принципе «двойной существенности», подразумевающим анализ как воздействия ESG-факторов на финансовые показатели деятельности компаний, так и воздействия деятельности компаний на ESG-факторы. В то время как вторые фокусируются только на первой части. Еще одним отличием являются временные рамки предоставления отчетности. Согласно принципам раскрытия информации, разработанным Международным советом по стандартам устойчивого развития, компании имеют право самостоятельно определять временные рамки предоставления отчетности. Базовые руководящие принципы раскрытия информации об устойчивом развитии корпораций, разработанные в Китае, предполагают предоставление краткосрочного отчета в рамках года, среднесрочного отчета, который имеет временной период от года до пяти лет, и долгосрочного отчета, разрабатываемого за пятилетний период.

Реализации данных мероприятий предполагает создание к 2030 г. единой национальной системы ESG-отчетности.

Комиссией по регулированию рынка ценных бумаг Китая были также представлены руководящие принципы ESG-отчетности. Они подразумевают, что с 2026 г. компании, акции которых котируются на внутренних и зарубежных биржах, должны будут в обязательном порядке предоставлять ESG-отчетность. Кроме того, данные правила призывают другие компании публиковать свои ESG-отчеты в добровольном порядке.

Параллельно такие города, как Пекин, Шанхай и Сучжоу, выпустили локальные программы и механизмы, направленные на укрепление инфраструктуры ESG-практики, обеспечение прозрачности в корпоративном секторе. Например, Шанхай поставил перед всеми экспортноориентированными государственными предприятиями, имеющими котировки на фондовых биржах, задачу раскрытия информации и публикации ESG-отчетов начиная с 2027 г. Пекин сосредоточился на разработке и создании систем ESG-рейтингов [10].

Опыт Китая по интеграции ESG-практик в экономику и систему корпоративного управления отражает синергетический эффект внутренней государственной политики, основанной на определенном наборе приоритетов и мировых стандартов в сфере устойчивого развития.

Растущий акцент на прозрачности, соблюдении нормативных требований в устойчивом развитии подчеркивает приверженность страны к соответствию международным стандартам в сфере ESG. Регулирующие государственные органы, компании и инвесторы активно взаимодействуют и совместно вырабатывают механизмы продвижения ESG-практик.

Анализ институциональных условий развития и интеграции ESG-практики в экономику Китая позволил сделать вывод о том, что государственная политика в этой области имеет три направления. Во-первых, она связана с разъяснением ключевых позиций ESG-принципов в экономике, которое помогает ориентироваться хозяйствующим субъектам или финансовым учреждениям. Во-вторых, важным направлением государственной политики Китая в продвижении ESG-принципов в экономику является разработка механизма стимулирования, который предусматривает льготную политику для коммерческих организаций и финансовых

учреждений, внедряющих ESG в финансирование. В-третьих, это политика, направленная на раскрытие информации, совершенствование механизмов раскрытия информации, что в свою очередь повышает прозрачность применения ESG-практики. Разрабатываемые программы прежде всего опираются на имеющиеся международные стандарты в сфере ESG и адаптируются с учетом национальных особенностей и местных условий развития.

Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного при финансовой поддержке БРФФИ № Г23У-007.

Литература

1. Аганбегян, А. Г. К устойчивому социально-экономическому росту / А. Г. Аганбегян // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2021. – Т. 230, № 4. – С. 133–155.
2. Кадол, Н. Ф. Социальное предпринимательство как инструмент ESG-трансформации в контексте устойчивого развития / Н. Ф. Кадол // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2022. – № 4. – С. 203–209.
3. Социальное предпринимательство / Н. Ф. Кадол, С. О. Календжян ; под ред. А. Г. Аганбегяна. – М. : Издательский дом Дело. РАНХиГС, 2022. – 268 с.
4. Benaim, C. A. The social dimension of sustainable development : guidance and application / C. A. Benaim, L. Raftis // Sustainability. – 2008. – № 3. – P. 419–428.
5. Breuer, A. Translating sustainable development goal (SDG) Interdependencies into policy advice / A. Breuer, H. Janetschek, D. Malerba // Sustainability. – 2019. – № 2. – P. 167–178.
6. Keitsch, M. Structuring ethical interpretations of the sustainable development goals : concepts, implications and progress / M. Keitsch // Sustainability. – 2019. – № 8. – P. 56–65.
7. Lubinski, C. Geopolitical jockeying : Economic nationalism and multinational strategy in historical perspective / C. Lubinski, R. D. Wadhvani // Strategic Management Journal. – 2020. – V. 41, № 3. – P. 400–421.
8. Global ESG ETF assets 2006–2023 [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.statista.com/statistics/1297487/assets-of-esg-etfs-worldwide/>. – Date of access : 05.02.2025.
9. Global Esg Investing Market Size & Outlook, 2024–2030 [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.grandviewresearch.com/horizon/outlook/esg-investing-market-size/global>. – Date of access : 05.02.2025.
10. China ESG : All You Need to Know [Electronic resource]. – Access mode : <https://msadvisory.com/china-esg/>. – Date of access : 05.02.2025.
11. China Esg Investing Market Size & Outlook, 2024–2030 [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.grandviewresearch.com/horizon/outlook/esg-investing-market/china>. – Date of access : 05.02.2025.

Алгоритм изучения человеческого капитала белорусского села

С.Д. Лин

Статья содержит описание разработанного алгоритма изучения человеческого капитала сельской местности, состоящего из семи этапов, с характеристикой основных процедур и показателей оценки и анализа. В рамках данного алгоритма предложена методика расчета интегрального показателя условий воспроизводства человеческого капитала сельской местности. Сформулирована стратегическая цель развития человеческого капитала белорусского села.

Ключевые слова: человеческий капитал сельской местности, воспроизводство человеческого капитала села, методика оценки, алгоритм изучения.

The article contains a description of the developed algorithm for studying human capital in rural areas, consisting of seven stages, with a description of the main procedures and indicators of assessment and analysis. Within the framework of this algorithm, a method for calculating the integral indicator of the conditions for the reproduction of human capital in rural areas is proposed. The strategic goal of developing human capital in the Belarusian village is formulated.

Keywords: rural human capital, reproduction of rural human capital, assessment methodology, learning algorithm.

Введение. Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь к национальным интересам страны относятся устойчивое социально-экономическое развитие и высокая конкурентоспособность экономики, в том числе путем инвестирования в человеческий капитал [1]. В Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года стратегической целью устойчивого развития Беларуси определено «...достижение высоких жизненных стандартов населения» [2]. Одним из приоритетных направлений концентрации ресурсов выступает качественное возобновление человеческого капитала и повышение эффективности его использования. Особое значение в данном контексте имеет развитие человеческого капитала сельской местности, выступающего основным субъектом сельскохозяйственного производства страны. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в своих выступлениях неоднократно подчеркивал необходимость развития сельских территорий, что является важной частью общегосударственного процесса стабилизации и перехода к устойчивому развитию экономики. Следовательно, изучение состояния человеческого капитала белорусского села и разработка мер по его развитию является необходимым в современных социально-экономических условиях хозяйствования.

Актуальность данного вопроса подтверждается сокращением численности сельского населения, деформацией его половозрастной структуры, недостатком квалифицированных кадров. Иными словами, одной из первоочередных задач государственной политики Беларуси является определение направлений формирования и развития человеческого капитала села. В связи с этим также возникает необходимость четкого определения методических процедур для его анализа. На сегодняшний день существует множество методик изучения человеческого капитала [3], но основу большинства из них составляют исключительно показатели оценки человеческого капитала. Однако оценка является заключительным этапом исследования, позволяющим выявить существующие проблемы и предложить пути их решения. Следовательно, для принятия взвешенных решений относительно состояния и направлений развития человеческого капитала сельской местности необходима не просто его оценка, а алгоритм изучения, который, по мнению автора, должен сочетать статистические данные и качественные показатели, позволять изучить не только состояние человеческого капитала села, но и факторы, определяющие его формирование. В связи с этим разработан алгоритм исследования человеческого капитала сельской местности, состоящий из семи этапов, последовательность которых представлена на рисунке 1. Рассмотрим каждый из этапов более подробно.



Рисунок 1 – Последовательность этапов изучения человеческого капитала села

Первый этап является подготовительным и нацелен на выбор номенклатуры показателей и сбор необходимой информации, а также ее проверку на соответствие следующим требованиям – репрезентативность, точность, достоверность, полнота, возможность сопоставления. Источниками информации являются данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, монографии и статьи по теме исследования, результаты социологических опросов. Используется информация макроэкономического уровня, регионального и отраслевого.

В организации информации применяются следующие пути: хронологический, предполагающий последовательное описание ситуации от прошлого к будущему или наоборот, и логический, распределяющий информацию от частного к общему или от общего к частному. Период анализа зависит от поставленных целей, однако длительность временного периода должна позволить выявить основные тенденции изучаемых процессов и избежать искажений, вызванных колебаниями показателей в отдельные годы.

Основными методами анализа выступают горизонтальный, вертикальный, компаративный и графический анализ. Используемая информация включает в себя как абсолютные показатели, так и относительные.

Задачей **второго этапа** алгоритма является изучение и оценка процессов воспроизводства сельского населения. Такой анализ проводится по трем процессам: рождаемости, смертности и миграции, каждый из которых характеризуется определенным набором показателей. Для оценки рождаемости следует использовать абсолютное число рождений, вторичное соотношение полов, общий, суммарный и повозрастные коэффициенты рождаемости, долю внебрачных рождений. Показателями, предназначенными для анализа уровня смертности, являются абсолютное число смертей, общий и повозрастные коэффициенты смертности, коэффициенты младенческой смертности, ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Изучение миграции населения осуществляется на основе величины притока и оттока населения, сальдо миграции, миграционного оборота, а также их коэффициентов. Дополнить общую оценку демографической ситуации позволяют показатели воспроизводства населения.

Использование методики, изложенной в рамках данного этапа, дает возможность проанализировать отдельные демографические процессы в селе, определить их тенденции, оценить процесс воспроизводства населения в целом и выявить половые различия в нем.

Третий этап содержит изучение и оценку состава сельского населения по полу и возрасту. Для представления половой структуры населения можно воспользоваться количеством мужчин и женщин (их долями) или их соотношением. Отражение возрастной структуры населения осуществляется с помощью численности людей различных возрастных групп. Могут быть использованы одногодичные или пятилетние возрастные интервалы, а наиболее укрупненные группы связаны с границей трудоспособного возраста.

Более полный анализ предполагает проведение совместного изучения половой и возрастной структуры населения. Вариантом отображения половозрастной структуры населения является показатель соотношения полов (отношение числа мужчин к числу женщин) в различных возрастных группах. Для распределения по возрастам используются 5-летние возрастные интервалы. Также показателями, характеризующими состав населения, являются доля сельского населения в общей численности населения страны, число (доля) женщин фертильного возраста, коэффициент старения (удельный вес лиц в возрасте 60 (65) лет и старше в общей численности населения), коэффициенты демографической нагрузки.

Автором предложен и обоснован метод оценки уровня деформации половозрастной структуры населения, заключающейся в неравномерном распределении мужчин и женщин соответствующих возрастных групп между селом и городом (иначе гендерных диспропорций). Уровень деформации состава сельского населения по полу и возрасту (показатель J) рассчитывается по формуле (1):

$$J = \sum_{i=1}^d (m_c(t_i) - m_o(t_i)) \cdot \Delta t_i, \quad (1)$$

где $m_c(t_i)$ и $m_o(t_i)$ – показатели соотношения полов для сельского населения и всего населения республики соответственно; Δt_i – интервал возрастов i -й группы населения; d – число возрастных групп.

Показатель, равный 0, показывает полное соответствие распределения по возрастным диапазонам сельских мужчин и женщин их общереспубликанскому распределению. Поскольку при расчете данного показателя используются относительные величины, то его можно применять для сравнительного анализа уровня гендерных диспропорций в любых по численности массивах населения.

Четвертый этап включает изучение и оценку факторов воспроизводства человеческого капитала сельской местности, прежде всего социально-экономических и культурных.

Группа социально-экономических факторов является наиболее многочисленной и включает в себя следующие блоки для анализа: жилищный фонд, развитие здравоохранения, образования, общественного питания и торговли, каждому из которых соответствует ряд показателей. Изучение социально-культурных факторов охватывает особенности менталитета населения, его социально-культурные черты, динамику развития учреждений культуры и т. д. Так, необходимо проанализировать динамику числа клубных учреждений в сельской местности, публичных библиотек, их пользователей и выданных книг и журналов, киноустановок и числа их посещений, концертов и театральных мероприятий.

Анализ в рамках четвертого этапа позволяет установить влияние институциональной среды на формирование человеческого капитала сельской местности и определить наиболее важные факторы в реализации процессов воспроизводства населения.

Целью **пятого этапа** является проведение опросов и анализ полученных данных. Как уже отмечалось ранее, в основном методики оценки человеческого капитала села базируются на статистической информации, что позволяет оценить численные значения определенных показателей, но мнения, желания и стремления населения в целом и его отдельных групп не учитываются. Поэтому считаем целесообразным дополнить информацию, полученную из переписей населения и сборников текущего учета, результатами социологических опросов. Изучение зарубежных исследований показало, что в опросах сельского населения использу-

ются следующие показатели: удовлетворенность жителей возможностями трудоустройства; доля безработных в разрезе пола, возраста, продолжительности безработицы; наиболее значимые факторы и трудности при поиске работы; движущие силы миграции при переезде соответственно в городскую и сельскую местность; доступность и качество работы общественного транспорта, спортивных объектов, учреждений медицины, образования, торговли, быта и досуга; удовлетворенность обустройством дворов, улиц, охраной общественного порядка; доля малообеспеченного населения по отдельным возрастным контингентам и составу домашних хозяйств и т. д. Подобный мониторинг, регулярно проводимый Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь, повысил бы эффективность исследований состояния человеческого капитала сельских территорий.

Шестой этап алгоритма предназначен для расчета интегрального показателя условий воспроизводства человеческого капитала села, необходимого для комплексной оценки их уровня. Общая методика расчета показателя представлена в [4, с. 114–115], в данной статье предлагается ее доработанный вариант, включающий следующие этапы.

Этап 1. Определяется набор индикаторов с учетом следующих требований: показатели должны быть количественно измеримы, характеризовать отдельные сферы развития сельской местности и влиять на состояние ее человеческого капитала, в достаточно сильной степени взаимодействовать между собой.

В качестве оценочных показателей выбраны коэффициенты естественного и миграционного прироста населения, ожидаемая продолжительность предстоящей жизни при рождении, коэффициент старения, доступность для сельского населения клубных учреждений, публичных библиотек, розничных торговых объектов, стационарной медицинской и амбулаторно-поликлинической помощи, дошкольного и общего среднего образования, обеспеченность жильем в среднем на одного жителя, удельный вес трудовых ресурсов, доля малообеспеченного населения в общей численности жителей.

Предложенный набор показателей не претендует на полноту, но позволяет сформировать общее представление об условиях воспроизводства человеческого капитала сельской местности. Он может быть дополнен, в частности, такими индикаторами, как количество абонентов беспроводного и стационарного широкополосного доступа в интернет, охват населения услугами сотовой подвижной электросвязи по технологии LTE (4G), характеризующими возможности развития дистанционной занятости сельского населения. В предлагаемой нами методике эти показатели не использованы в виду их отсутствия в данных Национального статистического комитета Республики Беларусь в разрезе село / город.

Этап 2. Составляется матрица, где в столбцах отображаются показатели, в строках – годы, выбранные для анализа. Период анализа обусловлен доступностью данных в официальной статистике.

Этап 3. По каждому из показателей определяются минимальные и максимальные значения, после чего рассчитываются индексы на основе метода унификации данных, преобразующего все данные в диапазон [0; 1].

Этап 4. Далее частные индексы агрегируются в демографический, культурный, социальный и экономический субиндексы по формуле (2):

$$S_{jt} = 1/n \sum X_{it}, \quad (2)$$

где X_{it} – значение частного индекса (i – номер показателя, t – период времени); n – число частных индексов.

Для удобства расчетов предполагаем, что каждый показатель при расчете субиндекса имеет одинаковое влияние на его величину.

Этап 5. Рассчитывается интегральный показатель оценки условий воспроизводства человеческого капитала сельской местности как среднее значений субиндексов по формуле (3):

$$Y_t = 1/n \sum S_{jt}, \quad (3)$$

где S_{jt} – значение соответствующего субиндекса (j – номер субиндекса, t – период времени); n – число субиндексов.

Величина интегрального показателя варьируется от 0 до 1. Условия воспроизводства человеческого капитала села можно разделить по следующим категориям: низкий уровень (значение показателя от 0 до 0,3333), средний уровень (0,3334–0,6666), высокий уровень (0,6667–1).

Анализ полученных результатов позволяет выделить три группы показателей, формирующих условия воспроизводства человеческого капитала сельской местности:

- устойчивые показатели (динамика значений их частных индексов за анализируемый период демонстрирует положительный тренд);
- критические показатели, частные индексы которых имеют отрицательную динамику и достигли минимальных значений к концу периода анализа;
- показатели в зоне риска, величина которых в течение времени изучения колебалась.

Применение предложенной методики расчета интегрального показателя оценки условий воспроизводства человеческого капитала сельской местности позволяет проанализировать отдельные показатели развития сельских территорий и провести комплексную оценку условий воспроизводства человеческого капитала села; допускает ее использование для сравнительного анализа условий, созданных для воспроизводства человеческого капитала села отдельных регионов и стран; помогает выявить ключевые проблемы формирования человеческого капитала и предложить пути их решения. Одним из направлений ее использования выступает оценка эффективности реализуемых программ по развитию сельской местности.

Седьмой этап алгоритма является заключительным. В ходе его выполнения обобщается информация, полученная эмпирическим путем, причем в соответствии с целями анализа она группируется на результаты анализа человеческого капитала сельской местности, факторов его формирования, накопления и использования. Далее формулируются выводы, включающие описание институциональной среды воспроизводства человеческого капитала и их особенности, специфические для сельской местности, выявление тенденций изменения процессов, воздействующих на формирование человеческого капитала села, перечень ключевых проблем, затрудняющих его возобновление. Полученные выводы служат основой для разработки предложений. При этом системное решение комплекса проблем развития села и развитие человеческого капитала сельской местности следует осуществлять в рамках конкретного организационно-экономического механизма на основе единой концепции, включающей в себя цель, задачи и направления развития [5]. Наличие деструктивных тенденций в воспроизводстве человеческого капитала белорусского села требует совершенствования концепции его развития в современных социально-экономических и информационно-технологических условиях, формирующих новые квалификационные требования к человеческим ресурсам и гарантирующих достойные условия существования населения. Стратегической целью развития человеческого капитала белорусского села должно стать совершенствование его количественных и качественных характеристик на основе внедрения современных бизнес-моделей занятости, информационно-коммуникационных технологий, интеллектуализации экономики и создания комфортных условий проживания.

Таким образом, предложенный алгоритм дает возможность провести анализ человеческого капитала сельской местности с использованием не только количественных показателей, но и применением качественных данных, основой для которых выступают опросные методы. Индикаторами отдельных социально-экономических процессов являются статистические показатели, однако их использование в совокупности с результатами социологических опросов повышает обоснованность и достоверность результатов исследования.

Также отличием данного алгоритма от имеющихся является не только оценка состояния человеческого капитала, но и описание основных факторов, воздействующих на его воспроизводство. Автором выделены отдельные процессы, играющие важную роль в развитии человеческого капитала сельской местности. Для их описания составлена система показателей, сформулированы этапы анализа и установлена их очередность. Такой алгоритм позволяет не только установить основные проблемы, существующие при формировании, накоплении и использовании человеческого капитала села, но и определить их причины. Благодаря этому повышается возможность разработки обоснованных предложений по развитию человеческого капитала сельской местности.

Литература

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Решение Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г., № 5 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2035 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/NSUR-2035-1.pdf> – Дата доступа : 30.01.2025.
3. Лин, С. Д. К вопросу об оценке человеческого капитала / С. Д. Лин // Экономика. Бизнес. Финансы. – 2022. – № 4. – С. 33–36.
4. Лин, С. Д. Человеческий капитал белорусского села : трактовка категории и методика оценки / С. Д. Лин // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2023. – № 2 (137). – С. 112–116.
5. Лин, С. Д. Организационно-экономический механизм развития человеческого капитала белорусского села / С. Д. Лин, Л. Е. Тихонова // Потребительская кооперация. – 2023. – № 3 (82). – С. 3–8.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 07.02.2025

Направления исследований международной торговли сельскохозяйственной продукцией

С.В. СОРКИН

В статье на основе анализа отечественной и зарубежной научной литературы рассмотрены основные теоретические подходы и направления исследований международной торговли сельскохозяйственной продукцией. Обоснован вывод о том, что теоретической основой ее развития являются преимущественно теория сравнительных преимуществ, теория внутриотраслевой торговли, гравитационные модели, концепция продовольственной безопасности, смешанный подход, сочетающий в себе традиционные и новые теории. Сформулированы и приведены краткие выводы проанализированных исследований.

Ключевые слова: международная торговля, сельскохозяйственная продукция, сравнительные преимущества, внутриотраслевая специализация, гравитационная модель, продовольственная безопасность.

Based on the analysis of domestic and foreign scientific literature, the article examines the main theoretical approaches and research areas of international trade in agricultural products. The conclusion is made that the theoretical basis of its development is mainly the theory of comparative advantages, the theory of intra-industry trade, gravity models, the concept of food security, a mixed approach combining traditional and new theories. The brief conclusions of the analyzed studies are formulated and presented.

Keywords: international trade, agricultural production, comparative advantages, intra-industry specialization, gravity model, food security.

Введение. В современных условиях в масштабах мировой экономики особую актуальность приобретает обеспечение продовольственной безопасности стран, что вызвано обострением глобальной продовольственной проблемы. Это обуславливает потребность в наращивании объемов мирового производства и торговли продовольственными товарами. Сельскохозяйственная продукция является одной из основных товарных групп, обеспечивающих продовольственную безопасность стран, что определяет правомерность ее выделения и рассмотрения в качестве стратегического товара.

Согласно методологии Сельскохозяйственной и продовольственной организации ООН (ФАО), к сельскохозяйственной продукции принято относить пшеницу и другие зерновые культуры, рис, мясную и молочную продукцию, масличные культуры, рыбную и сахарную продукцию [1].

Ученые, исследующие проблемы развития международной торговли, особое внимание уделяют анализу и выявлению тенденций формирования и модификации товарной структуры в целом и ее особенностям по конкретным товарным группам. В этой связи видится актуальным изучение теоретических и эмпирических подходов, а также направлений исследований международной торговли сельскохозяйственной продукцией.

Основная часть. Изучение отечественной и зарубежной научной литературы последних десятилетий позволило обосновать вывод о том, что основными направлениями исследований международной торговли сельскохозяйственной продукцией являются теория сравнительных преимуществ, теория внутриотраслевой торговли, гравитационные модели, концепция продовольственной безопасности, а также смешанный подход, сочетающий в себе традиционные и новые теории.

Теоретический подход к исследованию международной торговли на основе теории сравнительных преимуществ. На протяжении многих лет основное направление эмпирического анализа торговли сельскохозяйственной продукцией основывалось на данной теории. В XXI в. зарубежными учеными на основе теории сравнительных преимуществ а) проведен сравнительный анализ стран-ведущих экспортеров сельскохозяйственной и молочной про-

дукции [2]; б) определены эффекты, отражающие изменение объемов внешней торговли сельскохозяйственной продукцией, обусловленные вступлением государств в интеграционные объединения [3]–[4].

Так, сравнительный анализ ведущих экспортеров сельскохозяйственной продукции осуществлен индонезийским экономистом М.А. Эскивиасом на примере экспорта сельскохозяйственной продукции Индонезии и пяти других крупнейших экспортеров АСЕАН (Малайзия, Тайланд, Вьетнам, Филиппины, Сингапур). Анализ торговых потоков по 545 товарам за период с 2007 по 2013 гг. позволил распределить все сельскохозяйственные товары по четырем различным секторам в соответствии с уровнем сравнительных преимуществ и экспортной специализацией и показать, что, во-первых, наибольший рост стоимостных и количественных объемов экспорта наблюдается именно по товарным позициям, обладающим наибольшим сравнительным преимуществом и экспортной специализацией; во-вторых, внешняя торговля в регионе ориентирована за пределы рынка государств-членов АСЕАН (82 % всего экспорта приходится на страны вне АСЕАН) [2].

Эффекты, отражающие вступление государств в интеграционную группировку и их влияние на объемы внешней торговли сельскохозяйственной продукцией, исследованы на примере стран-членов ЕС венгерским ученым А. Джэмбором. В своем исследовании он показал, что интенсивность торговли агропродовольственными товарами стран Вышеградской группы значительно возросла после их вхождения в ЕС в 2004 г. При этом расширение поразному повлияло на торговый баланс агропродовольственной продукции исследуемых стран. Венгрия и Польша имели положительное сальдо торговли агропродовольственными товарами за период 1999–2010 гг., причем Польша показала более высокие показатели. В то же время, Чехия и Словакия имели отрицательное внешнеторговое сальдо по данной товарной группе с растущим дефицитом. В целом доля стран ЕС во внешней торговле агропродовольственными товарами всех четырех стран Вышеградской группы увеличилась [3].

В своей другой работе на примере молочной промышленности А. Джэмбор эмпирически подтвердил правильность следующих выдвинутых гипотез: 1) более высокая обеспеченность факторами производства увеличивает сравнительные преимущества; 2) капиталовложения, осуществляемые за счет прямых иностранных инвестиций, могут препятствовать получению сравнительных преимуществ; 3) географическое указание места происхождения и производства товара положительно связано со сравнительными преимуществами; 4) вступление в ЕС оказывает положительное влияние на конкурентоспособность продукции [4].

Теоретический подход к исследованию международной торговли на основе теории внутриотраслевой торговли. Характерная для современного этапа развития мировой экономики тенденция увеличения объемов внутриотраслевой торговли находит свое отражение и применительно к сельскохозяйственному сектору. В связи с этим ученые используют в качестве теоретической основы развития международной торговли сельскохозяйственной продукцией такой фактор, как внутриотраслевая специализация.

Так, американские ученые С. Маккорристон и И.М. Шелдон в 1991 г. провели исследование, сделав выборку из десяти сельскохозяйственных товарных позиций для США и ЕС. Результаты показали, что в 1986 г. значительная часть внешней торговли данными товарами носила внутриотраслевой характер [5].

В 1994 г. группой американских ученых, состоящей из Дж. Дэйтона, Дж. Хирсберга и И.М. Шелдона, было установлено, что наиболее сильное влияние на уровень и объемы внутриотраслевой торговли сельскохозяйственной продукцией оказывают такие факторы, как расстояние между торговыми партнерами, членство в таможенных союзах и соглашениях о свободной торговле. Расстояние между странами оказывает негативное влияние на объемы внутриотраслевой торговли (чем больше расстояние между двумя странами, тем ниже объемы), в то время как членство в таможенном союзе либо зоне свободной торговли оказывает положительное влияние на внутриотраслевую торговлю [6].

Схожие факторы характерны и для внутриотраслевой торговли молочной продукцией. Так, исследователи Р. Пьери, Д. Рама и Л. Вентурини за период 1988–1992 гг. изучили фак-

торы внутриотраслевой торговли в молочной промышленности стран ЕС и показали, что такие факторы, как продуктивное разнообразие, схожесть вкусов и близость рынков стран-торговых партнеров оказывают положительное влияние [7].

Теоретический подход к исследованию международной торговли на основе гравитационной модели, которая также активно используется применительно к сельскохозяйственному сектору.

Например, испанские ученые Р. Серрано и В. Пинилья в 2010 г. с помощью гравитационной модели оценили влияние различных факторов на двустороннюю торговлю сельскохозяйственной продукцией для 40 стран за период с 1963 г. по 2000 г. Они пришли к выводу о том, что основными факторами относительно медленного роста внешней торговли сельскохозяйственной продукцией по сравнению с другими товарными позициями являются низкая эластичность спроса на сельскохозяйственную продукцию и продовольствие, высокая степень протекционизма данной отрасли и их незначительная доля во внутриотраслевой торговле [8].

Аналогичный подход был применен учеными А.А. Хатабом, Е. Ромстадом и К. Хуо для анализа основных факторов, влияющих на экспорт сельскохозяйственной продукции Египта за 1994–2008 гг., который показал, что увеличение ВВП Египта на 1 % приводит примерно к увеличению экспортных потоков сельскохозяйственной продукции Египта на 5,4 %. Но в то же время увеличение ВВП Египта на душу населения приводит к сокращению экспорта, что объясняется значительным увеличением спроса на сельскохозяйственные товары и растущим объемом потребления на внутреннем рынке [9].

В исследовании экспертов из Министерства сельского хозяйства США констатируется, что основными факторами, определяющими и оказывающими непосредственное влияние на динамику и объемы международной торговли молочной продукцией, являются различные механизмы ценовой поддержки и поддержки доходов товаропроизводителей, а также различные импортные ограничения и экспортные субсидии [10].

Схожей точки зрения придерживается американский ученый П. Виталиано, который выделяет три основные фактора, способствующие развитию международной торговли молочными продуктами в начале XXI в.: растущий спрос на молочную продукцию со стороны быстрорастущего населения Юго-Восточной Азии; либерализация внешнеторговой политики стран в результате Уругвайского раунда переговоров ВТО; рост мировых цен на молочную продукцию [11].

Теоретический подход к исследованию международной торговли на основе концепции продовольственной безопасности. Среди факторов, определяющих развитие международной торговли, – продовольственная безопасность, что особенно актуально для международной торговли сельскохозяйственной продукцией, производство которой во многом определяется климатическими условиями и иными природно-географическими факторами, вследствие которых участие многих стран в международной торговле обусловлено невозможностью либо экономической нецелесообразностью самим производить ту или иную продукцию, что побуждает их активно включаться в процессы международного обмена.

Данный тезис нашел широкое подтверждение в работах российских и белорусских авторов. Так, Н.А. Барышникова и О.М. Кирилук утверждают, что для многих стран мира расширение участия в международной торговле молочной продукцией – это неотъемлемый элемент национальной внешнеторговой стратегии и стратегии развития продовольственной безопасности. Среди мотивов такого участия авторы называют необходимость реализовать на внешнем рынке излишки продукции (у экспортеров), потребность обеспечить продовольственную безопасность государства (у импортеров) и др. [12].

К.А. Третьякова предлагает Концепцию интегрального продовольственного самообеспечения, которая предусматривает оценку зависимости полного воспроизводственного цикла продукции АПК от внешнеторгового фактора как основной фактор обеспечения продовольственной безопасности [13].

Интеграцию страны в мировую продовольственную систему; активное развитие внешнеторговых связей; обеспечение высокого уровня защиты национального продовольственно-

го и сельскохозяйственного рынка; формирование развитой конкурентной среды в качестве основных приоритетных направлений обеспечения продовольственной безопасности определяют в своих исследованиях В.А. Тихомирова [14], Б.А. Мельников [15], Н.Ю. Коток [16].

Белорусский исследователь Л.Н. Байгот отмечает, что «для Республики Беларусь одним из факторов сбалансированного развития продуктовых рынков и обеспечения продовольственной безопасности является оптимизация и повышение эффективности внешней торговли сельскохозяйственной продукцией и продовольствием» [17].

Т.Б. Бибик и С.П. Адашкевич в качестве одного из ключевых факторов обеспечения продовольственной безопасности называют торговую дипломатию (активное развитие торгово-экономических отношений, в том числе продукцией АПК), что особенно актуально после пандемии COVID-19, когда множество стран мира столкнулось с проблемой голода и нехватки продовольствия [18].

Диверсификацию экспорта в качестве основного приоритета и внешнеторговой политики Беларуси и обеспечения ее продовольственной безопасности отмечают в своих работах Т.А. Тетеринец и Д.А. Чиж [19], Н.В. Карпович и Е.Н. Макуценя [20].

Исследование международной торговли на основе смешанного подхода. С. Ван Беркум и Х. Ван Меил в своем исследовании отмечают, что на сегодняшний день не существует одной общей теории, объясняющей феномен международной торговли. Согласно их мнению, «более уместным представляется эклектический подход, основанный на сопоставлении наиболее важных характеристик сельскохозяйственной и пищевой продукции с различными теориями торговли». Не отвергая роли традиционных теорий в исследовании международной торговли сельскохозяйственной продукцией (модель Рикардо и модель Хекшера-Олина), авторы отмечают релевантность таких относительно новых подходов, как теории экономии масштаба и несовершенной конкуренции, горизонтальной и вертикальной внутриотраслевой торговли, теорию «новой экономической географии» и новейшую теорию международной торговли [21].

Заключение. Таким образом, проведенное в рамках данной статьи исследование позволило обосновать следующие выводы.

Во-первых, важную роль в развитии международной торговли сельскохозяйственной продукцией играют классические теории, такие как теория сравнительных преимуществ и теория внутриотраслевой торговли.

Во-вторых, продовольственная безопасность любой страны во многом достигается за счет таких внешних факторов, как объемы импорта и экспорта продовольствия, географическая диверсификация импортных продовольственных поставок, уровень защиты внутреннего рынка, которые формируют сущность понятия «международная торговля», что позволяет сделать вывод о тесной взаимосвязи продовольственной безопасности и международной торговли.

В-третьих, в современных условиях развития мировой экономики и международной торговли целесообразно применение смешанного подхода, основанного на сочетании традиционных теорий с относительно новыми концепциями и моделями.

Литература

1. Food outlook : Biannual report on global food market [Electronic resource] // Food and Agricultural Organization of the United Nations. – Mode of access : <https://www.fao.org/giews/reports/food-outlook/en/>. – Date of access : 15.11.2024.
2. The Change of Comparative Advantage of Agricultural Activities in East Java Within the Context of Asean Economic Integration [Electronic resource]. – Mode of access : <https://online.agris.cz/archive/2017/01/03>. – Date of access : 31.10.2024.
3. Jambor, A. Comparative advantages and specialisation of the visegrad countries agri-food trade / A. Jambor // Acta Oeconomica et Informatica. – 2013. – Vol. 16, is. 1. – P. 22–34.
4. Balogh, J. M. Determinants of revealed comparative advantages : The case of cheese trade in the European Union / J. M. Balogh, A. Jambor // Acta Alimentaria – 2017. – Vol. 46, is. 3. – P. 305–311.
5. McCorrison, S. Intra-industry trade and specialisation in processed agricultural products : the case of the US and the EC / S. McCorrison, I. M. Sheldon // Review of agricultural economics. – 1992. – Vol. 13, № 2. – P. 173–184.

6. Dayton, J. R. An analysis of bilateral intra-industry trade in the food processing sector / J. R. Dayton, J. G. Hirschberg, I. M. Sheldon // *Applied Economics*. – 1994. – Vol. 26, is. 2. – P. 159–167.
7. Intra-industry trade in the European dairy industry [Electronic resource]. – Mode of access : <https://academic.oup.com/erae/article-abstract/24/3-4/411/434626>. – Date of access : 31.10.2024.
8. The long-run decline in the share of agricultural and food products in international trade : a gravity equation approach to its causes [Electronic resource]. – Mode of access : <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-00716633/document>. – Date of access : 31.10.2024.
9. Determinants of Egyptian agricultural exports : A gravity model approach [Electronic resource]. – Mode of access : https://file.scirp.org/pdf/ME20100300002_48599092.pdf. – Date of access : 31.10.2024.
10. Trade liberalization in international dairy markets : estimated impacts [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.ers.usda.gov/webdocs/publications/45162/29525_err16_002.pdf?v=0. – Date of access : 31.10.2024.
11. Global dairy trade : where are we, how did we get here and where are we going? [Electronic resource]. – Mode of access : <https://ifama.org/resources/Documents/v19ib/2Vitaliano.pdf>. – Date of access : 31.10.2024.
12. Барышникова, Н. А. Международная торговля как фактор обеспечения продовольственной безопасности в современном мире / Н. А. Барышникова, О. М. Кирилюк // *Международная экономика*. – 2020. – № 11. – С. 5–16.
13. Третьякова, К. А. Внешнеэкономические интересы России как субъекта ВТО в сфере продовольственного обеспечения : дис. ... д-ра. экон. наук : 08.00.14 / К. А. Третьякова ; Ростовский государственный экономический университет. – Ростов-на-Дону, 2019. – 332 с.
14. Тихомирова, В. А. Обеспечение продовольственной безопасности : международный и российский опыт : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.14 / В. А. Тихомирова ; Российский ун-т дружбы народов. – М., 2019. – 190 с.
15. Мельников, Б. А. Приоритетные направления обеспечения продовольственной безопасности России : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Б. А. Мельников ; Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина. – Краснодар, 2018. – 201 с.
16. Коток, Н. Ю. Совершенствование системы обеспечения продовольственной безопасности России : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Н. Ю. Коток ; Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина. – Краснодар, 2022. – 160 с.
17. Байгот, Л. Н. Оптимизация объемов и структуры внешней торговли Беларуси агропродовольственными товарами в контексте обеспечения продовольственной безопасности / Л. Н. Байгот // *Вклад аграрной экономической науки в обеспечение продовольственной безопасности страны : материалы круглого стола, Минск, 28 сент. 2017 г. / Ин-т систем. исслед. в АПК НАН Беларуси*. – Минск, 2017. – С. 52–57.
18. Бирик, Т. Б. Торговая дипломатия и продовольственная безопасность Республики Беларусь в условиях пандемии COVID-19 / Т. Б. Бирик, С. П. Адашкевич // *Проблемы упр.* – 2021. – № 4. – С. 47–55.
19. Тетеринец, Т. А. Продовольственная безопасность Беларуси как императив устойчивого развития национальной экономики / Т. А. Тетеринец, Д. А. Чиж // *Економічний вісник університету : збірник наукових праць учених та аспірантів*. – Переяслав-Хмельницький : ПХДПУ, 2018. – Вип. 37/1. – С. 189–198.
20. Карпович, Н. Развитие экспортного потенциала агропродовольственной сферы Беларуси в контексте обеспечения продовольственной безопасности / Н. Карпович, Е. Макуценя // *Продовольственная безопасность Республики Беларусь : новые вызовы и возможности : материалы круглого стола, Минск, 18 октября 2023 г.* – Минск : Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2024. – С. 47–52.
21. Van Berkum, S. The application of trade and growth theories to agriculture: a survey / S. Van Berkum, H. Van Meijl // *Australian Journal of Agricultural and Resource Economics*. – 2000. – № 44. – P. 505–542.

Ответственный секретарь: *О.Г. Шляхтова*. Корректоры: *Е.Н. Федорова, И.А. Хорсун*

Подписано в печать 03.04.2025. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 16,04. Уч.-изд. л. 13,97. Тираж 20 экз. Заказ № 225.
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013 г.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий в качестве:
издателя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013 г.;
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017 г.
Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.